This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

891.708
S3
V.5

A 469489 DUPL

PROPERTY OF
University of Michigan Libraries
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

Hosted by Google

Hosted by Google

Hosted by Google

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

V.

СБОРНИКЪ

ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНІЕ“ ЗА 1904 ГОДЪ.

КНИГА ПЯТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Е. Чириковъ. Иванъ Миронычъ.
П. Телешовъ. Черною ночью.
А. Серафимовичъ. Заяцъ.
Скиталецъ. Кандалы.
Д. Айзманъ. Ледоходъ.
Л. Андреевъ. Воръ.
М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича.

Цѣна 1 рубль.

Printed in Russia

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1905.

Hosted by Google

891.708
S 3
v. 5

Типографія **Н. Н. Клобукова,** Лиговская улица, 34

Hosted by Google

СОДЕРЖАНІЕ:

	стран.
Е. Чириковъ. Иванъ Миронычъ	1
П. Телешовъ. Черною ночью	137
А. Серафимовичъ. Заяцъ	161
Скиталецъ. Кандалы	185
Д. Айзманъ. Ледоходъ	227
Л. Андреевъ. Воръ	263
М. Горькій. Разсказъ Филиппа Васильевича	287

Hosted by Google

Hosted by Google

Е. ЧИРИКОВЪ.

ИВАНЪ МИРОНЫЧЪ.

ПЬЕСА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Hosted by Google

Hosted by Google

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ БОГОЛЮБОВЪ — учитель шестиклассной прогимназіи, только что назначенный инспекторомъ. Плотный рыжеватый человѣкъ съ небольшой лысиной, лѣтъ за 40; вдовецъ, женатый вторымъ бракомъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА — жена его, стройная молодая женщина съ грустнымъ выраженіемъ лица, лѣтъ около 30-ти.

ОЛЬГА — дочь Боголюбова отъ перваго брака, дѣвушка, только что окончившая гимназію. Носитъ косу, любитъ напѣвать, кружиться; смотритъ на жизнь любопытно-восторженными взорами чистой дѣвичьей души.

ГРИША — сынъ Боголюбова отъ второго брака; очень подвижной экспансивный мальчикъ 12 лѣтъ, ненавидитъ свои „науки“, остался въ 1-мъ классѣ на второй годъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА — мать Боголюбова, вдова изъ духовнаго званія, лѣтъ за 60; полная женщина, неугомонная хозяйка и подозрительная собственница, недовольна всякими „новшествами“.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ — красивый высокій человѣкъ лѣтъ 28, по внѣшнему виду, жестамъ и манерамъ напоминающій „свободнаго художника“; веселъ, жизнерадостенъ, говоритъ пріятнымъ баскомъ. Случайный знакомый Боголюбовыхъ.

ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ — жирный человѣкъ лѣтъ за 50; страдаетъ одышкой, говоритъ вяло и угрюмо; недавно овдовѣлъ и сильно тоскуетъ по женѣ. Бывшій сослуживецъ Боголюбова.

Hosted by Google

ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ПЫРКОВЪ
МАРЬЯ ИВАНОВНА ПЫРКОВА — супруги лѣтъ подъ 40; оба полные и низенькіе, довольны собой и другъ другомъ; въ ихъ отношеніяхъ порою проскальзываетъ несвойственная ихъ возрасту игривость.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ИВАНОВЪ
СОФЬЯ ИВАНОВНА ИВАНОВА — супруги лѣтъ по 35; оба худощавые и высокіе, некрасивые и скучные люди. Онъ носитъ синіе очки, страдаетъ хроническимъ катарромъ горла и говоритъ съ женой раздраженнымъ тономъ; она неусыпно наблюдаетъ, чтобы мужъ не сдѣлалъ чего-нибудь вреднаго для здоровья, носитъ въ карманѣ нашатырный спиртъ и респираторъ.

ПЕТРОВА — вдова чиновника.

БАРЫНЯ
БАРЫШНЯ
ОФИЦЕРЪ
ГИМНАЗИСТЪ
} ГОСТИ.

ДУНЯ — горничная въ квартирѣ Боголюбовыхъ.

ДОМНА — кухарка.

Дѣйствіе происходитъ въ отдаленномъ провинціальномъ городѣ.

Hosted by Google

Иванъ Миронычъ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Hosted by Google

Новая квартира Боголюбовыхъ. Они только что переѣхали,—„устраиваются“. Гостиная съ необычайной, немного странной планировкой мебели. Въ дальней стѣнѣ три окна: отсюда великолѣпный видъ на рѣку, луга и зарѣчье. Въ лѣвой стѣнѣ дверь въ столовую. Въ правой стѣнѣ три двери: ближайшая — въ кабинетъ Боголюбова, средняя— въ корридоръ и переднюю, дальняя—въ комнату Ольги. Тихій весенній полдень. Окна раскрыты. Слышно, какъ гдѣ-то щебечутъ птицы.

При поднятіи занавѣса Вѣра Павловна и Ольга оканчиваютъ странную установку мебели; обѣ онѣ въ приподнятомъ настроеніи, веселы и радостны, похожи на увлекшихся играми дѣтей.

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ I.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вотъ здѣсь мы устроимъ зеленый уголокъ!.. Поставимъ два кресла и закроемъ ихъ пальмами... Понимаешь? Маленькій тропическій садикъ...

ОЛЬГА (хлопая въ ладоши).

Это будетъ великолѣпно!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ну, живо! Тащи цвѣты!

(Устраиваютъ маленькій садикъ, весело переговариваются, спорятъ и смѣются)

ОЛЬГА.

У одной моей подруги устроена рѣшетка, а внизу—длинный ящикъ съ землей. Въ землѣ растутъ какія-то вьющіяся растенія и ползутъ вверхъ по рѣшеткѣ... И выходитъ зеленая бесѣдка! Мы въ этой бесѣдкѣ учили уроки и мечтали о веснѣ... На дворѣ—зима, а мы—въ саду!

ВѢРА ПАВЛОВНА

(отходитъ и любуется издали)

А вѣдь красиво!

Hosted by Google

ОЛЬГА.

До свиданья! (Шутливо декламируетъ) „Ухожу отъ васъ я въ горы, въ море синяго тумана!" (Скрывается въ цвѣтахъ) Видишь меня?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Твоя кофточка просвѣчиваетъ черезъ листья, и это выходитъ удивительно красиво!.. Иди, помоги мнѣ притащить фикусъ. Мы его тоже—туда!..

ОЛЬГА

(выходитъ, любуется на садикъ).

Какъ жаль, что у насъ мало пальмъ! Надо бы еще такую... Знаешь... высокую съ протянутыми лапами. (Дѣлаетъ жестъ руками) А съ той стороны мало зелени..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Погоди: мы купимъ японскія ширмы съ подходящимъ рисункомъ и загородимъ... Я уже думала объ этомъ... И ширмы такія видѣла...

(Покашливаніе въ передней; обѣ настораживаются)

ЯВЛЕНІЕ II.

ПЕТРОВА (заглядываетъ въ дверь).

Могу видѣть господина инспектора? (Входитъ) Извините: я безъ доклада... Дверь не заперта... (Сухо раскланивается) Могу я видѣть?.. Вдова коллежскаго ассессора, Петрова!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Садитесь!.. А мы только что переѣхали... устраиваемся... Вы къ мужу?...

Hosted by Google

ПЕТРОВА.

Къ господину инспектору... По дѣлу... Я уже — въ третій разъ...

ОЛЬГА.

Папы нѣтъ... А вамъ зачѣмъ?.. Садитесь!

ПЕТРОВА (садится).

Сынъ у меня... Владиміръ... нынче кончилъ прогимназію... Я—вдова, бьюсь, какъ рыба на льду... Шесть лѣтъ тянула изъ себя жилы...

(Потихоньку плачетъ)

ОЛЬГА (тихо и участливо).

Что же случилось?

ПЕТРОВА.

Не поклонился онъ господину инспектору, а ему поведеніе убавили... Какое же это поведеніе, если онъ—мальчикъ близорукій?.. А теперь его не принимаютъ въ гимназію... Шесть лѣтъ тянула жилы... Что же это такое?!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Погодите: мужъ скоро придетъ...

ПЕТРОВА.

Хожу, хожу... Тамъ посидите, здѣсь — подождите... А время уходитъ... „Не мое дѣло, ничего не можемъ, ничего не знаемъ“.. Туда, сюда... Что же это такое? Укралъ онъ, что ли, или убилъ кого-нибудь?.. Какое же тутъ поведеніе! Никакого поведенія тутъ не было...

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ III.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, Петрова привстаетъ на стулѣ и кланяется, Любовь Васильевна отвѣчаетъ на поклонъ довольно сердито).

Вѣдь я вамъ сказала, что Ивана Мироныча нѣтъ! Это его дѣло, мы не можемъ въ его дѣла путаться... И на дому онъ не любитъ этого... Пожалуйте въ прогимназію,—тамъ и поговорите...

ПЕТРОВА.

Туда придешь, —домой ушли, домой придешь,—туда ушли... Я въ третій разъ прихожу... Мой мужъ служилъ вѣрой и правдой двадцать четыре года... Неужели онъ и деликатности для меня не заслужилъ?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (тихо).

Иванъ Миронычъ долженъ скоро прійти...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Я не знаю, заслужилъ онъ или не заслужилъ, а только Иванъ Миронычъ не велитъ на домъ по разнымъ постороннимъ дѣламъ... И нечего его ждать...

ПЕТРОВА

(встаетъ и очень взволнованно).

Вы меня извините... Я шесть лѣтъ жилы изъ себя тянула... Я по міру насбираю, а правды добьюсь!.. Я поѣду...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, и поѣзжайте! Кто васъ держитъ? Куда хотите, поѣзжайте... Этого запретить невозможно...

Hosted by Google

ПЕТРОВА (злобно).

Туда, сюда!.. Никто ничего не знаетъ и не хочетъ знать... Придешь туда,—ушли, придешь домой—ступай туда... Я, сударыня, не какая-нибудь мѣщанка.. Я сама чиновница... Нынче нельзя... Не велятъ... Прошло... Я по міру пасбираю, а поѣду... Будьте здоровы!.. Что же это такое?

(Взволнованно и рѣшительно уходитъ изъ гостиной)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (вслѣдъ ей).

Поѣзжайте, поѣзжайте.

(Машетъ рукой и идетъ за ней запереть дверь. Пока она запираетъ дверь, Вѣра Павловна съ Ольгой, встревоженныя этой сценой, о чемъ-то тихо переговариваются. На улицѣ, подъ окнами, странствующій болгаринъ бьетъ въ бубенъ и гнусаво поетъ „Шумна Марица". Ольга бросаетъ ему деньги, говоритъ съ нимъ. Опять стукъ бубна и гнусавый голосъ: „Шумна Марица". Входитъ Любовь Васильевна)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (бѣжитъ къ окну).

Перестань! Убирайся вонъ! Работать надо... Лѣнтяй! Что? А въ полицію хочешь? (Отходитъ отъ окна) Навѣрно, и не болгаринъ вовсе, а воръ какой-нибудь... Вымазалъ себѣ рожу и ходитъ... (Озираясь) Что вы тутъ натворили,—не разбери Господи!.. По модѣ это, что ли..! ужъ и не знаю... Все новшества, все хочется—не какъ у людей... (Подходитъ къ піанино) Полюбуйтесь: исцарапали! Просила—осторожнѣе, Христомъ Богомъ просила... а! инструментъ 400 цѣлковыхъ!.. Просто сердце кровью обливается. Чужого, видно, никому не жалко...

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не бѣда, Любовь Васильевна... (Идетъ къ окну)

ОЛЬГА (подойдя къ піанино).

Я на старой квартирѣ эту царапину видѣла... Вы за эту царапину ругали ужъ меня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Этакая вещь на всю жизнь покупается... А кто самъ во всю свою жизнь цѣлковаго не заработалъ, тому все „не бѣда"!

ОЛЬГА.

Будетъ ужъ...

(Съ гримасой отходитъ и прячется въ садикѣ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (раскрывъ піанино).

Пылищи—сколько угодно!.. И никто не догадается взять тряпку и стереть...

(Озабоченно уходитъ за тряпкой въ столовую)

ЯВЛЕНІЕ V.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля, поди сюда, посмотри! Пароходъ идетъ... (Ольга выскакиваетъ изъ „садика" и бѣжитъ къ окну) Ма-ленькій! Какъ игрушечный... (Слышенъ далекій свистокъ парохода) Когда я вижу убѣгающій пароходъ, мнѣ всегда хочется куда-то уѣхать... Куда?.. Не знаю... И я завидую всѣмъ, кто тамъ, на пароходѣ...

ОЛЬГА.

Боже мой, какъ красиво! Ширь, просторъ!.. Какъ я рада, мама, что мы переѣхали сюда!

(Цѣлуетъ Вѣру Павловну)

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Теперь, Оля, мы устроимъ съ тобой нашу жизнь по другому... Будемъ вставать рано и уходить на рѣку... Будемъ читать, говорить, думать... Сергѣй Борисовичъ будетъ доставать намъ интересныя книги... Скажи, тебѣ нравится Сергѣй Борисовичъ?..

ОЛЬГА (смущенно).

Н...не знаю... Я его немножко боюсь... Съ нимъ очень весело и интересно разговаривать, но я боюсь.

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ улыбкой).

Чего-жъ ты боишься?..

ОЛЬГА.

Мнѣ кажется, что... я... ему смѣшна... У него на лицѣ всегда скользитъ какая-то ироническая улыбочка... Мнѣ обидно...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Смѣшная ты, Оля!.. Ну, что-жъ ты покраснѣла?

ОЛЬГА.

Должно быть, ему со мной не интересно. Ничего-то я не знаю, что дѣлается на свѣтѣ... Мнѣ ужасно хочется учиться, путешествовать... Я хотѣла бы быть такой же умной, какъ онъ... (Послѣ паузы) Знаешь: ему не нравится наша жизнь?!..

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво).

Наша жизнь?.. да... Жизнь у людей коротенькая и не успѣешь оглянуться, какъ она пройдетъ. А мы много спимъ, ссоримся, никого сильно не любимъ и

Hosted by Google

ничѣмъ сильно не интересуемся... изъ вѣжливости ходимъ въ гости и изъ вѣжливости принимаемъ гостей, томимся скукой, злимся... (Вздохнувъ) У насъ больше половины жизни уходитъ на ссоры, обѣды, чаи и ужины...

ОЛЬГА.

Онъ, мама, сравнилъ нашу жизнь... не нашу съ тобой, а, понимаешь, всѣхъ такихъ, какъ мы, женщинъ, съ жизнью утокъ, которыхъ откармливаютъ къ праздникамъ...

(Звонко смѣется)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Утки... Это хорошо... Ты знаешь: я никогда въ жизни не видала, какъ восходитъ солнце... Никогда!

ОЛЬГА (восторженно).

Вчера, когда вы всѣ уснули, я долго сидѣла у окна... Пріотворила ставень и смотрѣла... До самой зари сидѣла... Ахъ, какъ это хорошо! Сперва на небѣ появилась розовая лента, потомъ она стала увеличиваться, краснѣть,—золотиться... И вдругъ точно весь міръ вздрогнулъ... Я тебѣ не могу передать, какъ это странно, хорошо и красиво! Понимаешь: точно все засмѣялось отъ радости...

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно).

А я не видала... Никогда... (Встряхнувъ головой) Но теперь мы увидимъ! Непремѣнно увидимъ!..

ОЛЬГА (становясь грустной).

Моя первая мама тоже никогда не видала, какъ восходитъ солнце... Когда она была при смерти, она

Hosted by Google

лежала въ полутемной комнатѣ и часто говорила, что хотѣла-бы хоть передъ смертью увидать, какъ восходитъ солнце...

(Вынимаетъ платокъ и закрываетъ глаза)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ты, никакъ, плачешь?.. (Ласкаетъ Ольгу) Я тебя люблю такъ же крѣпко, какъ первая мама... Ты такая добрая, чуткая... (Ольга порывисто обнимаетъ Вѣру Павловну и смѣется сквозь слезы) Теперь мы съ тобой будемъ жить по-новому... Вотъ увидишь, какъ намъ будетъ интересно и хорошо!.. Мы не будемъ походить на утокъ...

ОЛЬГА.

Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы вы съ папой никогда, никогда не ссорились!.. И съ моей первой мамой они... тоже ссорились... Она часто плакала... Я помню... одинъ разъ... Я была тогда совсѣмъ маленькая... Просыпаюсь я ночью и слышу: кто-то горько-горько плачетъ.

(Замѣтивъ входящую Любовь Васильевну, обрываетъ)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(войдя съ тряпкой, подходитъ къ піанино).

И ты, Олечка, погляжу я, такая же неряха, какъ твоя покойная мать... Вотъ тоже, бывало, ничего не жалко!.. А выйдешь замужъ, тебѣ же инструментъ пойдетъ...

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГРИША

(вбѣгаетъ красный, потный, поглощенный своими дѣлами).

Бабушка! На старой квартирѣ подъ лѣстницей у меня лежали бабки... Куда ты ихъ засунула?..

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Теперь ты—сынъ инспектора,—прилично ли тебѣ играть въ бабки?

ГРИША.

Теперь у тебя стало все неприлично... Въ городки играть неприлично, въ бабки—неприлично, съ мальчишками играть—неприлично...

(Перевѣшивается черезъ окно и съ кѣмъ-то задорно споритъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Географію лучше поучилъ бы!

ГРИША.

Только переѣхали—и сейчасъ же географію!.. Мама! Неужели сегодня папа будетъ изъ географіи?.. Только переѣхали...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вѣроятно, отецъ усталъ сегодня...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ вѣдь какое баловство! Отецъ старается къ порядку пріучить, а вы—„усталъ“... Усталъ, не усталъ, а ужъ онъ своего дѣла никогда не откладываетъ... (Изъ дверей столовой появляется Дуня, выметающая соръ) Я вотъ тоже устала, какъ ломовая лошадь. (Идетъ и садится въ „садикѣ“, сложивъ руки на животѣ) Лѣнтяй... вытянулся балбесомъ... Никто и не вѣритъ, что ему двѣнадцатый годъ...

(Ольга тихо бредетъ въ столовую)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Пойдемъ, Оля, за ширмами... Мнѣ ужасно хочется устроить этотъ уголокъ..

Hosted by Google

ОЛЬГА (какъ бы извиняясь).

Мнѣ не хочется на улицу... я пойду въ садъ... Мнѣ хочется побыть одной... Ты не сердишься? да?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вотъ еще! Иди, иди... мечтай! А я пойду... Дуня! дай мнѣ шляпу! Она гдѣ-то тамъ!

(Дѣлаетъ неопредѣленный жестъ въ пространство, Дуня уходитъ за шляпой. Ольга исчезаетъ. Дуня приноситъ шляпу. Вѣра Павловна надѣваетъ ее и уходитъ; Дуня продолжаетъ мести полъ около «садика»)

ЯВЛЕНІЕ VШ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что это у тебя блеститъ въ сору?

ДУНЯ.

Иголка, что ли...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Подними! Нагнуться людямъ лѣнь!..

ДУНЯ

(поднявъ и бросая иголку).

Не годится она: безъ ушка...

(Подогнавъ соръ къ печкѣ, складываетъ его туда руками. Гриша, подскочивъ къ раскрытому піанино, начинаетъ играть однимъ пальцемъ «чижика»)

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(вскакивая, идетъ къ Гришѣ).

Не барабань! не барабань! Инструментъ 400 цѣлковыхъ заплаченъ. (Хочетъ закрыть піанино, Гриша не даетъ, продолжая играть „чижика“) Уйди! руки отшибу! (Хлопаетъ крышкой піанино) Озорь! Погоди, отецъ придетъ, я пожалуюсь...

ГРИША

(убѣгая въ прискочку въ столовую).

Ты на все жалуешься, ты извѣстная ябеда!

(Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ, пострѣлъ!.. Погоди!..

ЯВЛЕНІЕ IX.

ДОМНА (въ дверяхъ столовой).

Барыня! У меня дымитъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

У васъ всегда дымитъ. На старой квартирѣ дымило... Теперь и здѣсь дымитъ?..

ДОМНА.

Не я печки-то строила... (Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идя слѣдомъ за ней).

Навалите въ плиту цѣлое беремя дровъ, поневолѣ дымитъ... Чего жалѣть: не мы покупаемъ дрова-то!..

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ X.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ и озабоченно кричитъ вслѣдъ уходящимъ).

Одна сажень на печку! Казенная норма! На плиту—полторы!.. (Къ Дунѣ) У тебя, душа моя, опять дверь расперта?

ДУНЯ (бѣжитъ запирать).

Только что молодая барыня вышли!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (озираясь).

Что за фокусы!.. (Пожимаетъ плечами, заглядываетъ въ «садикъ») Удивительно...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ и ворчитъ).

Натоплено, какъ въ аду... Дымитъ у нихъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Скажите пожалуйста, мамаша, кто это тутъ распорядился?

(Дуня возвращается и стоитъ со щеткой)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Дунѣ).

Иди, дѣлай свое дѣло! Лишній разъ рукой шевельнуть лѣнь... (Дуня уходитъ) Стоитъ, разинула ротъ, а жалованье ей идетъ каждый часъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что это за мебельная лавка!.. Конура какая-то изъ цвѣтовъ!..

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Садикъ, говорятъ, это... Не знаю...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Къ чему? (Разрушаетъ «садикъ», разставляя пальмы по угламъ) Да и вообще тутъ хаосъ какой-то... (Начинаетъ переставлять мебель) У людей передъ диваномъ столъ ставится, а у насъ—два пуфа... А третій (озирается)—чортъ его знаетъ, гдѣ... вонъ онъ!.. Гм!.. Намъ не нравится, если стулья стоятъ прямо и симметрично. Намъ, видите ли, понадобилось поставить ихъ такъ, какъ они никогда еще не ставились...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(помогая переставлять).

По-новому захотѣлось... Новый порядокъ... И жить, говоритъ, станемъ теперь по-новому... Ужъ какую-такую новую жизнь она думаетъ устроить — неизвѣстно...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Не такъ, мамаша! Около дивана ставится кресло, а затѣмъ уже—полукресло...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А я какъ же поставила?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(съ легкимъ раздраженіемъ).

Это называется, мамаша, полу-кресломъ, а не кресломъ. Нельзя этого смѣшивать. (Послѣ паузы) А обивочку, пожалуй, придется – новую...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Чехлы надѣнемъ—не видать будетъ. Поднимать да заглядывать не станутъ...

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Чехлы?.. Пожалуй... Ничего не оставили на старой квартирѣ? въ каретникѣ? чуланѣ? на подволокѣ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все, все! до послѣдняго гвоздя! Сама всю квартиру обошла, все обозрѣла... Чисто! До послѣдняго гвоздя... Я и вьюшки изъ бани забрала: нами онѣ куплены, не хозяиномъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

И прекрасно! Имѣли полное право...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вьюшки могутъ пригодиться... Онѣ денегъ стоятъ... (Устанавливаютъ мебель по общепринятому въ глухой провинціи шаблону) Ну, слава Богу! Теперь, кажется, все на своемъ мѣстѣ...

(Уходитъ въ столовую)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(оглядываетъ гостиную и потирая руки).

Совсѣмъ другое дѣло!

(Прохаживается, дѣлаетъ нѣсколько поправокъ, заводитъ часы съ музыкой, часы играютъ что-то торжественное, Иванъ Мироновичъ довольнымъ тономъ подпѣваетъ басомъ, затѣмъ подходитъ къ тазику съ пескомъ и плюетъ туда)

Эхъ! не попалъ! (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ДУНЯ (въ дверяхъ).

Что, баринъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень серьезно).

Плюнулъ и не попалъ. (Показываетъ рукой) Вытри, душа моя!.. Сейчасъ же вытри! (Дуня уходитъ и сейчасъ же возвращается со щеткой) Кто же вытираетъ щеткой? щеткой метутъ. Каждая вещь имѣетъ свое назначеніе. (Дуня убѣгаетъ и возвращается съ тряпкой) Вотъ здѣсь!... (Дуня вытираетъ полъ) И затѣмъ, душа моя, изволь одѣваться поопрятнѣе: ты служишь у инспектора...

ДУНЯ.

Возня, уборка... Развѣ можно въ чистомъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну, сегодня ужъ пускай такъ... А вообще-то, душа моя, надо поопрятнѣе...

(Оглядываетъ Дуню, морщится и тихо уходитъ въ кабинетъ. Дуня уходитъ въ столовую. Пауза. Слышно, какъ въ саду поютъ птицы, какъ «тикаютъ» часы и какъ покашливаетъ въ кабинетѣ Иванъ Мироновичъ)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ОЛЬГА

(напѣвая «Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ», вбѣгаетъ въ гостиную съ книгой въ рукѣ, удивленно-испуганными глазами смотритъ на гостиную и почти съ ужасомъ восклицаетъ).

Опять по-старому! Кто это испортилъ?..

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (изъ кабинета).

Что тамъ такое?..

ОЛЬГА

(подбѣгаетъ къ двери кабинета).

Папочка! Неужели нельзя было оставить, какъ нравится мамѣ? Тебѣ все равно, а ей хотѣлось по-новому...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(изъ кабинета, серьезно).

Нѣтъ, не все равно. Кабы было все равно, такъ бы лазили въ окно... А для этого дѣлаются двери.... Я не хочу ходить и запинаться.

ОЛЬГА.

Ты никогда не хочешь сдѣлать такъ, какъ нравится мамѣ...

(Отходитъ отъ кабинета, печально оглядываетъ гостиную и идетъ къ окну, — читаетъ)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(впопыхахъ входитъ).

Ольга! Не видала ключи отъ буфета?

ОЛЬГА (не отрываясь отъ книги).

Ничего я не видала... Не мѣшайте!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

„Не мѣшайте“! Все книжки читаешь... А выйдешь замужъ,—щей мужу не сумѣешь сварить...

Hosted by Google

ОЛЬГА.

Я въ кухарки къ мужу не собираюсь...
(Уходитъ въ садъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

По-новому тоже хочешь? Все будешь книжки читать, а мужъ будетъ щи варить?.. Къ этому ваша новая-то жизнь клонится... (Звонокъ) Авдотья! Авдотья!

(Идетъ въ столовую и продолжаетъ кричать. Пробѣгаетъ изъ столовой Дуня. Въ передней слышенъ звонкій веселый голосъ Вѣры Павловны)

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ДУНЯ
(вноситъ японскія ширмы).

Куда ихъ, барыня, поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (въ дверяхъ).

Что это значитъ? (Входитъ, озирается) Кто это распорядился?!

ДУНЯ.

Баринъ. Имъ не нравилось. Куда ихъ поставить-то?

ВѢРА ПАВЛОВНА (раздраженно).

Брось! все равно.. не надо...

ДУНЯ
(ставя къ стѣнѣ ширмы).

Баринъ по-старому захотѣли. (Уходитъ)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(въ дверяхъ кабинета, въ одномъ жилетѣ).

Я распорядился.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы? Я такъ и знала...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Помилуй, душа моя, это была не гостиная, а хаосъ, хаосъ довременный.... Ни въ одномъ порядочномъ домѣ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (съ злымъ смѣшкомъ).

Конечно! конечно!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходитъ на средину гостиной).

Некрасиво, неудобно и... безтолково...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не симметрично? Конечно! Вы... вы удивительно симметричный человѣкъ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Нѣтъ ничего удивительнаго: законъ симметріи, это, душа моя, міровой законъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Еще бы!..

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень спокойно).

Сама природа подчиняется этому закону... У всѣхъ людей—двѣ руки, расположенныя вполнѣ симметрично, двѣ ноги...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

И только одна голова!.. И, къ сожалѣнію, не всегда умная!.. Вы удивительно симметричны! У васъ даже всѣ добродѣтели съ пороками расположены симметрично!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Весьма вѣроятно.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

У васъ на пятакъ добродѣтелей и ровно на пятакъ пороковъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Какіе, скажите пожалуйста, сады вамъ понадобились, когда у васъ подъ бокомъ есть настоящій садъ? Вамъ хотѣлось, видимо, устроить укромный уголокъ для вашихъ умныхъ разговоровъ съ этимъ... господиномъ... Какъ его? Два креслица, шиворотъ-на-выворотъ, кругомъ цвѣты... Во вкусѣ второй имперіи!

ВѢРА ПАВЛОВНА (злобно хохочетъ).

Второй имперіи!.. А вы думаете, что вашему царствованію не будетъ конца?..

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ОЛЬГА

(входитъ изъ столовой въ вѣнкѣ изъ бѣлой сирени).

Опять вы! Будетъ вамъ! Папочка!..

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (къ женѣ).

Лѣчиться вамъ, мадамъ, слѣдуетъ, полѣчиться...

(Уходитъ въ кабинетъ и затворяетъ за собой дверь. Вѣра Павловна садится у окна и, тоскливо подперевъ голову, смотритъ туда. Приближается Ольга, прижимается къ Вѣрѣ Павловнѣ. Обѣ молчатъ. Слышно, какъ поютъ въ саду птицы и «тикаютъ» часы).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ГРИША

(вбѣгаетъ съ птичкой въ ладоняхъ рукъ).

Мама! Мамочка! Я пѣночку поймалъ! Ей-Богу! Честное слово!.. Вотъ здѣсь она! (Къ пѣночкѣ) Миленькая моя, ненаглядная!..

ОЛЬГА.

Сомнешь ее! Выпусти на волю!..

ГРИША.

Дай пятакъ, такъ выпущу!

ОЛЬГА.

Безсовѣстный! Папа тебѣ не велѣлъ мучить животныхъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Выпусти, Гриша...

ГРИША.

Да-а! Я ловилъ-ловилъ... Я ее въ клѣтку посажу...

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XX.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, побрякивая ключами).

Сколько у насъ, Вѣра Павловна, новыхъ салфетокъ-то было куплено?

ГРИША.

А у меня—пѣночка!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не помню... Не знаю...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ тебѣ и разъ! Кто же будетъ знать? Этакъ весь домъ растащутъ!

(Тихо уходитъ въ столовую)

ГРИША (идетъ рядомъ).

Дай пятакъ, выпущу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ахъ ты, мучитель! Что у тебя отецъ-то самъ, что ли, пятаки-то дѣлаетъ?!

(Оба скрываются въ столовой)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ОЛЬГА

(послѣ большой паузы).

Мама?

ВѢРА ПАВЛОВНА (разсѣянно).

Что, голубчикъ?

Hosted by Google

ОЛЬГА.

Что ты молчишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Такъ... думаю...

ОЛЬГА.

О чемъ? а?

(Встаетъ передъ Вѣрой Павловной, заглядываетъ ей въ глаза)

ВѢРА ПАВЛОВНА (какъ бы очнувшись).

Не знаю, голубчикъ... Сама не знаю...

ОЛЬГА

(снявъ съ головы вѣнокъ).

Посмотри: я сдѣлала вѣнокъ. Какъ много у насъ въ саду сирени! Ужасъ!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да?

ОЛЬГА.

Цѣлая аллея! Съ одной стороны—бѣлая, а съ другой—лиловая... Хочешь—пойдемъ въ садъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ, не хочется... Иди!

ОЛЬГА.

Ты любишь бѣлую сирень?

(Вертитъ въ рукахъ вѣнокъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я? Да...

Hosted by Google

ОЛЬГА.

Въ Малороссіи всѣ дѣвушки носятъ вѣнки... Какъ это, должно быть, красиво! Ты никогда не была въ Малороссіи?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ.

ОЛЬГА.

А гдѣ ты жила, когда была маленькая?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Въ большомъ каменномъ домѣ. Я училась въ Петербургѣ въ сиротскомъ институтѣ... У меня рано умерли и отецъ и мать, и не было близкихъ людей. И все мое дѣтство и юность прошли тамъ, въ каменномъ домѣ.. Кругомъ дома была каменная ограда съ высокой чугунной рѣшеткой... А у воротъ была будка, и въ ней всегда сидѣлъ сторожъ...

ОЛЬГА.

А потомъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

А потомъ... потомъ я вышла изъ этого каменнаго дома и перешла въ другой каменный домъ: поступила въ гувернантки А потомъ... Ничего больше! Вышла замужъ и теперь... вотъ видишь... сдѣлалась... инспекторшей и живу.. здѣсь... (Пауза)

ОЛЬГА

(пристально смотритъ на Вѣру Павловну, улыбается).

Ты... очень хорошенькая.. Я на тебя надѣну вѣнокъ... (Приподнимаетъ надъ головой Вѣры вѣнокъ) Позволишь?

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА

(беретъ вѣнокъ и кладетъ его на окно).

Не надо... не стоитъ... Поздно... Счастливая моя дѣтка! (Привлекаетъ Ольгу и цѣлуетъ ее въ голову) Ничего-то ты не знаешь... (Гладитъ Ольгу по головѣ) И я была такая же..

(Прижавшись другъ къ другу, онѣ молча смотрятъ въ окно; слышно, какъ въ саду поютъ птицы; потомъ доносится сердитый окрикъ Любови Васильевны на прислугу. Опять тихо)

ОЛЬГА.

Посмотри, мамочка: рѣка здѣсь золотая, а вонъ тамъ синяя, какъ небо... А тамъ луга, зеленые-зеленые и что-то бѣлѣетъ... Далеко-далеко видно!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да, далеко... Очень далеко...

ОЛЬГА.

А тамъ—синій туманъ.. Словно горы.. Такъ бы и убѣжала туда... Правда? Если бы у меня были крылья, я сейчасъ же полетѣла бы туда!.. Черезъ рѣку, черезъ луга, туда, гдѣ синіе туманы... Что тамъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ничего нѣтъ... Все то же..

(Съ улицы доносится выкрикивающій голосокъ дѣвочки: „Цвѣтовъ! цвѣтовъ не надо ли, барышня?“)

ОЛЬГА

(перегибаясь черезъ подоконникъ).

Цвѣты?.. (Обернувшись къ Вѣрѣ Павловнѣ) Ландыши, мамочка! (Кричитъ въ окно) Бросай сюда!.. Деньги? На, лови!

Hosted by Google

(Бросаетъ въ окно монету) Поймала? Ну, бросай!.. (Въ окно влетаетъ нѣсколько связанныхъ въ небольшіе букетики ландышей, Ольга со смѣхомъ ловитъ ихъ, поднимаетъ съ полу, и, собравъ въ одинъ букетъ, подаетъ Вѣрѣ Павловнѣ) Это я—тебѣ, на новоселье!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Благодарю тебя, милая дѣтка! (Цѣлуетъ Ольгу)

ОЛЬГА.

Ты, вѣдь, любишь ландыши?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да, люблю. Они какіе-то странные, особенные: хрупкіе и нѣжные... Словно выросли не на землѣ... Они цвѣтутъ очень недолго... Скоро они пропадутъ...

ОЛЬГА.

Поставимъ ихъ въ воду! (Убѣгаетъ въ свою комнату и сейчасъ же возвращается съ наполненнымъ водою стакаломъ) Давай сюда! (Ставитъ цвѣты въ стаканъ, вода переливается черезъ края) Ухъ! черезъ край! Облилась! Я буду каждый день перемѣнять воду,—они будутъ жить долго-долго...

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно).

Все равно... завянутъ...

ОЛЬГА

(Ставитъ цвѣты на подоконникъ и, увидя идущаго по улицѣ Сергѣя Борисовича, кричитъ)

Сергѣй Борисовичъ! (Очень привѣтливо киваетъ головой) Мы переѣхали!.. Мама? Она дома... Вотъ здѣсь! (Показываетъ лѣвой рукой на Вѣру Павловну) Она груститъ,

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля! Зачѣмъ объ этомъ говорить? Кому это интересно!..

ОЛЬГА.

Зайдите! Что? Хоть на одну минуточку! (Бѣжитъ отъ окна въ переднюю) Я его напугаю!..

(Вѣра Павловна наскоро оправляетъ прическу, платье. Въ передней слышенъ хохотъ Ольги и гудящій басокъ Сергѣя Борисовича)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ОЛЬГА

(выскакиваетъ изъ передней, радостно смѣется и хлопаетъ въ ладоши).

Ура! Напугала!.. А еще говоритъ, что ничего на свѣтѣ не боится!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (входитъ).

Чуть-чуть въ обморокъ не упалъ... Здравствуйте, Вѣра Павловна! (Здоровается съ Вѣрой) Съ новосельемъ, значитъ... (Оглядываетъ гостиную)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мы еще все устраиваемся...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Все, какъ слѣдуетъ: и диванчикъ, и цвѣточки, и картиночки... (Подходитъ къ картинѣ, разсматриваетъ) Это что же изображаетъ?

ОЛЬГА.

Развѣ не видите? Дѣвушка съ кошкой!

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Трогательно! Стало быть, тамъ (Показываетъ на другую картину)—Мальчикъ съ собачкой?..

(Вѣра Павловна смѣется нервнымъ смѣхомъ)

ОЛЬГА.

Вотъ и не угадали: не съ собачкой, а съ обезьяной!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ну, это еще оригинальнѣе!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Почему вы всегда веселый, жизнерадостный?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Не знаю, Вѣра Павловна...

ОЛЬГА.

Вы--счастливый?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смѣется).

Должно быть, счастливый... А вамъ, Ольга Ивановна, вѣроятно, надоѣло жить?!

ОЛЬГА.

Убирайтесь вы! Вѣчно подтрунивaете...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы любите жизнь?

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Люблю и жизнь, и себя, и немножко людей люблю... Люблю слушать, какъ поютъ ночью соловьи, какъ при закатѣ солнца квакаютъ лягушки... И лягушекъ люблю!

ОЛЬГА (хохочетъ).

Ненавижу лягушекъ... Холодныя, скользкія!..

(Дѣлаетъ нервное движеніе отъ ощущенія гадливости)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Люблю смотрѣть, какъ смѣется солнышко и какъ груститъ луна...

(Присаживается на стулъ)

ОЛЬГА.

А-а! Это и я люблю.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Какъ плачетъ осенью дождикъ и какъ зимой крутитъ въ полѣ метель... Однажды меня препровождали изъ одного скверная города въ другой, еще болѣе скверный... Морозы стояли великолѣпные! Снѣгъ сіялъ такъ, что трудно было смотрѣть... Сибирскія лошади—это, я вамъ скажу,—птицы! Летишь, духъ замираетъ... А главное, пріятно ужъ очень ощущеніе неизвѣстности! Куда-то ѣдешь и самъ хорошенько не знаешь: что-то съ тобой будетъ,—и тоже ничего не знаешь. Висишь себѣ среди снѣговъ, слушаешь колокольчики и бубенчики и сливаешься съ этимъ холоднымъ сверкающимъ царствомъ снѣговой пустыни... Ей-Богу, хорошо! 800 верстъ проѣхали...

Hosted by Google

ОЛЬГА

(незамѣтно подходитъ и неожиданно надѣваетъ на голову Сергѣя Борисовича вѣнокъ изъ сирени. Тотъ хочетъ снять вѣнокъ).

Не снимайте! Я васъ прошу! Пожалуйста. (Любуется) Очень красиво! Когда римскіе полководцы возвращались съ полей битвы побѣдителями, на нихъ надѣвали вѣнки...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (шутливо).

Ну, а я не полководецъ и никого еще не побѣдилъ. Все еще сражаюсь... А потому... (Хочетъ снять вѣнокъ)

ОЛЬГА

(не даетъ снять).

Вы побѣдите! Непремѣнно побѣдите!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вы вѣрите въ это?

ОЛЬГА.

Вѣрю! вѣрю!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ну, тогда пехай его лежитъ на головѣ! (Къ Вѣрѣ Павловнѣ) Прочитали „Мадамъ Бовари“?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Прочитала.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Понравилась книга?

ОЛЬГА.

Очень! очень! Мама плакала!

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА

(чувствуя неловкость).

Съ чего это ты взяла, Оля?

ОЛЬГА.

Зачѣмъ ты скрываешь? Развѣ это—дурно?

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, здоровается съ Сергѣемъ Борисовичемъ).

Вѣночекъ, сударь, надѣли?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смущенно).

Я и забылъ... (Снимаетъ вѣнокъ) Это все Ольга Ивановна... шалитъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Хозяинъ не велѣлъ рвать сирень-то!

ОЛЬГА.

Пустяки! Чѣмъ больше ее рвать, тѣмъ она будетъ лучше на будущую весну!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (уходя).

Очень ужъ ты у насъ бойкая на язычекъ-то! А поди-ка вотъ поругайся съ хозяиномъ!

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(хочетъ выйти изъ кабинета въ одномъ жилетѣ, но, замѣтивъ гостя, сухо произноситъ).

Виноватъ-съ!

(Скрывается. Вѣра начинаетъ смѣяться)

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ну, однако, надо бѣжать...

ОЛЬГА (недовольно).

Куда вы?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Какое тебѣ, Оля, дѣло?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

Далеко, отсюда не видать...

(Жметъ руки и уходитъ. Ольга, пришѣвъ за піанино, начинаетъ играть грустные мотивы. Вѣра Павловна сидитъ въ задумчивой позѣ у окна. Вдали слышенъ крикъ Любови Васильевны на Гришу, затѣмъ Гриша стремглавъ пролетаетъ изъ столовой въ гостиную и прячется отъ бабушки въ комнатѣ Ольги)

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ, догоняя бѣглеца: въ одной рукѣ у ней ремень, въ другой—шпага Ивана Мироновича).

Гдѣ онъ? Вотъ озорникъ! Отцовской шпагой въ саду крапиву рубитъ!.. Надѣлъ ордена и крапиву рубитъ...

ОЛЬГА.

Вы безъ ремня не можете...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Я—по старому способу... Это ужъ вы по-новому, а я выдеру вотъ,—не будетъ безобразничать въ другой разъ!

(Идетъ въ комнату Ольги. Вѣра Павловна вскакиваетъ и загораживаетъ дверь)

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я не позволю бить ремнемъ!..

ГРИША

(голосъ изъ комнаты).

Мамочка! милая! Она ужъ меня побила! Ей все мало!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (крикливо).

Молчи! Вотъ я надѣну на тебя собачій намордникъ, будешь у меня разсуждать! (Къ Вѣрѣ) Дурой онъ меня обругалъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я его накажу сама... Бить не позволю!..

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходитъ изъ кабинета; тономъ слѣдователя).

Что такое вышло? Разскажите!.. Что онъ надѣлалъ?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(размахивая рукой).

Я отказываюсь воспитывать твоихъ дѣтей! Что это такое: гдѣ бы поучить хорошенько, а мать потворствуетъ! Это по-новому! Возьми твою шпагу... на! (Суетъ Ивану Мироновичу шпагу) Мнѣ наплевать на васъ и на вашу новую жизнь! Обругалъ меня дурой, а ты его не смѣй пальцемъ тронуть!

(Бросаетъ на полъ ремень и уходитъ въ столовую)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (ей вслѣдъ).

Погодите! Надо же разобрать!

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (изъ столовой).

Сами воспитывайте!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что такое вышло, Ольга?

ОЛЬГА.

Гриша взялъ твои ордена и шпагу... игралъ ими... больше ничего, а бабушка сейчасъ же за ремень...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А дурой мамашу онъ дѣйствительно назвалъ?

ГРИША

(изъ комнаты плаксиво).

Вретъ она! Она сама меня обругала дуракомъ, а я сказалъ: „дуракъ—родомъ такъ!..“ Вретъ она!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(очень строго).

Вретъ... Кто вретъ? Это ты про старшихъ?!

(Идетъ къ Гришѣ, отстраняетъ Вѣру Павловну и входитъ въ дверь. Изъ комнаты несется плачъ и крикъ Гриши: „не буду, папочка! не буду, миленькій! будетъ, папочка!.. будетъ!..“ Ольга, заткнувъ уши, убѣгаетъ въ столовую)

ВѢРА ПАВЛОВНА

(поднявъ ремень съ полу, бросаетъ въ комнату Ольги).

Господинъ инспекторъ! Вы позабыли ремень!..

(Въ сильномъ волненіи уходитъ изъ гостиной)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(входитъ съ орденами).

Вотъ этакъ-то лучше! Будетъ помнить... (Крики въ комнатѣ стихаютъ) А по-новому-то ужъ вы тамъ...

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходитъ изъ комнаты, ухмыляется).

Брыкается, негодяй, ногами! (Смотритъ на руку) Ссадилъ вѣдь!.. И оретъ!.. Я его не больно, а онъ оретъ на весь домъ... Брыкается ногами!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Они что-то всѣ стали брыкаться... (Протягиваетъ ордена) На, спрячь ордена-то!..

(Слышно, какъ въ столовой накрываютъ столъ къ обѣду)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(беретъ ордена, смотритъ и вдругъ раздраженно кричитъ).

А гдѣ же Анна? Нѣтъ Анны! Подите, ищите Анну!..

ГРИША

(выглянувъ изъ двери).

Анна, папочка, здѣсь... у меня въ карманѣ!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Подай сюда!

(Подходитъ къ двери, изъ которой торчитъ рука Гриши съ орденомъ. Иванъ Миронович беретъ орденъ и хлопаетъ по рукѣ Гришу. Затѣмъ идетъ въ кабинетъ)

Игрушки устроилъ...

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XXIX.

ДУНЯ (въ дверяхъ).

Кушать подано!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Зови молодую барыню и барышню!

ДУНЯ.

Молодая барыня не будутъ кушать: онѣ пить хотятъ, а барышня читаютъ въ саду книжку и говорятъ, что у нихъ нѣтъ аппетиту... (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ они, порядки пошли какіе!... Стряпано на пять душъ, а у нихъ аппетиту нѣтъ...

(Всплеснувъ руками, идетъ въ столовую)

Занавѣсъ.

Hosted by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Hosted by Google

Заброшенный садъ при квартирѣ Боголюбовыхъ. Слѣва отъ зрителя, подъ угломъ, поднимается сѣрая стѣна стараго деревяннаго дома, къ стѣнѣ примыкаетъ низкая открытая веранда въ садъ. На веранду выходятъ четыре окна со ставнями и между ними двойныя двери въ столовую — стеклянныя и глухія. Посерединѣ веранды—столъ, на немъ букеты изъ сирени. Отъ веранды разбѣгаются тропинки въ глубь сада. Справа видна часть забора, утыканнаго поверху ржавыми гвоздями. Время — подъ вечеръ. Верхушки дальнихъ березъ обрызганы золотистымъ свѣтомъ низкаго солнца; свѣтъ и тѣни тянутся по травѣ, переплетаясь замысловатыми узорами. Кое-гдѣ бѣлѣетъ цвѣтущая сирень. На авансценѣ—двѣ старыхъ березы, подъ тѣнью которыхъ круглый обросшій грибами столъ съ лавочками вокругъ въ видѣ буквы «п». При поднятіи занавѣса Иванъ Мироновичъ безъ пиджака, но въ галстукѣ, сидитъ на лѣстницѣ веранды и сооружаетъ огородное пугало; около Ивана Мироновича копошится Гриша, поглощенный устройствомъ этого пугала. Дуня приготовляетъ подъ березами столъ для вечерняго чая. Съ рѣки вѣтерокъ доноситъ пѣніе судовыхъ рабочихъ: „О-о, разокъ, да вотъ разокъ! Еще махонькій разокъ!“

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ I.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(въ благодушномъ настроеніи).

Вотъ видишь: и мой старый фракъ пригодился, и бабушкина шляпка пригодилась... Все можно употребить, братецъ мой, съ пользой... (Поднимаетъ „чучело")

ГРИША.

Папочка! рукава болтаются!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Такъ оно и слѣдуетъ. Рукава будутъ отъ вѣтра болтаться, а воробьи и галки будутъ думать, что это— настоящій человѣкъ машетъ руками, и будутъ бояться... И ягоды, другъ мой, будутъ цѣлѣе... Поставимъ это пугало на дорожкѣ. Привяжемъ его на длинную палку и воткнемъ въ землю... А чтобы удобнѣе было воткнуть, заостримъ конецъ... Понимаешь теперь?..

(Навязавъ пугало на палку, встаетъ и несетъ его въ глубь сада. Гриша въ ажитаціи бѣжитъ позади)

ГРИША.

Точно вѣдьма, папочка!.. Еще сдѣлаемъ?..

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Нѣсколько штукъ сдѣлаемъ...

(Исчезаютъ за кустами)

ГРИША

(голосъ издали).

У бабушки есть твоя старая треуголка!..

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(выходитъ съ чаемъ и сахаромъ на веранду и ворчитъ).

Нищихъ этихъ сколько развелось, отбою нѣтъ!.. Домъ бы трудолюбія имъ, что ли, выстроить... (Къ Дунѣ) Я тебѣ велѣла на верандѣ?!..

ДУНЯ.

Я не знаю, кого слушаться: барышня велѣли здѣсь, а вы на верандѣ...

(Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(спускаясь съ лѣстницы).

Вкуснѣе, что ли, будетъ чай-то, если его пить на гиломъ столѣ подъ березами?.. Ходи сюда чай пить, когда на верандѣ и столъ, и всѣ удобства... (Отряхаетъ скамью) Воробьи тутъ прыгаютъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

ОЛЬГА

(сбѣгая съ веранды).

Какъ пріятно въ вечеръ майскій чай китайскій... Гдѣ папа? Эта вдова опять пришла... Пусть папа поговоритъ съ ней,—мнѣ ее жалко...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(сорвавшись съ мѣста).

Опять? (Идетъ въ комнаты) Иванъ Миронычъ тоже человѣкъ... Ему тоже покой нуженъ...

ОЛЬГА.

Погоди: я скажу папѣ!.. Она плачетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Нечего его безпокоить... Чаю напиться не дадутъ.

(Исчезаетъ въ дверяхъ столовой)

ОЛЬГА (кричитъ).

Папа! Па-па! Пришла вдова!

(Медленно уходитъ и скрывается за кустами)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ДУНЯ (несетъ самоваръ).

То на лужайку, то подъ березы... Потаскай вотъ его, проклятаго! (Ставитъ самоваръ на столъ подъ березами) Скипѣлъ, что ли?.. (Продуваетъ самоваръ) И мошекъ перестали бояться...

(Уходитъ въ комнаты)

ЯВЛЕНІЕ V.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(за нимъ опечаленная чѣмъ-то Ольга и веселый Гриша).

Я тебѣ разъ навсегда сказалъ, чтобы ты не лѣзла не въ свое дѣло!.. Мало ли кто плачетъ?!

(Дѣловитой походкой идетъ въ комнаты. Гриша и Ольга отстаютъ)

Hosted by Google

ГРИША.

Видѣла чучелу? Мы съ папой еще сдѣлаемъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идетъ съ веранды).

Прицѣпилась, какъ крючокъ... Поѣзжай, куда хочешь!.. Этого невозможно запретить... Пугаетъ тоже... (Къ Ольгѣ) А ты сказала-таки отцу?.. Языкъ чешется?..

(Завариваетъ чай)

ГРИША (къ бабушкѣ).

Видѣла чучелу?..

(Поднимаетъ камешекъ и бросаетъ въ воробьевъ на березѣ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не смѣй кидать!.. Въ чай насоришь...

ГРИША.

Я—въ воробья! чуть-чуть не попалъ... Ей-Богу!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(появившись на верандѣ, строго).

Григорій! Заниматься!

ГРИША

(тихо съ опущенной головой идетъ къ верандѣ).

Что, папочка?

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Заниматься!

ГРИША.

Успѣемъ, папочка... Еще рано. Самоваръ подали...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

У лѣнтяевъ всегда бываетъ рано...

ГРИША.

Давай, папочка,—здѣсь?! Въ комнатахъ душно...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Здѣсь?.. Гм... Ну, что же... Можно и здѣсь. Неси географію. А въ кабинетѣ есть глобусъ: въ газету онъ завернутъ! на этажеркѣ! И его захвати!

(Гриша уходитъ въ столовую)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Чай-то, Ваня, будешь пить?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(смотритъ на часы).

Я говорилъ,—самоваръ не ранѣе шести! Въ пять я всегда буду заниматься съ Григоріемъ. И, затѣмъ, что за фантазіи таскаться съ самоваромъ по саду?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Ольгѣ).

Вотъ видишь! Слышала?..

ОЛЬГА.

Я люблю эти двѣ березы... хмурыя онѣ, задумчивыя, точно два старыхъ великана... О чемъ-то все думаютъ...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Березы, какъ березы... Въ первый разъ, что ли, ты видишь березы-то?..

(Пьютъ чай, перекидываются словами. Ольга заплетаетъ распустившуюся косу, мурлычетъ пѣсенку,—поймала муравья и пугаетъ имъ Любовь Васильевну)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ГРИША

(съ глобусомъ и учебникомъ выходитъ на веранду; печально).

Вотъ, папочка, принесъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Садись! Я тебѣ разъ навсегда сказалъ и еще разъ повторяю: теперь устанавливается такой порядокъ: занятія—ежедневно въ пять часовъ вечера, кромѣ дней праздничныхъ и неприсутственныхъ.

(Пауза)

ГРИША.

Слышишь, какъ пѣночка поетъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

У тебя въ головѣ только бабки да пѣночки. (Ставитъ передъ собой глобусъ) Въ послѣдній разъ мы съ тобой говорили о землѣ...

ГРИША.

О землѣ, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (приподнявъ глобусъ).

Вотъ это и есть ничто иное, какъ земля!

(Любовно поглаживаетъ ладонью глобусъ, фамильярно похлопываетъ его рукой по боку)

Hosted by Google

ГРИША.

Точно арбузъ, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Молчи и внимай! Какъ видишь, земля есть ничто иное, какъ шаръ, который... вертится.

(Вертитъ глобусъ на стержнѣ, — глобусъ не вертится)

ГРИША.

Не вертится, папочка?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Испортили уже!.. (Поправляетъ и вертитъ глобусъ) Вертится, какъ я уже говорилъ, двояко... А именно? Какъ вертится?

ГРИША.

Двояко, папочка...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Совершенно вѣрно, двояко... Какъ же именно? (Пауза) Во-1-хъ, (дѣлаетъ движеніе рукой) по орбитѣ, а во-2-хъ?

ГРИША.

И еще... еще...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну?

ГРИША.

Вокругъ этой... оси... папочка!

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Хорошо-съ. По орбитѣ и вокругъ своей оси...

ГРИША.

А она зачѣмъ, папочка, вертится?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Она... мм... Это пока оставимъ... Со временемъ узнаемъ... Не въ этомъ дѣло... Теперь, что такое ось?

ГРИША (тыкая пальцемъ).

Вотъ эта штука, папочка!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Не штука, а „ли-ні-я, мысленно про-во-ди-мая черезъ оба полюса, называется земной осью".

(Слышенъ тихій далекій свистокъ парохода)

ГРИША (тихо).

Пароходъ идетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (вздохнувъ).

Ротозѣйничаешь, братецъ... Пойдемъ-ка лучше въ кабинетъ... Развлекаешься пустяками... Неси глобусъ!

(Уходятъ въ комнаты: Иванъ Мироновичъ—впереди, Гриша за нимъ, вертитъ глобусъ на стержнѣ)

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Долей чайникъ-то! Сольешь весь чай, а отецъ любитъ крѣпкій. Онъ два стакана только пьетъ, но любитъ покрѣпче...

Hosted by Google

ОЛЬГА.

Прѣлый чай... Вѣникомъ пахнетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Привередница ты... То—вѣникомъ пахнетъ, то содой отзывается... Не пей, если не нравится. Вода жесткая, и маленько соды вовсе не вредитъ...

ЯВЛЕНІЕ X.

ДУНЯ.

(идетъ съ веранды со сливками).

Сливки для барина...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Теперь, Авдотья, такой порядокъ: въ пять часовъ баринъ будетъ заниматься съ Гришей, самоваръ надо подавать къ шести. А то и географія, и самоваръ. Что-нибудь ужъ одно!..

ДУНЯ.

Мнѣ про географію ничего не говорили, я и подала къ пяти...

(Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ей вслѣдъ).

Говори, дура, повѣжливѣе! Слышишь?

ОЛЬГА (вставъ съ лавки).

Вѣникомъ пахнетъ...

(Тихо уходитъ въ глубь сада, напѣвая какой-то романсъ. Съ веранды, держа въ рукѣ соломенную шляпу, идетъ Соловьевъ)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XI.

СОЛОВЬЕВЪ.

Чаекъ попиваете? (Кланяется)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А-а, это—вы? Присаживайтесь-ка!

СОЛОВЬЕВЪ.

Я. (Здоровается, садится и отираетъ лицо платкомъ) Вспотѣлъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

У васъ и спина-то мокрая... Я вамъ стаканчикъ налью...

СОЛОВЬЕВЪ.

Благодарствую... По горамъ лазилъ,—ноги дрожатъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Зачѣмъ же это вы? По горамъ-то? При вашей комплекціи не слѣдуетъ.

(Подаетъ стаканъ чаю)

СОЛОВЬЕВЪ.

Ходилъ туда, къ обрыву... Старину вспомнилъ. Мы съ покойной женой любили тамъ вечеркомъ посидѣть, да на рѣку посмотрѣть... Раньше это было, когда оба были помоложе... (Мѣшая ложечкой въ стаканѣ) Да-а... вотъ она, жизнь-то!.. Сперва на горы, а потомъ... (Вздохнувъ) Странно все это устроено...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не намъ судить, батюшка...

Hosted by Google

СОЛОВЬЕВЪ.

Родился, учился, женился, овдовѣлъ, вышелъ въ отставку... А теперь чуть на горку, — одышка, ноги дрожатъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все на старой квартирѣ живете?

СОЛОВЬЕВЪ.

На старой.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Куда вамъ? Теперь вы—одинъ. Лишній расходъ.

СОЛОВЬЕВЪ.

Жалко бросить. Все-таки... четыре года на этой квартирѣ съ Анюточкой жили... Ходишь и вспоминаешь... Я все оставилъ, какъ было при Анюточкѣ: и спальня, и столовая... Въ спальной,—комодъ съ зеркаломъ, а на комодѣ Анютины шпильки валяются. Какъ бросила, такъ и остались... Подойдешь, и будто все по-старому...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А другіе не любятъ. Сейчасъ же съѣзжаютъ. Вонъ у Кротовыхъ дѣвочка померла, всего-то ей было три года, а сейчасъ же переѣхали... Что же дѣлать? все въ рукахъ Божіихъ... (Послѣ небольшой паузы) А кахетинскихъ курочекъ-то держите?

СОЛОВЬЕВЪ (махнувъ рукой).

Бросилъ... все бросилъ и куръ подарилъ...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (съ сожалѣніемъ).

Эхъ, что же вы, батюшка, ничего не сказали? И пѣтуха мохноногаго подарили?

СОЛОВЬЕВЪ.

Подарилъ...

(Позѣвываетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что бы спросить!.. Не надо ли, дескать?.. Эхъ вы!.. А еще другомъ нашего семейства называетесь...

СОЛОВЬЕВЪ.

Рано всталъ сегодня. Плохо спалъ..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что же это?...

СОЛОВЬЕВЪ.

Не знаю. Вчера вздумалось пельменей поѣсть. Анюточка была большая мастерица ихъ дѣлать. Каждое воскресенье, бывало... Вспомнилъ... велѣлъ приготовить... поѣлъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

На почь-то нехорошо. У насъ Иванъ Миронычъ только стаканъ молока пьетъ. Не ужинаетъ.

СОЛОВЬЕВЪ (не слушая).

Разное представляется: то будто бы Анюточка ходитъ, то будто зоветъ. Задремлешь, и вдругъ, вотъ какъ на яву,—(зоветъ) „Павликъ!“... Вздрогнешь даже! А подъ утро заснулъ и вижу, будто будочникъ, огром-

Hosted by Google

ный этакій съ рыжими усами, схватилъ меня за горло и душитъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сочувственно).

Лишняго покушали.

СОЛОВЬЕВЪ.

Страшно все это... Много на свѣтѣ страшнаго, непонятнаго..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Еще бы!..

(Вдали звучитъ пѣсенка Ольги)

СОЛОВЬЕВЪ.

Поетъ все барышня... Молодость! Кажется, что все побѣдишь и никогда не состаришься...

(Изъ комнаты доносятся звуки піанино)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ это ужъ напрасно! (Встаетъ, торопливо идетъ на веранду и, подойдя къ окну, говоритъ) Погодите ужъ съ музыкой-то! Что-нибудь одно: географія или музыка! (Музыка обрывается, Любовь Васильевна идетъ обратно) У насъ нынче не разбирается: кто во что гораздъ...

СОЛОВЬЕВЪ.

Хорошо играетъ Вѣра Павловна...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какъ же! Она въ Уфѣ въ концертахъ играла... Забросила теперь... У насъ, вѣдь, и Иванъ Мироныч играетъ.. Когда въ Уфѣ жили, онъ въ кружкѣ все

Hosted by Google

игралъ. Оркестръ у нихъ былъ... Контрабасъ и сейчасъ цѣлъ... Теперь ужъ, конечно, неудобно: все-таки инспекторъ... Не идетъ оно какъ-то...

ЯВЛЕНІЕ XII.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(выходитъ на веранду съ книгой въ рукѣ, спускается съ лѣстницы молча проходитъ вглубь сада. Слышенъ ея голосъ)

Оля!

(Вдали отвѣчаетъ голосъ Ольги: „Ау!“)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Скучаетъ у насъ барыня-то... И что такое,—понять нельзя... Ну, вы хоть овдовѣли, по женѣ тоскуете... А вѣдь она, слава Богу, ничѣмъ не обижена... Живетъ, какъ у Христа за пазухой...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ДУНЯ

(сбѣгаетъ съ веранды, подходитъ къ столу).

Пришелъ молодой баринъ!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какой баринъ?

ДУНЯ.

Да вотъ этотъ, который книжки-то носитъ... Съ долгими волосами!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Баринъ!.. Скажи,—никого дома нѣтъ. Повадился.

Hosted by Google

ДУНЯ.

Да они въ гостиной... Не спрашивали никого.
(Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ какъ нынче! Безъ всякаго спроса прямо въ гостиную... Книгоноша...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (на верандѣ).

Здравствуйте!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Мое почтеніе.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вотъ у васъ благодать какая! (Спускается съ лѣстницы, идетъ къ столу) А куда ваша публика-то дѣвалась?
(Здоровается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какая публика?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Остальные — прочіе? Иванъ Миронычъ, Вѣра Павловна?..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Иванъ Миронычъ съ сыномъ занимается. Въ это время онъ всегда занятъ дѣломъ. А Вѣра Павловна— гдѣ-то бродитъ... Чайку выпьете?

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Спасибо. Не хочется... (Оглядываетъ садъ) Благодать! И березы, и сирень, и травка... Такъ бы и повалялся!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Валяться, положимъ, лишнее, а погулять очень пріятно. Тридцать рубликовъ въ мѣсяцъ платимъ. За эти денежки можно и требовать кое-чего...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Люблю заброшенные сады, съ крапивой, репьями, съ тропинками и лопухами...

(Срываетъ листочки и мнетъ ихъ въ рукахъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Кто въ городѣ тридцать-то рублей платитъ? Разъ-два, да и обчелся..

СОЛОВЬЕВЪ.

Встрѣчаемся мы съ вами, здороваемся, а я, откровенно говоря, до сихъ поръ не знаю вашего имени, отчества и фамиліи...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Представьте: и я—тоже!

СОЛОВЬЕВЪ.

Павелъ Павлычъ Соловьевъ, былъ учителемъ, а теперь въ отставкѣ... А вы у насъ недавно живете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Порядочно. Скоро полгода уже.

Hosted by Google

СОЛОВЬЕВЪ.

Не слыхать было... Скучно у насъ. Вы изволите служить?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ. Безъ опредѣленныхъ занятій, но... (Со смѣшкомъ) по съ очень опредѣленнымъ положеніемъ!.. Человѣкъ, какъ говорится, „на виду“!..

СОЛОВЬЕВЪ.

Не слыхалъ, ничего не слыхалъ... (Махнувъ рукой) А, можетъ быть, и слышалъ, да позабылъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

(къ Любови Васильевнѣ).

Ну, какъ дѣла съ Петровымъ? Смилостивился Иванъ Миронычъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Что вамъ этотъ Петровъ? родственникъ, что ли?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ. Жаль. Юноша не глупый...

СОЛОВЬЕВЪ.

Это какой Петровъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да ученикъ... Не поклонился Ивану Миронычу... Поведеніе убавили... Теперь мать покою не даетъ... Каждый день ходитъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Мать говорила Ивану Миронычу, что юноша сей близорукъ?.. Не замѣтилъ?

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какъ же это инспектора своего не замѣтить? Кого другого, а инспектора надо замѣчать. Сегодня одинъ не замѣтитъ, завтра — другой... Тогда не нужно вовсе и инспектора... Близорукій! Они нынче всѣ близорукіе... Это не близорукость, сударь, а воспитаніе нынѣшнее: его чуть отъ полу видно, а ужъ онъ норовитъ старшихъ учить... Начитаются книгъ всякихъ и думаютъ, что умнѣе всѣхъ стали...

СОЛОВЬЕВЪ (глядя въ землю).

Кто знаетъ? можетъ быть, и близорукій... Трудно что-нибудь сказать положительное...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Книги, Любовь Васильевна, дѣло хорошее...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все, сударь, во-время и какія книги... Вонъ Ольга-то наша: какихъ вы ей книгъ тамъ даете—Богъ васъ вѣдаетъ. А я замѣчаю, что она грубить начинаетъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (со смѣхомъ).

Самыя невинныя книги!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да я ужъ тамъ не знаю, мнѣ читать некогда... Но одна книжка, говоря между нами, Ивану Миронычу очень не понравилась...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Не понравилась? Какая же это?

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вамъ лучше знать. Васъ сюда къ намъ по какому случаю прислали? Вотъ то-то оно и есть!

СОЛОВЬЕВЪ.

Экая память! Цвѣты второй день не поливаю... Все думалъ полить и забылъ... (Встаетъ) Пойду!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Посидите, сейчасъ Иванъ Миронычъ придетъ.

СОЛОВЬЕВЪ.

Когда Анюточка хворала, она все безпокоилась: умру, говоритъ, и никто о цвѣтахъ не позаботится... Она наказывала вечеромъ ихъ поливать..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Успѣете. Развѣ долго полить ихъ?

СОЛОВЬЕВЪ.

Нѣтъ, пойду... Неспокойно на душѣ. Можетъ быть, попозднѣе загляну къ вамъ, если огонекъ увижу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

У васъ хорошіе цвѣты... Анна Павловна, никакъ, только и думала, что о цвѣтахъ?...

СОЛОВЬЕВЪ.

Очень любила! Очень!

(Прощается и уходитъ)

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(провожая Соловьева до веранды).

Вы смотрите: не вздумайте кому-нибудь цвѣты подарить! Мы купить можемъ, если... вздумаете...

СОЛОВЬЕВЪ (не оглядываясь).

Нѣтъ, нѣтъ!.. Невозможно... (Исчезаетъ)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(возвращаясь къ столу).

Жена у него недавно умерла.. Тоскуетъ и на другихъ тоску наводитъ... Иванъ Миронычъ не любитъ этихъ разговоровъ про смерть: онъ, если покойника навстрѣчу несутъ, ворочается. А Павелъ Павлычъ, какъ придетъ, такъ и пошло: „всѣ помремъ, всѣ помремъ“!.. Что про это говорить? Безъ него всѣ знаютъ, что помрутъ. Ничего съ этимъ не подѣлаешь... А какъ была жива жена, такъ онъ никогда и въ храмъ Божій не заглядывалъ.. Да и жена-то у него, между нами сказать,—тоже не очень-то богомольная была... Она... они... Ну, это ихъ дѣло! Богъ съ ними! Грѣхъ осуждать-то! Не намъ за нихъ на страшномъ судѣ отвѣчать...

(Сергѣй Борисовичъ не слушаетъ; прохаживаясь по тропинкѣ, онъ, о чемъ-то думая, потихоньку насвистываетъ. Вдали чуть слышенъ голосъ Ольги)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

А вѣдь это Ольга Ивановна говоритъ?.. Она,.

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(съ Ольгой у забора).

Вотъ здѣсь и надо сдѣлать калитку!

ОЛЬГА

(смотритъ въ щель забора).

Тутъ есть дорожка подъ гору, къ рѣкѣ, а тамъ—купальня! Вотъ будетъ удобно: встанемъ и побѣжимъ купаться...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Гдѣ онѣ тамъ... (Идетъ на голоса и появившись около дамъ) Съ новоселъемъ!

ОЛЬГА.

У-у, противный какой! Испугали... (Всѣ смѣются, здороваются) Подслушали нашъ разговоръ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Что вы это?! Я этимъ не занимаюсь...

ОЛЬГА.

А мы только-что про васъ говорили!.. И если бы вы слышали...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля! Не дури!..

ОЛЬГА.

Хорошо у насъ?

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Точно въ раю....

ОЛЬГА.

Посмотрите въ дырочку: рѣку видно! вотъ сюда!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Ни подслушивать, ни въ щелочки смотрѣть не люблю... Вишь, какой заборъ-то сдѣлали! Не перелѣзешь. Все воровъ боятся. Вонъ! гвоздей даже понатыкали. Полѣзетъ онъ, воръ-то, и напорется, а хозяину будетъ весело: сниметъ вора съ гвоздя и отправитъ въ участокъ...

ОЛЬГА.

Пойдемте, мы вамъ покажемъ, какое папа „пугало“ сдѣлалъ!

(Хохочетъ, всѣ медленно уходятъ въ глубину сада)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Проткнуть человѣка гвоздемъ законъ не разрѣшаетъ, поэтому хозяинъ устроилъ такъ, чтобы воръ самъ проткнулся... Обстоятельный человѣкъ вашъ хозяинъ!..

(Скрываются)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ГРИША

(сбѣгаетъ съ веранды).

Пить хочу... Въ горлѣ пересохло... Налей мнѣ чашечку!

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что у тебя глаза-то красные? Опять, видно, ревѣлъ?.. Не зналъ географію-то?

ГРИША.

А вотъ и зналъ. А я не понимаю, какъ доказать, что земля круглая... Самъ же говоритъ, что круглая, а велитъ доказывать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Эхъ, ты!.. На! Пей!.. (Подаетъ ему чашку чая, тотъ пьетъ съ жадностью) Если отецъ велитъ доказывать, значитъ нужно... Отецъ зря не станетъ. Тебѣ же добра желаетъ...

ГРИША.

Да-а, добра!.. Дай-ка еще чашечку!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (удивленно).

Ты ужъ выпилъ?! Вотъ ты, вѣдь, какъ бойко чай-то пьешь... А изъ географіи совсѣмъ по-другому... (Наливаетъ и даетъ Гришѣ еще чашку чая) Что же это отецъ-то?

(Идетъ въ комнаты. Гриша, воспользовавшись отсутствіемъ бабушки, лижетъ сливки-шаритъ на столѣ и убѣгаетъ, захвативъ нѣсколько кусковъ сахару)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ОЛЬГА

(появляется вмѣстѣ съ Сергѣемъ Борисовичемъ и Вѣрой Павловной).

Мама ужасно любитъ переѣзжать на новую квартиру!..

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вотъ ужъ и не понимаю этого удовольствія...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(какъ бы оправдываясь).

Люблю... Это какъ-то освѣжаетъ, вноситъ въ жизнь что-то новое... Мы живемъ въ этомъ городѣ скоро восемь лѣтъ! Можете себѣ представить: цѣлыхъ восемь лѣтъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

И теперь новая квартира кажется новымъ міромъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я жила только въ трехъ городахъ: въ Петербургѣ, въ Уфѣ и здѣсь...

ОЛЬГА (перебивая).

Я помню мамочка, когда мы пріѣхали изъ Уфы, жили на маленькой квартирѣ, и ты все мечтала о томъ, когда у тебя будетъ своя комната...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мечтала, мечтала...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Теперь эти мечты о комнатѣ-то исполнились, и появились новыя?

(Разсаживаются у стола)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Нѣтъ... надо залъ, гостиную, кабинетъ, столовую. Въ залѣ стоятъ вѣнскіе стулья, въ гостиной—мягкая мебель, а мнѣ некуда...

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Когда мнѣ было лѣтъ 12, къ отцу пріѣхалъ какой-то пріятель, художникъ, и написалъ съ меня портретъ. Съ этой минуты я отошелъ на второй планъ. На меня никто не глядѣлъ, а портретомъ всѣ любовались; обо мнѣ никто не думалъ, а мой портретъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія и заботливости... Портретъ положили сохнуть въ гостиную и никого туда не пускали... Я туда забрался и сдѣлалъ попытку пощупать свой носъ на портретѣ, до того онъ казался мнѣ выпуклымъ. За это меня побили... Я возненавидѣлъ портретъ. А кончилось все это очень неожиданно и комично: прислуга убирала комнаты и, между прочимъ, стерла пыль и съ портрета... И мой соперникъ погибъ!.. Выкиньте изъ зала вѣнскіе стулья и устройте себѣ тамъ отдѣльную комнату...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Безъ зала, говорятъ, неудобно, безъ гостиной неприлично... (Смѣется) У меня - спальня! Комфортабельная спальня!

ОЛЬГА.

Но она, мама, темная....

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ничего, ничего.. Тамъ есть розовый фонарикъ, который рисуетъ мнѣ жизнь въ розовомъ цвѣтѣ...

(Пауза. Гдѣ-то на дворѣ крякаютъ домашнія утки)

ОЛЬГА.

Бабушкины утки...

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА (хохочетъ).

Скоро Иванъ Миронычъ именинникъ... Это для его ангела откармливаютъ... По случаю купили!.. У Павла Павлыча жена умерла, и утки оказались лишними!.. Дешево купили! (Хохотъ) Хотите чаю? (Снимаетъ съ самовара чайникъ) Этотъ чайникъ замѣчательный...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Чѣмъ?

ОЛЬГА.

Онъ настоящій китайскій.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Подарокъ Ивана Мироныча въ день моего ангела...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Пріятное съ полезнымъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (хохочетъ).

Онъ всегда... Въ прошломъ году въ память дня нашей свадьбы подарилъ мнѣ чулочную машину!

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выйдя на веранду, прохаживается и добродушно напѣваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ и ходитъ онъ взадъ и впередъ“, обрывая).

Самоваръ горячій? (Спускается съ веранды, Вѣра Павловна, Ольга и Сергѣй Борисовичъ весело смѣются) Что случилось?.. Что-нибудь Ольга выкинула?... (Щупаетъ самоваръ) Чуть теплится. (Кричитъ) Авдотья! Авдотья!

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XX.

ДУНЯ (выбѣгаетъ на веранду).

Иду.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Подогрѣй! (Дуня уноситъ самоваръ) Я пью немного, но люблю, чтобы чай былъ, во-1-хъ, горячій, а во-2-хъ, крѣпкій... (Садится) Заморилъ меня сегодня Григорій. Не дается ему географія. Изъ ариѳметики онъ прелестно, феноменально! Комбинируетъ цифры удивительно! А изъ географіи—хоть плачь! Опоздали мы съ нимъ... Долговязый, растетъ феноменально, а умственныя способности не изъ важныхъ...

ОЛЬГА.

Давай я буду съ нимъ заниматься изъ географіи?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Нѣтъ-съ. Я противъ женскаго преподаванія.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Почему это вы?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ
(очень глубокомысленно).

Особый складъ мышленія: мужчина мыслитъ по преимуществу синтетически, а женщина — аналитически. Женщина разлагаетъ, мужчина—слагаетъ.

ОЛЬГА.

У меня онъ прекрасно понимаетъ, а у тебя плачетъ...

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА

(съ иронической улыбочкой).

Развѣ мужской умъ выше женскаго? Вы, Сергѣй Борисовичъ, какъ думаете?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (ухмыляясь).

Всяко бываетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

Безъ сомнѣнія! Во-1-хъ, доказано, что женскій мозгъ легче мужского на... гм... нѣсколько граммовъ, а во-2-хъ,—эти... (Щелкаетъ пальцами) такъ называемыя, извилины, мозговыя извилины... (Вѣра Павловна задорно смѣется) Чему же ты, душа моя, смѣешься?.. Возьми любой учебникъ анатоміи, и ты все это увидишь... У Гришки совершенно бабій методъ мышленія... Совершенно...

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ГРИША

(появляется изъ-за кустовъ).

Папочка! Надо еще поставить чучелу около смородины...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (къ Гришѣ).

Какъ же это ты, братецъ, не можешь доказать, что земля круглая?.. Я тебѣ сто разъ говорилъ. (Гриша стоитъ, опустивъ голову) Если ты откуда-нибудь поѣдешь и будешь ѣхать все прямо, прямо (жестъ рукой), то въ концѣ концовъ...

ГРИША (перебивая).

Я и говорилъ, что никуда не пріѣдешь!

(Всѣ хохочутъ, кромѣ Ивана Мироновича)

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Позвольте, господа! (Къ Гришѣ) Какъ это никуда не пріѣдешь? Пріѣдешь—и пріѣдешь опять на старое мѣсто, но съ другой стороны.. Это во-1-хъ, а во-2-хъ, что ты видишь при восходѣ солнца?..

ГРИША.

Я никогда не вставалъ, когда солнышко всходитъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну—при закатѣ? Это рѣшительно все равно. Ты видишь, что солнце закатилось, а высокія части предметовъ еще освѣщены.. Стало быть, выпуклость земли уже скрыла нижнія части, а верхнія еще доступны солнечнымъ лучамъ.. Понялъ?

ГРИША.

Понялъ...

(Иванъ Мироновичъ отходитъ, Гриша убѣгаетъ въ комнаты)

ОЛЬГА.

Папочка! Вели вонъ тамъ, въ заборѣ, сдѣлать калитку!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Это зачѣмъ же понадобилось?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Окно въ Европу...

ОЛЬГА.

Очень удобно: вышелъ и прямо на рѣку! Не ходить черезъ улицу.. И мамѣ хочется...

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Во-первыхъ, заборъ — чужая собственность, слѣдовательно, онъ долженъ быть неприкосновененъ, а во-вторыхъ, существуетъ строительный уставъ, городской планъ и прочее...

ОЛЬГА (печально).

Значитъ, нельзя?

(Дуня несетъ самоваръ, за ней идетъ Любовь Васильевна)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ты думаешь, душа моя, что всякій можетъ строиться, дѣлать калитки, прорубать окна, гдѣ ему вздумается? А главное—не для чего. Тутъ—пустырь, люди загораживаются, а мы будемъ калиточки для воровъ устраивать...

(Дуня уходитъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Здѣсь такъ тихо, что и про воровъ ничего не слыхать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Воръ есть, вездѣ онъ есть! А только не слѣдуетъ его трогать, вводить въ грѣхъ.. (Гремитъ посудой) Чужой воръ еще не бѣда, а вотъ, если свой заведется, домашній, это—скверно... Всѣ курицы неслись, а теперь вдругъ перестали.. раздумали.. Надо послѣдить... Самое время нестись, а у насъ раздумали..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

И пестренькая не несется?

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Говорятъ—не несется.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

Никогда не повѣрю!..

(Озабоченно уходитъ въ комнаты. Спустя нѣкоторое время со двора доносится тревожное кудахтанье куриць).

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ГРИША (кричитъ съ веранды).

Бабушка! Портной принесъ мнѣ новыя брюки, а папѣ—мундиръ. Иди посмотрѣть! (Исчезаетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вѣра Павловна! Подите, посмотрите, какъ сидитъ. У насъ съ вами вкусы не сходятся: я люблю пошире, а вы—въ обрѣзъ. (Поднимается)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мнѣ все равно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (идетъ въ комнаты).

Все равно... Мундиръ не на одинъ годъ шьется...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (послѣ паузы).

Событіе!..

(Пауза. Слышно, какъ гдѣ-то далеко странствующій болгаринъ бьетъ въ бубенъ и гнусаво поетъ „Шумна Марица“)

Hosted by Google

ОЛЬГА

(вынувъ изъ букета вѣтку сирени, обрываетъ листочки).

Ну, что вы замолчали? (Обрывая вѣточки сирени, кидаетъ ими въ Сергѣя Борисовича) Ловите! Я читала, что въ Парижѣ бываетъ праздникъ цвѣтовъ: всѣ имѣютъ право кидаться цвѣтами даже въ незнакомыхъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Но мы, Оля, не въ Парижѣ...

ОЛЬГА

А вы, Сергѣй Борисовичъ, были въ Парижѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

Былъ.

ОЛЬГА.

А еще гдѣ-нибудь были? Въ Берлинѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Былъ. И въ Лондонѣ былъ...

ОЛЬГА.

Господи! Какой вы счастливый! Вездѣ вы были. (Большими глазами смотритъ на Сергѣя Борисовича) Ну, и что же?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (ухмыльнувшись).

Да ничего! Хорошо!

ОЛЬГА.

Правда, что тамъ всѣ извозчики читаютъ газеты?

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (смѣется).

Правда, правда...

ОЛЬГА (обиженно).

Что же вы смѣетесь? Надо мной?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Нѣтъ. Мнѣ вспомнился одинъ случай съ русской барыней...

ОЛЬГА.

Ну!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Пріѣхала барыня въ Парижъ, наняла фіакръ и отправилась осматривать достопримѣчательности. Гдѣ-то барыня замѣшкалась, а извозчикъ воспользовался этимъ и зашелъ въ ресторанчикъ закусить. Выходитъ барыня: фіакръ тутъ, а извозчика нѣтъ. Разсердилась барыня и, когда извозчикъ появился,—накинулась на него по-русски: „Какъ ты смѣлъ? Я тебя отправлю въ участокъ“, и т. д.

ОЛЬГА.

Ну!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Извозчикъ спокойно сѣлъ на свое мѣсто, обернулся къ барынѣ и говоритъ: „Мадамъ! Я позволяю говорить мнѣ „ты“ только тѣмъ женщинамъ, которыхъ я люблю“.

ОЛЬГА.

Вотъ нахалъ!

(Сергѣй Борисовичъ смѣется)

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вотъ тебѣ и разъ! А извозчикъ думалъ совсѣмъ напротивъ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ты, Оля, не поняла... Тамъ, Оля, совсѣмъ по другому... Тамъ никому нельзя говорить „ты“...

ОЛЬГА.

Я когда-нибудь поѣду за границу...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Взяли да поѣхали! Дѣло незамысловатое.

ОЛЬГА.

У-у! Папу не сдвинешь съ мѣста. Раньше хоть на дачу ѣздили, а теперь,—папа говоритъ, что незачѣмъ ѣхать и на дачу, потому что у насъ есть садъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

А вы—безъ папы? Попробуйте-ка!

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво).

У меня есть брилліанты... По наслѣдству достались... Никому они не нужны, никогда я ихъ не ношу... Продать ихъ и прокатиться въ Парижъ...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Одобряю. А то такъ и пролежатъ эти брилліанты сперва у васъ, потомъ, когда вы умрете, у кого-нибудь другого... У Ольги Ивановны, напримѣръ...

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Почему люди не умѣютъ устроить свою жизнь такъ, какъ имъ хочется?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Боятся.

ОЛЬГА.

Чего?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Есть „пугалы“ для воронъ, а есть и для людей... Въ дѣтствѣ насъ пугали „букашками“: „Спи, а то букашка придетъ!“ „Ѣшь, а то букашкѣ отдамъ!“ — У взрослыхъ людей есть свои букашки...

ОЛЬГА.

Какія же это букашки? Я не боюсь никакихъ букашекъ!..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вы переживаете тотъ періодъ жизни, когда дѣтскія букашки померкли, а новыя не выросли...

ВѢРА ПАВЛОВНА (Ольгѣ).

А спишь ты все-таки съ лампадкой...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Надо, чтобы свѣтъ въ головѣ горѣлъ... Учиться, барышня, надо...

ОЛЬГА.

Я и поѣду... осенью поѣду въ Петербургъ.

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА (грустно).

И я останусь одна. Я никуда не поѣду. Мнѣ некуда ѣхать... Я останусь съ букашками... Сергѣй Борисовичъ! Вы долго будете жить въ нашемъ городѣ?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Три года осталось слишкомъ... Надоѣстъ, — убѣгу раньше.

ОЛЬГА (удивленно).

Куда?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Куда глаза глядятъ... Все дальше, все дальше! (Дѣлаетъ широкій жестъ въ пространство) У меня нѣтъ ни вѣнскихъ стульевъ, ни мягкой мебели, ни брилліантовъ. Всталъ и полетѣлъ себѣ все дальше, все дальше!.. (Смотритъ на часы) А идти, дѣйствительно, надо. Сегодня мы ѣдемъ на острова ершей ловить, съ ночевкой... Будемъ костры жечь, уху варить, пѣсни пѣть... (Прощается)

ОЛЬГА.

Уходите? Вамъ у насъ скучно? Мы... глупыя?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Оля! Что ты?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Мнѣ вездѣ весело...

ВѢРА ПАВЛОВНА (подавая руку).

Неужели и рыбу ловить весело?

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Очень весело. Уморительные эти ерши! Самъ маленькій, а дергаетъ за лесу такъ сильно, что удилище трясется. Даже пугаешься иной разъ... Вытащишь его,— глазища сдѣлаетъ большіе, ощетинится... Маленькая рыбка, а съ большимъ темпераментомъ!

(Уходитъ. Ольга идетъ провожать его)

ОЛЬГА.

Возьмите какъ-нибудь меня ершей ловить...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Съ папой?.. Или съ бабушкой?

(Со смѣхомъ исчезаетъ въ комнатахъ. Вѣра тихо идетъ, но остается у веранды, печально смотритъ вслѣдъ ушедшимъ и садится на лѣстницѣ веранды. Изъ оконъ доносится музыка: Ольга играетъ мотивы изъ „Травіаты“ Замѣтно вечерѣетъ. Вершины дальнихъ березъ румянятся отъ заходящаго солнца; по саду скользятъ лиловыя тѣни)

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(выходитъ на веранду съ пирогомъ изъ кондитерской; за нею скачетъ Гриша. Любовь Васильевна ставитъ пирогъ на столъ. Гриша намѣревается открыть крышку).

Погоди! не лѣзь! (Хлопаетъ Гришу по рукамъ) Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ. (Осторожно снимаетъ съ картона крышку) Не суй носъ!

ГРИША.

Пирожное! Мама! Мамочка! Мѣшокъ съ деньгами! Совсѣмъ какъ настоящія деньги! золотыя! разсыпались!

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Кабы настоящія-то деньги были, такъ и половины бы не донесли. Полюбуйтесь: два золотыхъ ужъ отколупали пальцами! Жадность-то у людей какая! Право! (Кричитъ на Гришу) Не трогай!

ГРИША.

Дай хоть одну денежку! Жалко тебѣ, что ли?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Успѣешь.. И тебѣ достанется... Потерпи...

(Осторожно закрывъ картонъ, торжественно уноситъ пирогъ въ столовую. Гриша съѣзжаетъ по перилamъ лѣстницы въ садъ и убѣгаетъ въ кусты. Гдѣ-то грустно кукуетъ кукушка. Вѣра Павловна сидитъ неподвижная и грустная; вдали тихо звучатъ колокольчики проѣзжей пары)

Кто-то куда-то ѣдетъ...

(Колокольчики замираютъ вдали)

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(выходитъ на веранду съ визитной карточкой въ рукѣ).

Оказывается, это—Пырковы пирогъ-то прислали. И поздравленіе!... (Подойдя къ лѣстницѣ съ умиленіемъ читаетъ) „Имѣемъ честь поздравить высокоуважаемаго Ивана Мироныча со всѣмъ семействомъ со днемъ новоселья. Съ пожеланіемъ всяческаго благополучія и безконечнаго счастія Василій Николаевичъ и Марья Ивановна Пырковы".

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ну и отдайте это благополучіе Ивану Миронычу!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не одному это ему, а всѣмъ намъ (Вѣра нервно смѣется) Чего же смѣшного-то тутъ?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Очертѣло мнѣ это благополучіе и безконечное счастіе.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Вижу я это, сама вижу... Вы думаете,—я ничего не понимаю?.. (Отходитъ) Только смотрите: потомъ и радъ бы въ рай, да грѣхи не пустятъ...

(Уходитъ въ комнаты)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Всяческое благополучіе... И безконечное счастіе.. (Съ тоской шепчетъ) И кругомъ букашки... А безгрѣшные люди довольны: они прямо въ рай... Они и теперь въ раю... Изъ одного рая въ другой... И получается безконечное счастіе.

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

ГРИША

(бѣжитъ къ верандѣ).

Мамочка! Правда это: если червяка пополамъ разрѣзать, то обѣ половины будутъ жить и выйдетъ два червяка?

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Да, правда...

(Раздается благовѣстъ ко всенощной: сперва глухимъ басомъ гудитъ соборный колоколъ, за нимъ въ другихъ церквахъ)

А вотъ если человѣка раздѣлить пополамъ, то... выйдетъ... червякъ, Гриша, выйдетъ.

(Гриша съ удивленіемъ смотритъ на мать)

ГРИША.

Обманываешь... А сама говоришь,—не надо врать...

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(выходитъ на веранду въ новомъ мундирѣ, очень торжественный).

Григорій! Ко всенощной!

ГРИША.

Лучше бы завтра... къ обѣднѣ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Ну! Не разсуждай! Иди!

(Дѣлаетъ жестъ рукой; Гриша лѣниво и печально поднимается на веранду и проходитъ съ опущенной головой въ комнаты, за нимъ уходитъ Иванъ Мироновичъ. Вѣра Павловна сидитъ въ задумчивой позѣ на лѣстницѣ веранды. Вдали глухо гудитъ одинъ соборный колоколъ. Гдѣ-то далеко кукуетъ кукушка)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(проходитъ къ столу подъ березами, гремитъ ключами, беретъ чай и сахаръ и уноситъ въ комнаты).

Большой завтра праздникъ, а у насъ, никакъ, и лампадка не заправлена... Съ вами и Бога-то позабудешь!

(Исчезаетъ за дверями)

ЯВЛЕНІЕ XXIX.

ОЛЬГА (въ окно).

Мамочка! Что ты сидишь тутъ одна?

ВѢРА ПАВЛОВНА (не поднимая головы).

Кукушку слушаю...

ОЛЬГА

(выбѣгая на веранду и спускаясь къ матери).

Ты опять грустишь! а?

(Заглядываетъ въ глаза Вѣры)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Кукушка точно плачетъ... Можетъ быть, Оля, она плачетъ о томъ, что какъ было, такъ все и останется.. И никакой новой жизни нѣтъ... Можетъ быть, и ты, Оля, тоже....

ОЛЬГА.

Нѣтъ, мамочка, нѣтъ! Знаешь, о чемъ она плачетъ?.. Она плачетъ о томъ, что гдѣ-то есть другая, хорошая

Hosted by Google

жизнь, а мы сидимъ тутъ и ничего не знаемъ! (Ласкается къ матери) Не грусти, мама!.. Слышишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Ты вѣришь, Оля?.. (Ольга молча киваетъ головой) Вѣрь! вѣрь, моя хорошая, добрая, счастливая! Надо вѣрить, а то не стоитъ жить...

(Затихаютъ. Вдали грустно кукуетъ кукушка)

Занавѣсъ.

Hosted by Google

Иванъ Миронычъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Hosted by Google

Столовая; налѣво двѣ двери: ближайшая къ зрителю — въ проходную Гришину комнату, около этой двери торчитъ слуховая труба, соединяющая столовую съ кухней; дальняя дверь—въ спальню супруговъ Боголюбовыхъ; направо дверь въ гостиную. Въ задней стѣнѣ четыре окна и между ними двойныя двери на веранду—стеклянныя и глухія. Лѣтняя лунная ночь робко смотритъ черезъ раскрытыя окна и дверь. На верандѣ супруги Пырковы и супруги Ивановы дошгрываютъ „пульку“; оттуда несутся выкрики: „пики! трефы! бубны“, возгласы, споръ, стукъ мѣлковъ и смѣхъ. Изъ гостиной доносится избитая полька на піанино и слышно, какъ тамъ, подъ смѣхъ окружающихъ, танцуетъ одна тяжелая пара; въ столовой накрытый столъ представляетъ хаосъ послѣ ужина многочисленныхъ гостей, большая часть которыхъ уже разошлась. Мокрыя пятна, бутылки, тарелки съ объѣдками и окурками папиросъ, опрокинутыя рюмки; подъ столомъ—смятая салфетка, пробки, вилка. Иванъ Мироновичъ—именинникъ. Необычайно разодѣтая Любовь Васильевна ходитъ около стола и посыпаетъ солью пятна на скатерти.

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ворчливо).

Новая скатерть... Ахъ ты, Боже мой! Облили-таки!

(Махнувъ рукой, отходитъ къ буфету и стучитъ посудой)

ЯВЛЕНІЕ II.

ГИМНАЗИСТЪ

(входитъ изъ гостиной, обмахивается платочкомъ и, вынувъ портсигаръ, осторожно закуриваетъ папиросу, пряча ее въ рукѣ отъ Любови Васильевны).

Температура довольно высокая!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Наплясались?

ГИМНАЗИСТЪ.

Скоро домой... Папаша велитъ уходить...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, ничего, немножко еще попляшите: папаша въ карты заигрался...

ГИМНАЗИСТЪ.

Ольгу Ивановну что-то не видать... Хотѣлъ съ ней вальсикъ... Съ ней очень ужъ ловко...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Забываю я все, въ которомъ вы классѣ-то?

ГИМНАЗИСТЪ.

Прогимназію кончилъ первымъ ученикомъ, теперь въ гимназію... Потомъ—въ университетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Докторомъ, что, ли хотите?

ГИМНАЗИСТЪ.

Папаша хочетъ—на филологическій... Тамъ и чины скоро идутъ, и пенсія хорошая...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Дай Богъ! Только поскромнѣе въ университетѣ-то... Товарищей поосторожнѣе выбирайте!

ГИМНАЗИСТЪ.

Я ни съ кѣмъ не буду...

ЯВЛЕНІЕ III.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ изъ гостиной утомленный и немного сердитый. Гимназистъ испуганно прячетъ папиросу и проходитъ въ гостиную).

Гдѣ же Вѣра и Ольга?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Почемъ я знаю?.. Въ саду, навѣрно... Все съ этимъ господиномъ не наговорятся...

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Какъ это нетактично, неделикатно...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А ужъ это ты ей скажи!.. По новому теперь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Побросали гостей и исчезли... Гм! Ну, а самоваръ-то скоро? Надо было поставить сразу два самовара.

(Озабоченно уходитъ въ гостиную)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идетъ къ слуховой трубѣ и кричитъ).

Когда же у васъ самоваръ? Баринъ сердится... Вотъ онъ сейчасъ самъ въ кухню придетъ... (Отходитъ) Конца этимъ чаямъ нѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

БАРЫНЯ

(входитъ изъ гостиной, тяжело дышитъ и обмахивается вѣеромъ)

Ухъ! Польку съ поручикомъ танцовала, молодость вспомнила... Онъ отлично танцуетъ!..

(Садится на диванъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Спеціалистъ... Уморилъ, небойсь?

БАРЫНЯ (въ томленіи).

Я говорю „довольно, довольно!“, а онъ вертитъ, не выпускаетъ... Ухъ! Стаканчикъ бы холодной водицы...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Простудитесь... Сейчасъ будетъ самоваръ...

БАРЫНЯ.

А гдѣ пропадаетъ Вѣра Павловна?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А развѣ она не въ гостиной?

БАРЫНЯ.

Нѣтъ. Скрылась. Ахъ, какъ душно! (Встаетъ) Пойду въ садъ освѣжиться. (Проходитъ на веранду и громко восклицаетъ:) „И ночь, и любовь, и луна!“

ПЫРКОВЪ (голосъ на верандѣ).

А вотъ отгадайте, почему луна не изъ чугуна?.. Потому что на луну надо много чугуну. (Хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Душно ей...

(Въ гостиной отхватываютъ „польку“)

ЯВЛЕНІЕ V.

ДУНЯ (несетъ самоваръ).

Ужъ я его сапогомъ! (Ставитъ самоваръ на уголъ стола и отираетъ тряпкой) Проклятущій! Несу, а онъ на меня изъ крана капаетъ... А Гришенька все не спитъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какой тутъ сонъ! Этакая музыка мертваго разбудитъ... Подотри подъ столомъ: и тамъ напакостили...

Hosted by Google

ДУНЯ (подтирая подъ столомъ).

Бокалъ разбили

(Вылѣзаетъ изъ-подъ стола съ осколками бокала)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Чужой бокалъ-то... Хорошо, если подберешь подходящій, а то цѣлую дюжину покупай...

(Дуня уходитъ съ тряпкой и осколками бокала въ кухню)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ОФИЦЕРЪ (входитъ съ вѣеромъ).

Чего бы нибудь прохладительнаго: нарзанчику или сельтерской?

(Гимназистъ проходитъ на веранду)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Все выпили...

ОФИЦЕРЪ.

Никто, кромѣ Ольги Ивановны, па д'еспань не танцуетъ, а она исчезла. Жарко, Любовь Васильевна!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Много танцуете... Чай, у васъ ноги болятъ? Стукаете больно каблуками. Очень ужъ стараетесь...

ОФИЦЕРЪ.

Кавалеровъ нѣтъ, ничего не подѣлаешь... Одинъ отдуваюсь... Скажите пожалуйста: кто этотъ у васъ, высокій господинъ? Вотъ здѣсь за ужиномъ сидѣлъ?

(Показываетъ мѣсто за столомъ)

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Кто его знаетъ... Студентомъ былъ, да выгнали... Много теперь такихъ. Начитаются всякой всячины и безобразничаютъ... Да еще и другихъ смущаютъ..

ОФИЦЕРЪ.

Что-то онъ тутъ насчетъ войны толковалъ... Глупое разсужденіе! Фантазіи!.. Папиросы всѣ вышли... Курить хочется... Полцарства за папиросу.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ ужъ этого-то у насъ нѣтъ!.. Иванъ Миронычъ у насъ не куритъ... У насъ въ семьѣ никто не курилъ...

ОФИЦЕРЪ.

Скверно!.. Кажется, гимназистъ куритъ...

(Идетъ на веранду, беретъ у гимназиста папиросу и спускается въ садъ)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПЫРКОВЪ

(съ гимназистомъ идутъ съ веранды).

Нечего, братъ!.. отправляйся домой!.. Первый часъ...

ГИМНАЗИСТЪ.

Ну хоть до часу, папаша?

ПЫРКОВЪ.

Иди, братецъ... Поужиналъ промялся и кончено!.. (Отводитъ его въ уголъ и тихо) Зачѣмъ ты куришь при народѣ? Экій ты олухъ, братецъ мой!.. (Шепчетъ что-то сыну)

Hosted by Google

Иди! Неудобно... Простись, поблагодари и отправляйся! Скажи Прасковьѣ, чтобы ждала... А то не дозвонишься...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да пусть еще попляшетъ... Что ужъ вы! Не гдѣ-нибудь вѣдь, а у инспектора!..

ПЫРКОВЪ.

Я, Любовь Васильевна, такого мнѣнія, что молодымъ людямъ правильное питаніе и своевременный сонъ—прежде всего!.. Меня самого такъ воспитывали... У другихъ въ мои лѣта катарры, безсонницы, а у меня до сихъ поръ желудокъ удивительный!.. А все—правильный образъ жизни! In corpore sano mens sana, Любовь Васильевна!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(не понимая въ чемъ дѣло).

Это вѣрно!.. Только бы ужъ учился... Въ университетѣ вотъ какъ? Осторожно нынче нужно вести себя...

ПЫРКОВЪ.

Онъ у меня не такой!.. (Къ сыну) Иди, голубчикъ!

ГИМНАЗИСТЪ

(расшаркиваясь, прощается съ Любовь Васильевной).

Мерси за удовольствіе!..

(Уходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Хорошій мальчикъ!..

ПЫРКОВЪ.

Ничего паренекъ... Вы говорите, что въ университетѣ... Какая закваска,—вотъ въ чемъ дѣло...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Взяла бы я, да построила эти университеты гдѣ-нибудь въ полѣ, побольше мѣста загородила бы, чтобы тамъ были лавки, портерныя разныя, квартиры,—и волнуйся! Сдѣлай одолженіе!

(Громкій окрикъ съ веранды: „Василій Николаичъ!“)

ПЫРКОВЪ.

Иду-съ! (Торопливо идетъ на веранду и садится за карты) Это, знаете, мысль... Иду, иду!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(какъ бы размышляя).

Желудокъ, дѣйствительно, хорошій... Кушаетъ—мое почтеніе!..

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(входитъ съ веранды въ столовую, подходитъ къ столу и, наливъ въ рюмку вина, пьетъ).

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (вполголоса).

Очень хорошо! Побросали всѣхъ гостей и скрылись. Было бы вамъ извѣстно, что Иванъ Миронычъ сердится.

ВѢРА ПАВЛОВНА (сердито).

Ну, и пусть его сердится! Мнѣ рѣшительно все равно.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вижу, вижу... Вы думаете, я не понимаю?..

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ IX.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ изъ гостиной и, увидя жену, тихо говоритъ).

Неужели вы не понимаете, что это нетактично и неделикатно по отношенію къ гостямъ?.. Бѣгаете по саду, какъ дѣвочка...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(пристально глядя въ лицо Ивана Мироновича).

Нетактично? Наплевать мнѣ на вашихъ гостей...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (страшно озадаченъ).

Что такое?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ тебѣ и разъ!..

(Дѣлаетъ какіе-то жесты на гостиную)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Надоѣли мнѣ ваши гости...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что съ вами? Опомнитесь!

(Громко кашляетъ и уходитъ въ гостиную. Вѣра Павловна садится на диванѣ и устало закидываетъ назадъ голову. Въ гостиной брянчитъ піанино. Любовь Васильевна наливаетъ массу стакановъ чаю)

ВѢРА ПАВЛОВНА

(сжимая надъ головой руки).

Мнѣ хочется что-нибудь сдѣлать... Закричать, сломать что-нибудь, плакать...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Только этого и не доставало... Чего вамъ хочется, хотѣла бы я знать?

ВѢРА ПАВЛОВНА (задумчиво).

Не знаю, Любовь Васильевна, не знаю... Я знаю только, чего мнѣ не хочется...

ЯВЛЕНІЕ X.

ОФИЦЕРЪ

(проходитъ изъ сада въ гостиную подъ руку съ барыней, на груди которой приколоты цвѣты, напгрываетъ губами маршъ и шутливо командуетъ).

Лѣвой! лѣвой! Правое плечо впередъ!

(Барыня привѣтливо киваетъ Вѣрѣ Павловнѣ, оба исчезаютъ въ гостиной, Вѣра Павловна хохочетъ; изъ сада входятъ Ольга и Сергѣй Борисовичъ)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ОЛЬГА.

Ты, мама, что насъ бросила? Ты опять грустишь?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Садитесь рядомъ здѣсь!.. (Показываетъ на диванъ) Я испугалась „чучелы“... Мнѣ показалось, что кто-то выглядываетъ изъ-за куста и подслушиваетъ...

(Ольга звонко смѣется и садится рядомъ съ Вѣрой Павловной)

ОЛЬГА.

Садитесь, Сергѣй Борисовичъ! (Показываетъ рукою на диванъ) Въ середину...

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

А офицеръ меня на дуэль не вызоветъ? (Садится въ серединѣ; Любовь Васильевна, косясь на диванъ, идетъ къ слуховой трубѣ) Что-то на меня всѣ здѣсь косятся...

(Хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(въ слуховую трубу).

Авдотья! Самой мнѣ, что ли, чай-то разносить?..

ОЛЬГА.

Бабушка словно капитанъ на пароходѣ... (Подражая капитану) „Стопъ! Задній ходъ!“

(Всѣ смѣются)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (отходя отъ трубы).

А ты—пассажирка? Изъ перваго класса? Сложила ручки...

(Входитъ Дуня и несетъ чай на веранду)

ВѢРА ПАВЛОВНА

(къ Сергѣю Борисовичу).

Ну, разскажите еще что-нибудь изъ вашей жизни! Про тюрьму разскажите.

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Не хочется что-то... Въ другой разъ разскажу, а теперь мнѣ хочется смѣяться...

ВѢРА ПАВЛОВНА

Какъ вы живете здѣсь?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Отлично...

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Разскажите, что вы сегодня дѣлали? гдѣ были?.. что видѣли?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Былъ сегодня въ съѣздѣ.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Неужели вамъ и тамъ не скучно?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Это очень любопытно. Лучше всякаго театра. Пьесы сочиняютъ авторы, а тамъ—сама жизнь; пьесы играютъ актеры, а тамъ—сами дѣйствующія лица.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вы вѣдь, говорятъ, въ газетахъ пописываете, такъ вамъ всякая кляуза пригодится... Напишете и деньги заработаете...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (хохочетъ).

Всякая кляуза! всякая! Сегодня, напримѣръ, слышалъ такую кляузу, что просто въ умиленіе пришелъ... Художественная кляуза!.. Трагедія обывательской любви!..

ОЛЬГА.

Разскажите! разскажите! Я ужасно люблю трагедіи.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ОФИЦЕРЪ (входитъ изъ гостиной).

Ольга Ивановна! Выбираю васъ своей сосѣдкой.
(Расшаркивается)

Hosted by Google

ОЛЬГА.

Благодарю. Я вполнѣ довольна своимъ сосѣдомъ.

ОФИЦЕРЪ (къ Сергѣю Борисовичу).

И вы, вѣроятно?

(Уходитъ въ гостиную)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Всѣ они довольны...

ОЛЬГА.

Ну! Разсказывайте трагедію!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Рано еще тебѣ! Очень ужъ ты любопытна...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мы слушаемъ,..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Барышня, по имени Марья Ивановна, полюбила кавалера, по имени Ивана Ивановича: Иванъ да Марья! (Ольга смѣется) Однажды женихъ повелъ невѣсту развлечься безплатнымъ народнымъ чтеніемъ съ туманными картинами. Когда они возвращались домой и шли по улицѣ—подъ ручку, разумѣется,—изъ-подъ воротенъ вылѣзла злая собака и схватила жениха за ногу... Въ результатѣ—разорванныя брюки...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Уйди, Олечка! Нечего тебѣ тутъ слушать...

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Вы не безпокойтесь: ничего неприличнаго въ моемъ разсказѣ не будетъ.

(Вѣра Павловна, закинувъ голову, нервно хохочетъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, все-таки, сударь, брюки тутъ и всякая всячина... Иди! иди! Нечего тутъ... И такъ больше знаешь, чѣмъ тебѣ слѣдуетъ. (Подходитъ къ Ольгѣ и тянетъ ее за руку) Поди лучше потанцуй!

(Дуня проходитъ въ Гришину комнату)

ОЛЬГА (вставъ).

Я не хочу танцовать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

Иди, говорятъ тебѣ! (Ольга уходитъ въ гостиную и играетъ на піанино вальсъ изъ „Фауста“; Сергѣй Борисовичъ вопросительно смотритъ на Вѣру Павловну, та хохочетъ) Теперь можете, сколько угодно! (Идетъ въ Гришину комнату) Я и мѣшать не буду...

(Исчезаетъ. Пауза. Изъ гостиной доносится возгласъ барыни: „всѣми недовольна!“ послѣ чего происходитъ суматоха играющихъ въ „свои сосѣди“)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы оскорбили нравственность... Ну, говорите!

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Боюсь...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Букашекъ? (Хохочетъ) Ну, что было дальше?

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Дальше? Женихъ проводилъ невѣсту до дому, поцѣловалъ ручку, все какъ полагается... Потомъ вернулся, составилъ протоколъ и предъявилъ искъ объ убыткѣ въ 20 руб. Женихи носятъ очень дорогія брюки. (Вѣра Павловна нервно хохочетъ) Судья отказалъ: у жениха не было свидѣтелей. Тогда онъ перенесъ дѣло въ съѣздъ, а Марью Ивановну выставилъ свидѣтельницей...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Поэзія кончилась и началась проза...

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Когда стали спрашивать Марью Ивановну про брюки...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(проходитъ изъ Гришиной комнаты въ гостиную).

Все еще про брюки...

(Исчезаетъ)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

(продолжая разсказъ).

Она вспыхнула, опустила глазки и сказала: „никакихъ я брюкъ не знаю и знать не хочу“, а потомъ обернулась въ сторону Ивана Ивановича и добавила: „вашей невѣстой не состою и не желаю... и это даже очень некрасиво съ вашей стороны!“—и заплакала...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(опустивъ голову, шопотомъ).

Мнѣ жаль ее, эту бѣдную дѣвушку...

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Такъ печально кончилась одна счастливая любовь!..

(Пауза, потомъ слышно, какъ Вѣра Павловна плачетъ, стараясь сдерживать слезы)

Что съ вами? Вѣра Павловна?

(Вѣра Павловна плачетъ громче)

Послушайте!.. Что съ вами?..

(Наклоняется надъ плачущей)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ).

Что тутъ за исторія? Вы что съ ней сдѣлали?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (встаетъ растерянно).

Я не понимаю... Дайте воды!

ВѢРА ПАВЛОВНА

(закрывъ одной рукой лицо, другой отмахивается).

Не надо!.. Ничего...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что вы съ ней сдѣлали?

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Надо воды!..

(Ищетъ на столѣ воду)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Что тутъ „воды“! Нѣтъ-съ, это ужъ слишкомъ!

(Торопливо идетъ въ гостиную)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XV.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(входитъ изъ гостиной, стараясь быть спокойнымъ и корректнымъ. За нимъ—Любовь Васильевна. Въ дверяхъ видны любопытные гости).

Что вы, милостивый государь, позволили сказать моей женѣ? (Къ женѣ) Онъ оскорбилъ тебя, душа моя? (Вѣра Павловна отрицательно качаетъ головой) Успокойся, душа моя!

(Смотритъ то на жену, то на Любовь Васильевну)

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ.

Для меня слезы Вѣры Павловны совершенно неожиданны и непонятны... Увѣряю васъ, что я тутъ не при чемъ!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

Зря взрослые люди не плачутъ. Плачутъ, когда очень больно, при различныхъ тамъ операціяхъ, или когда очень оскорбительно...

ВѢРА ПАВЛОВНА

(вскакиваетъ съ дивана).

И еще, когда очень, очень ужъ симметрично! (Уходитъ въ спальню) Извините меня, Сергѣй Борисовичъ! Я и сама не ожидала... Захотѣлось плакать...

(Скрывается за дверью)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(какъ бы размышляя).

Позвольте-съ! О чемъ ей плакать? Ей не о чемъ плакать...

Hosted by Google

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ (иронически).

Вамъ это лучше знать...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Не о чемъ ей плакать. Я, вѣдь, кое-что слышала.. Вѣночки, брюки и всякія неприличія...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Согласитесь, милостивый государь, что я долженъ это выяснить и понять...

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ОЛЬГА

(выходитъ изъ гостиной, останавливается и смотритъ испуганными глазами).

Что случилось?..

СЕРГѢЙ БОРИСОВИЧЪ

(раздраженно и насмѣшливо).

Старайтесь выяснить и понять, — это ваше дѣло.. Если вы мнѣ не вѣрите,—я не хочу больше говорить... Какъ вамъ будетъ угодно... Можете, если вамъ кажется это необходимымъ, потребовать удовлетворенія... Я всегда къ вашимъ услугамъ...

(Сухо поклонившись, проходитъ въ гостиную. Ольга съ рыданіями убѣгаетъ въ Гришину комнату. Гости озадачены. Большая неловкая пауза. Иванъ Мироновичъ совершенно растерянъ)

ПЫРКОВА

(сгорая отъ любопытства, тихо входитъ съ веранды, прохаживается).

Что онъ тутъ наговорилъ? (Смотритъ то на Ивана Мироновича, то на Любовь Васильевну) А гдѣ Вѣра Павловна? Пауза)

Hosted by Google

ИВАНОВА

(входитъ съ веранды, прохаживается и обращается къ Пырковой).

Вамъ сдавать!..

(Дѣлаетъ еще два тура и уходитъ на веранду)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ОФИЦЕРЪ (входитъ).

Я одного нахала проучилъ... Жаль, что не на меня нарвался...

БАРЫНЯ (выглянувъ изъ гостиной).

Поручикъ!

(Скрывается. Офицеръ уходитъ въ гостиную; тамъ звучитъ піанино, но скоро обрывается,—веселье не ладится).

ИВАНОВА (кричитъ съ веранды).

Марья Ивановна! Мы васъ ждемъ!

(Пыркова идетъ на веранду. Изъ гостиной гуськомъ входятъ барыня, барышня офицеръ)

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

БАРЫНЯ.

Намъ пора... (Смотритъ на часы) У-у! первый часъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Посидите...

БАРЫШНЯ (обиженнымъ тономъ).

Я хочу, мама, домой... У меня болитъ голова,.. Поѣдемъ!..

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Вы меня извините!.. Такъ вышло... Мнѣ и самому непріятно...

БАРЫНЯ.

Что вы это, Иванъ Миронычъ! Пустяки какіе... Мы нисколько...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Посидите!

БАРЫШНЯ.

Я устала, мама... У меня мигрень... Поѣдемъ.

БАРЫНЯ.

Ѣдемъ! ѣдемъ! До свиданья! Мерси! Милости просимъ къ намъ!

(Прощается съ хозяевами)

ОФИЦЕРЪ (барынѣ).

Намъ по пути...

(Прощается съ хозяевами)

БАРЫШНЯ (съ гордостью).

Мы не пѣшкомъ... Мы—на извозчикѣ...

БАРЫНЯ.

Ночь прекрасная, дойдемъ, дѣвочка!..

(Всѣ двигаются въ гостиную. Иванъ Мироновичъ провожаетъ. Любовь Васильевна идетъ къ слуховой трубѣ)

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (въ трубу).

Авдотья! Проводи гостей...

(Идетъ провожать гостей. Пробѣгаетъ Дуня Изъ гостиной входитъ Соловьевъ, отдувается, грузно садится за столъ, наливаетъ себѣ стаканъ вина и, дымя папиросой, тупо смотритъ въ стаканъ. На верандѣ доиграли „пульку“, дѣлаютъ подсчетъ и горячо спорятъ. Возвращается Иванъ Мироновичъ, сильно разстроенный, и садится къ столу. Входитъ Любовь Васильевна и начинаетъ понемногу прибирать со стола лишнее. Проходитъ изъ передней Дуня)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (къ Дунѣ).

На-ка, отнеси это въ чуланъ! (Подаетъ бутылку) Не пьютъ это. (Дуня уноситъ бутылку; на верандѣ ожесточенный споръ) Никакъ, поссорились? Родственники, а какъ сядутъ играть въ карты, такъ непремѣнно повздорятъ...

РАЗГОВОРЫ НА ВЕРАНДѢ.

ПЫРКОВА.

Ты забыла записать...

ИВАНОВА (горячится).

Я никогда не забываю. Считай! Курица — разъ, сыграна, остается 250, сыграно семь трефъ, списано...

ПЫРКОВЪ.

Бросьте. Что тутъ изъ-за пустяковъ...

ИВАНОВЪ.

Я принимаю на себя.

Hosted by Google

ИВАНОВА.

Съ какой это стати?.. Ты, Маня, вѣчно насчитываешь. Съ тобой невозможно... Въ прошлый разъ ты тоже спорила, а оказалось...

ПЫРКОВЪ (тушитъ свѣчи).

Кончено! (Хохочетъ) Идемте!

(Всѣ, кромѣ Ивановой, идутъ въ столовую. Иванова зажигаетъ свѣчу и старательно провѣряетъ и пересчитываетъ записи)

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ПЫРКОВЪ.

Женщины побѣдили!.. Вотъ вы все, Иванъ Мироныч, про мозговыя-то линіи говорите, а между тѣмъ насъ обыгрываютъ... Софья Ивановна... Гдѣ она?.. (Оглядывается и хохочетъ) Зажгла свѣтильникъ и отыскиваетъ истину!..

ИВАНОВЪ.

Она у меня любитъ точность. Аккуратная женщина... У ней въ записной книжкѣ каждая копѣечка записана...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Проигралась, вѣрно?

ИВАНОВЪ.

Да нѣтъ! Обѣ барыни выиграли, а проиграли мы съ Василіемъ Николаевичемъ... Я проигралъ рубль, а онъ восемь гривенъ...

ПЫРКОВА.

А Сонѣ хочется, чтобы мой мужъ проигралъ рубль а ея только восемь гривенъ!..

Hosted by Google

СОЛОВЬЕВЪ (мрачно).

Весь вечеръ сражались изъ-за двугривеннаго...

ПЫРКОВА.

Тѣмъ лучше: и время провели пріятно, и никому не обидно.

СОЛОВЬЕВЪ.

Мы съ покойной женой играли всегда въ „66“ и тоже, бывало, всегда ссорились... Теперь мнѣ не съ кѣмъ ссориться...

ЯВЛЕНІЕ XX.

ИВАНОВА

(тушитъ свѣчу и входитъ въ столовую).

Нашла, господа, ошибку! (Къ Пыркову) У васъ, милостивый государь, записано 55, а надо было всего 45...

ПЫРКОВЪ.

Не спорю. Согласенъ. Ошибка всегда и вездѣ возможна.

СОЛОВЬЕВЪ.

Не ошибается только тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Вотъ, я, напримѣръ. Вышелъ въ отставку, овдовѣлъ, одинъ, ничего не дѣлаю, ни дурного, ни хорошаго... и не ошибаюсь...

ПЫРКОВА (позѣвнувъ).

За Волгой спятъ и намъ велятъ...

Hosted by Google

ИВАНОВА.

Я выиграла рубль, и пожалуйте мнѣ рубль. Карточные долги я сама плачу аккуратно и люблю, чтобы мнѣ платили. Мнѣ не додано 20 копѣекъ!

(Протягиваетъ руку, какъ бы ожидая, что въ нее положатъ этотъ двугривенный)

ИВАНОВЪ.

Да вѣдь за мной, за твоимъ законнымъ мужемъ!

ИВАНОВА.

Мнѣ все равно...

ИВАНОВЪ (даетъ 20 коп.).

На! успокойся! Запиши, что получила... Съ родного мужа, какъ говорится, готова шкуру снять.

ПЫРКОВА.

Вѣра Павловна... не выйдетъ, вѣрно?... Надо домой... А Олечка спитъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Капризничаетъ. Теперь онѣ съ Вѣрой Павловной союзъ заключили: все вмѣстѣ, и капризничаютъ вмѣстѣ...

ПЫРКОВА.

Правда, что Олечка на курсы осенью поѣдетъ?

ИВАНОВА.

И вы отпускаете ее? одну?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Это еще на водѣ вилами писано...

Hosted by Google

ПЫРКОВА.

А что тутъ вышло?.. съ этимъ господиномъ?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Онъ тутъ такія сальности развелъ, что у меня, старухи, уши стали вянуть... Не всякій мужъ своей женѣ станетъ этакія сальности разсказывать...

ПЫРКОВА.

Что же онъ такое говорилъ?.. а?

ПЫРКОВЪ (хлопая жену по плечу).

Любопытная ты женщина! Много будешь знать, скоро состаришься!..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Да еще удовлетворенія захотѣлъ... Я вотъ схожу въ полицію,—получитъ онъ удовлетвореніе!..

ПЫРКОВА (къ мужу).

Ну, Васекъ, давай прощаться...

ИВАНОВА (къ мужу).

И намъ, Коля, пора... Опять пересидишь... Онъ у меня какъ ляжетъ позднѣе часу, такъ и не можетъ заснуть... Все теоремы разныя представляются... Прощайся!

ИВАНОВЪ (раздраженно).

Дай допить вино!

ИВАНОВА.

Лучше бы не пилъ! Вредно тебѣ, — знаешь это, а пьешь...

Hosted by Google

СОЛОВЬЕВЪ.

Того нельзя, этого нельзя. Ничего нельзя...

ПЫРКОВЪ.

А у меня вотъ до сихъ поръ отличный желудокъ! Гвоздь переваритъ... in corpore sano, какъ говорится.

ИВАНОВЪ.

А господинъ этотъ дѣйствительно нахалъ. Онъ еще за ужиномъ позволялъ себѣ говорить лишнее... Въ футлярѣ мы или безъ футляра, любимъ мы своихъ женъ, или только притворяемся, что любимъ,—это наше дѣло... Я хотѣлъ ему замѣтить...

ПЫРКОВЪ (женѣ, игриво).

Какъ, Машурочка, полагаешь: любимъ мы другъ друга или притворяемся? а?..

(Закинувъ голову, хохочетъ)

ПЫРКОВА.

Ну тебя тутъ! Не любили, такъ не прожили бы восемнадцать лѣтъ... Развѣ можно восемнадцать лѣтъ притворяться?

ПЫРКОВЪ.

Вѣрно, Машуха! 18 лѣтъ отбарабанили. Богъ дастъ, и еще столько же въ любви и согласіи поживемъ... А потомъ разведемся!..

(Хохочетъ своей остротѣ)

ИВАНОВА (къ мужу).

Пересидишь, Коля!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Удовлетвореніе! Не доставало только, чтобы инспекторъ дуэлями сталъ заниматься!

Hosted by Google

ПЫРКОВЪ.

Куда намъ? Мы — люди штатскіе.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Я не боюсь. Рано или поздно умирать надо. Но, во-первыхъ, я не одинъ, у меня семья, и, слѣдовательно, я не имѣю нравственнаго права рисковать своей жизнью, а во-вторыхъ, у насъ есть судъ. Оскорбилъ я тебя,—подавай въ судъ!... А въ-третьихъ,—я человѣкъ вѣрующій и стрѣлять въ человѣка мнѣ не позволяетъ совѣсть...

(Часы бьютъ «I»)

ИВАНОВА (мужу).

Ну! Пересидѣлъ!

(Встаетъ и прощается)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ вѣдь какъ хорошія-то жены мужей своихъ берегутъ!

ИВАНОВА.

У насъ трое дѣтей. Не дай Богъ, что случится,—хоть по міру иди... Онъ не имѣетъ права...

ИВАНОВЪ (раздраженно).

Умирать? Умирать всѣ имѣютъ право!..

ИВАНОВА.

Онъ не выслужилъ еще пенсіи. (Подаетъ ему респираторъ) На, надѣвай! Ночи свѣжія... Опять хрипѣть будешь.

СОЛОВЬЕВЪ.

А мнѣ вотъ теперь все равно. Никому нѣтъ дѣла, живъ я или померъ...

Hosted by Google

ПЫРКОВА.

Идемъ, Васекъ!..

(Всѣ поднимаются и начинаютъ прощаться).

ИВАНОВЪ.

Воздухъ весенній, ароматный, а тутъ надѣвай этотъ намордникъ...

(Вертитъ въ рукѣ респираторъ. Иванъ Мироновичъ и Любовь Васильевна провожаютъ гостей. Соловьевъ остается одинъ. Пауза)

СОЛОВЬЕВЪ

(не поднимая головы съ рукъ, хрипло вполголоса вытягиваетъ).

Соловьемъ залет-нымъ юность пролетѣла...

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (входитъ).

У насъ Гришенька спитъ, вы ужъ сдѣлайте одолженіе—не пойте!

СОЛОВЬЕВЪ (флегматично).

Хорошо.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Грустите все?.. Вы ужъ извините: Иванъ Мироновичъ въ кабинетъ ушелъ, прилегъ... Усталъ онъ очень...

СОЛОВЬЕВЪ.

Ничего. Я еще немножко посижу и уйду. Домой идти тяжело... Никто тамъ не ждетъ. Раньше, бывало,

Hosted by Google

идешь и знаешь, что тамъ ждутъ, все припасено, приготовлено... Покойная Анюточка всегда ставила мнѣ на столикъ свѣчу, спички, графинъ съ водой... А около кровати—туфли... Да, всегда туфли... А теперь... Теперь ничего нѣтъ.

(Пауза. Слышно, какъ гдѣ-то далеко щелкаетъ соловей)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, что же дѣлать? Всему конецъ бываетъ...

СОЛОВЬЕВЪ

(встаетъ, бродитъ по комнатѣ).

Не хочется домой... Взялъ бы вотъ да на этомъ диванѣ!.. А утромъ рано ушелъ бы!.. И никто бы не видалъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

Съ удовольствіемъ бы, да неудобно: у насъ дѣвушка... Сами понимаете...

СОЛОВЬЕВЪ.

Да... дѣвушка... Хорошая дѣвушка!.. Пойду на рѣку, сяду на горѣ и буду слушать, какъ поютъ соловьи... (Подходитъ къ верандѣ) Скоро свѣтать будетъ. Ухъ, какъ сиренью пахнетъ! Любила моя Аня этотъ запахъ... (Отходитъ) Да, въ этакую же вотъ ночь... (Вздыхаетъ) Не знаю, гдѣ моя шляпа...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Въ передней она... (Подходитъ къ трубѣ и говоритъ) Дуня! Проводи гостя!

Hosted by Google

СОЛОВЬЕВЪ.

Да вы не безпокойтесь... Я самъ... Теперь я все самъ... Привыкать надо... Ну, спокойной ночи!

(Подаетъ руку. Дуня сонная, растрепанная, проходитъ со свѣчей въ рукѣ въ переднюю)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ужъ какая тутъ спокойная ночь? Свѣтать скоро будетъ... Теперь ночи-то короче воробьинаго носу...

СОЛОВЬЕВЪ (уходя).

Пойду на рѣку слушать, какъ поютъ соловьи...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идя слѣдомъ за нимъ).

Скоро они перестануть ужъ пѣть-то... Послушайте! Надо чѣмъ-нибудь грусть облегчить...

(Исчезаютъ въ гостиной. Тихо. Слышно, какъ щелкаетъ гдѣ-то соловей и какъ „тикаютъ“ стѣнные часы. Потомъ съ рѣки чуть слышно доносится хоровая пѣснь катающихся на лодкѣ—поютъ „Внизъ по Волгѣ рѣкѣ“)

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (возвращается).

Ну, провалились, слава Богу!.. Поютъ гдѣ-то... Не спится людямъ...

(Сладко потягивается, позѣвываетъ и закрываетъ рукой ротъ)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ДУНЯ

(возвращается со свѣчей).

Вотъ какіе они!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Кто?

ДУНЯ.

Да этотъ гость-то! Старикъ, недавно жену схоронилъ, а пристаетъ съ глупостями...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(всплеснувъ руками).

Вотъ тебѣ и грусть! А! Скажите пожалуйста!

ДУНЯ.

Гулять съ собой звалъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Сороковой день женѣ только на той недѣлѣ еще будетъ... а!

ДУНЯ.

На лодкѣ катаются... (Подходитъ къ верандѣ) Хорошо какъ поютъ, барыня!.. Послушайте-ка!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А ну ихъ тутъ съ пѣніемъ-то! Поди приберись хоть маленько въ гостиной-то!

(Дуня уходитъ за шеткой и тряпкой, возвращается, идетъ въ гостиную и слышно, какъ она тамъ двигаетъ мебель, отряхиваетъ что-то, мететъ полъ. Любовь Васильевна прибираетъ на столѣ. Хоровая пѣсня обрывается)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(появляется въ столовой безъ пиджака и жилета).

Ушелъ? (Ходитъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(сливая вино изъ недопитыхъ бокаловъ въ бутылку).

Ушелъ... Видятъ люди, что въ семьѣ непріятности, и сидятъ... А этого Соловьева прямо палкой не выгонишь. Будто бы мы виноваты, что у него жена умерла...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(останавливаясь у стола).

Что вы, мамаша, дѣлаете?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А что?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Въ бутылкѣ бѣлое вино, а въ бокалѣ—красное!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Экая досада! Голова кругомъ идетъ. (Смотритъ бутылку на свѣтъ) Больше полбутылки. Придется на кухню отдать... Все равно... надо же... все-таки именинникъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(присаживается къ столу и послѣ небольшой паузы).

А гдѣ Ольга?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Въ саду. Забилась въ кусты и сидитъ, какъ пенекъ. Сперва ревѣла въ Гришиной комнатѣ,—я ее оттуда

Hosted by Google

погнала: еще ребенка напугаетъ... Твоя жена фокусница, сама никакихъ приличій знать не желаетъ и Ольгу къ тому же пріучаетъ... (Беретъ банку изъ-подъ икры) Всю кончили!.. Словно никогда въ жизни свѣжей икры не видали... Отца и мужа имъ не жалко, а жалко, видишь, того... нахала... За него оскорбились...

(Иванъ Мироновичъ задумчиво ходитъ взадъ и впередъ, потомъ пріостанавливается у дверей спальни, осторожно стучитъ и слушаетъ,—отвѣта нѣтъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Заперлась, какъ въ крѣпости отъ непріятелей... Отъ законнаго-то мужа! Это... „новая жизнь“ называется... Бросила гостей и заперлась. На всѣхъ ей наплевать. (Вздохнувъ) Правду говорятъ, что въ эти годы баба бѣсится...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(рѣшительно стучитъ въ дверь).

Будьте любезны — отпереть! Что-съ?.. Не одѣты?.. (Отходитъ) Хорошо-съ, подожду.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Вотъ тебѣ и законный мужъ! Нахаламъ дозволяется про брюки и разныя сальности говорить, а для мужа— „не одѣта“!... (Подходитъ къ дверямъ въ гостиную) Неужто ты все еще здѣсь возишься?!

ДУНЯ

(ея голосъ изъ гостиной).

Здѣсь такъ нагажено, что въ двое сутокъ не уберешь...

(Любовь Васильевна идетъ въ гостиную и сейчасъ же возвращается)

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Окурковъ вездѣ натыкали: и въ тарелки, и въ цвѣты... Это все Соловьевъ! По женѣ онъ, видите ли, скучаетъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(опять у двери въ спальню).

Послушайте! Вы, вѣроятно, упустили изъ виду, что я—тоже человѣкъ и тоже хочу спать?..

(Дверь слегка пріоткрывается, и оттуда слышенъ голосъ Вѣры Павловны: „Дуня! Дуня!“ Дуня идетъ изъ гостиной въ спальню, и тамъ слышенъ голосъ Вѣры Павловны: „все это—въ кабинетъ!“ Дуня выходитъ изъ спальни съ двумя подушками, простыней и одѣяломъ и проходитъ въ гостиную; дверь въ спальню запирается на ключъ)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Поздравляю васъ, Иванъ Миронычъ! Самая ужъ новая жизнь начинается...

(Уходитъ въ гостиную)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(спокойно, но строго).

Ничего смѣшного тутъ нѣтъ.. (Наставительно) Все это было бы, мамаша, смѣшно, когда бы не было такъ грустно...

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ДУНЯ

(выходитъ со свѣчей и щеткой).

Пожалуйте, баринъ! Вамъ постлано въ кабинетѣ на диванѣ...

(Хочетъ уйти)

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Постой! Гм... Мало ли что бываетъ въ семьѣ? Я смотрю на прислугу, какъ на членовъ семьи. Иначе нельзя. Если прислуга хорошая, она понимаетъ, что господа и прислуга это—старшіе и младшіе члены одной семьи. Если ты порядочная дѣвушка... и... дорожишь своимъ мѣстомъ, то все, что ты въ семьѣ видишь и слышишь, не должно выходить на улицу... и я предупреждаю, что...

ДУНЯ.

Что вы это, баринъ?! Развѣ я не понимаю? Мало ли что бываетъ между мужемъ и женой...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Вотъ то-то и есть! Это ты помни, не забывай... если, конечно, хочешь служить у насъ...

ДУНЯ.

Я хорошо понимаю... Развѣ можно...

(Хочетъ идти)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Погоди! Сегодня тебѣ было много хлопотъ и потомъ.. я... именинникъ... (Даетъ Дунѣ рубль) На, возьми. Полтинникъ себѣ, а полтинникъ дашь сдачи...

ДУНЯ

(растерянно роется въ карманѣ).

У меня никакъ нѣтъ полтинника-то..

(Смотритъ на ладони деньги)

Такъ и есть!..

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Сколько же у тебя?

(Появляется Любовь Васильевна)

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

ДУНЯ.

Только тридцать пять копѣекъ..

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

Есть у меня, есть!.. Сколько ей надо?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Полтинникъ.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (сердито).

На, возьми! (Дуня благодаритъ и прячетъ полтинникъ) Ну, чего же стоять? Получила и иди!

ДУНЯ.

Больше ничего?

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Какъ это „ничего“? Отнеси вотъ вино въ погребъ.

(Отдаетъ двѣ бутылки Дунѣ)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Оставьте красное!

(Дуня ставитъ одну бутылку передъ Иваномъ Мироновичемъ; онъ наливаетъ вино и медленно пьетъ, сосредоточенный и мрачный)

ДУНЯ.

Позвольте, барыня, ключи!

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А эти всѣ—пустыя, ихъ—въ чуланъ... (Отдаетъ Дунѣ ключи, та уходитъ) Погоди, вмѣстѣ пойдемъ!.. Ты никакъ мышей боишься, испугаешься да уронишь...

(Обѣ уходятъ. Слышно, какъ щелкаетъ соловей, Иванъ Мироновичъ встаетъ, бродитъ по комнатѣ, грустно вытягиваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ“, потомъ останавливается у двери спальни и робко стучитъ. За дверью голосъ Вѣры Павловны: „Что вамъ?“)

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (упавшимъ тономъ).

Вѣрочка!.. Я желалъ бы съ тобой поговорить... выяснить...

ЯВЛЕНІЕ XXVII.

ВѢРА ПАВЛОВНА

(выходитъ въ капотѣ; глаза ея заплаканы).

Что вамъ?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (садится).

Присядь! (Вѣра Павловна садится за столъ, облокачивается на руки и пристально смотритъ въ лицо Ивану Мироновичу) Ну, я слушаю...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(затрудняясь и конфузясь).

Я, Вѣрочка... того... упустилъ изъ виду... Эти странности, слезы, вспышки, нервность... Гм... Быть можетъ, ты, душа моя, того... въ этакомъ, душа моя, положеніи?.. Понимаешь?..

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА (злорадно хохочетъ).

Поняли! Наконецъ-то поняли!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (обиженно).

Но... что же тутъ смѣшного?.. Ты не дѣвушка...

ВѢРА ПАВЛОВНА (продолжая смѣяться).

Какъ вы догадливы!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (встаетъ и ходитъ).

Въ такомъ случаѣ я отказываюсь понимать... Объясните, что все это значитъ!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Что?

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Гм... Я, напримѣръ, замѣчаю у васъ склонность къ кокетству... Не далѣе какъ вчера утромъ, вы, еще не вставъ съ постели, первымъ дѣломъ взялись за зеркало... Вы, видимо, думали, что я сплю, но я, къ сожалѣнію, не спалъ и видѣлъ, какъ вы... съ зеркаломъ... На подобіе Маргариты...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы очень наблюдательны...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Вообще, ваше поведеніе оставляетъ желать лучшаго, а ужъ сегодняшнее... положительно... по меньшей мѣрѣ... того... какъ бы это сказать...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Мое поведеніе?

Hosted by Google

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Да. Особенно сегодня.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Поставьте три съ минусомъ, больше мнѣ, господинъ инспекторъ, не надо!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Странно было бы допустить, что порядочная женщина, мать и законная жена...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

Вы говорите, словно диктуете... Говорите скорѣй! Вѣдь мы не записываемъ вашихъ драгоцѣнныхъ словъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (не слушая).

Странно допустить, говорю я, чтобы эта женщина просила извиненія у того нахала, который оскорбилъ ея мужа и отца ея дѣтей, если не сдѣлать того печальнаго и оскорбительнаго предположенія, что она, эта женщина... гм... какъ бы это сказать...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Любовница этого нахала?.. Такъ вы хотите сказать?..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Я... собственно... не могу... не имѣю...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы ужасно трусливы! Вы боитесь даже „словъ“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Я не думаю, чтобы дѣло зашло такъ далеко, но во

Hosted by Google

всякомъ случаѣ я вижу, что вы ступаете на скользкій путь, и потому я вынужденъ указать вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

Правильный путь? (Зло смѣется) Вы—отличный, опытнѣйшій путеводитель! Съ вами можно зайти въ такую трясину пошлости, изъ которой и не вылѣзешь...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (пожимая плечами).

Вотъ какъ? Не ожидалъ... Не заслужилъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Я вязну, а вылѣзти хочется, Иванъ Миронычъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Не заслужилъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вязну, Иванъ Миронычъ! Чувствую, что вязну, съ каждымъ годомъ все глубже и глубже... Вы уже вытравили изъ моей души половину жизни!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Что вы говорите?! Кто вы были? вспомните! Вы были сперва пепиньеркой, которая обучала дѣвочекъ танцамъ... Плясали за пятнадцать рублей въ мѣсяцъ ежедневно, плясали, когда вамъ даже хотѣлось плакать...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Случалось, Иванъ Миронычъ.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А потомъ вы были гувернанткой и за какую-ни

Hosted by Google

будь четвертную говорили... чуть не на всѣхъ языкахъ... Я васъ вырвалъ изъ этой жизни... Я васъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (перебивая).

Однимъ словомъ, вы пріобрѣли меня „по случаю“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

И вотъ въ благодарность за все это вы... Ни мое положеніе, ни честь семьи, ни честь фамиліи, которую я далъ вамъ...

ВѢРА ПАВЛОВНА (насмѣшливо).

Горжусь, Иванъ Миронычъ!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

За что-съ? Это за двѣнадцать-то лѣтъ вѣрной и тихой семейной жизни? Благодарю!.. благодарю!..

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы меня двѣнадцать лѣтъ обучали вашей тактичности! Двѣнадцать лѣтъ заставляли и говорить по заказу, и молчать по заказу, и смѣяться по заказу... Помните, я любила музыку, пѣніе... Теперь не пою... Не умѣю веселиться и радоваться...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ (очень ласково).

Пой, радуйся, смѣйся, душа моя! Сдѣлай такое одолженіе!.. Я очень радъ. Но всему, душа моя, есть время и мѣсто. Не слѣдуетъ смѣяться тамъ, гдѣ приличествуетъ плакать....

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы сочинили бы мнѣ росписаніе, когда, въ какихъ случаяхъ и по какому поводу слѣдуетъ улыбаться,

Hosted by Google

радоваться, смѣяться, плакать!.. въ родѣ росписанія уроковъ, которое виситъ въ вашемъ кабинетѣ... А, впрочемъ, убирайтесь вы отъ меня съ вашими „путями“! Я жить хочу, а жить нечѣмъ... Понимаете, Иванъ Миронычъ? Нечѣмъ жить! Мнѣ наскучило ваше росписаніе... Мнѣ надоѣло такъ жить!.. Не стоитъ такъ жить!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(пораженъ и опечаленъ).

Вотъ тебѣ и разъ!.. Жили-жили, двѣнадцать лѣтъ прожили и все было хорошо... И вдругъ... „нечѣмъ жить“!.

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не „вдругъ“, Иванъ Миронычъ, не „вдругъ“! Если вы это замѣтили „вдругъ“, то въ этомъ виновата ваша проницательность...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Какъ же это вамъ хотѣлось бы жить... по-новому-то?.. Новую-то жизнь вашу я никакъ не могу себѣ представить... понять...

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не поймете, Иванъ Миронычъ...

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А вы объясните!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Не стоитъ, Иванъ Миронычъ!

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

А вы попробуйте!

Hosted by Google

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Безъ росписанія! Поняли? Какъ хочется!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

То есть, какъ же это?.. Мебель, напримѣръ, ставится обыкновенно внизъ ножками, а вамъ захочется ее—вверхъ ножками?..

ВѢРА ПАВЛОВНА (первый смѣхъ).

Бываютъ, Иванъ Миронычъ, такіе моменты, когда мнѣ хочется даже и васъ поставить вверхъ ножками!.. Воображаю!.. Инспекторъ—и вдругъ вверхъ ножками!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ.

Похвально, похвально!.. Я не понимаю одного только: когда вы успѣли нахвататься такихъ удивительныхъ мыслей?!

ВѢРА ПАВЛОВНА.

За двѣнадцать лѣтъ нашей тихой и мирной жизни съ вами. Смотрѣла на васъ, смотрѣла и, наконецъ, увидала, что вы... совсѣмъ не страшная „букашка“... Вы... „пугало“!..

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(оскорбленнымъ тономъ).

Позвольте! За что вы меня оскорбляете?

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Вы наставили въ саду пугалъ, чтобы галки и воробьи не клевали ягоды... (Хохочетъ) А воробьи-то перестали бояться!.. Клюютъ!.. Понимаете? Ничего не понимаете?.. (Иванъ Мироновичъ пожимаетъ плечами) Ну, все равно!

Hosted by Google

(Наливаетъ въ бокалъ вина) Давайте, Иванъ Миронычъ, выпьемъ за окончаніе „всяческаго благополучія и безконечнаго счастія“! (Протягиваетъ бокалъ съ виномъ) Чокнемся!

ЯВЛЕНІЕ XXVIII.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(проходитъ въ садъ и, предположивъ примиреніе, съ облегченіемъ произноситъ).

Ну, давно бы такъ! Ольга-то все въ саду... Не выгонишь...

(Исчезаетъ)

ВѢРА ПАВЛОВНА.

Чокнемся, Иванъ Миронычъ! Не хотите? (Иванъ Мироновичъ встаетъ и съ гордостью удаляется въ гостиную) Ну, все равно, я—съ бутылкой!

(Чокается съ бутылкой и пьетъ. Пауза. Изъ сада доноситъ голосокъ Ольги, напѣвающей романсъ „Сладкимъ запахомъ сирени напоенъ душистый садъ“, затѣмъ слышенъ голосъ Любови Васильевны: „Ольга! Ольга!“)

Олечка поетъ... Пой, пой, милая!.. И пусть твоя пѣсенка напоминаетъ намъ, что гдѣ-то тамъ есть другая жизнь, яркая, полная радости и муки, большого счастія и большихъ страданій!

(Поникнувъ головой, потихоньку плачетъ и пьетъ вино)

ЯВЛЕНІЕ XXIX.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(возвращаясь съ веранды, ворчливо).

Грубіянка! Какую волю взяла! Люди спятъ, а она

Hosted by Google

романсы распѣваетъ... (Къ Вѣрѣ Павловнѣ) Ну, объяснились, что ли?

ВѢРА ПАВЛОВНА (ухмыляясь).

Объяснились!.. Объяснились!.. По душѣ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (радостно).

Такъ и слѣдуетъ! А то „во-первыхъ, да во-вторыхъ, да въ третьихъ“... Развѣ такъ мужъ съ женой долженъ объясняться? Поцѣловались покрѣпче—и дѣлу конецъ!..

ЯВЛЕНІЕ XXX.

ОЛЬГА

(тихо входитъ изъ сада съ большимъ букетомъ сирени, молча приближается къ Вѣрѣ Павловнѣ, касается цвѣтами ея лица и спрашиваетъ).

Хорошо?

(Цѣлуетъ Вѣру Павловну въ щеку)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ворчитъ).

Поѣдетъ она на курсы учиться... Чему учиться? Грубіянить? И такъ, слава Богу, научилась, безъ курсовъ...

ОЛЬГА

(твердо и рѣшительно).

Захочу и поѣду.

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А отецъ не дастъ денегъ, и никуда не поѣдешь...

ОЛЬГА (спокойно).

Не надо. Мнѣ мама брилліанты отдастъ...

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

А отецъ паспортъ не выдастъ... Тебѣ еще лѣта не вышли...

ОЛЬГА.

А тогда я что-нибудь сдѣлаю...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Пугаешь? Что же, отравишься, что ли?

ОЛЬГА.

Вотъ больно нужно! Стану я травиться! Я жить хочу...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА.

Ну, а что же ты сдѣлаешь?

ОЛЬГА (загадочно).

Я знаю что...

(Молча цѣлуетъ Вѣру Павловну, кладетъ передъ ней часть цвѣтовъ и съ гордостью уходитъ чрезъ гостиную въ свою комнату)

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (ей вслѣдъ).

Королева испанская, да и только! Право... (Пауза) Гдѣ же Ваня-то? Ему, чай, тамъ, на диванѣ-то, неловко... На мѣсто ужъ надо бы!...

(Вѣра Павловна срывается со стула, быстро уходитъ въ спальню и запирается на ключъ. Любовь Васильевна въ полномъ недоумѣніи)

Вотъ! Точно въ гостиницѣ онѣ объ живутъ: чуть-что, сейчасъ въ свой номеръ—и на замокъ!..

(Возится около стола и буфета)

Hosted by Google

ЯВЛЕНІЕ XXXI.

ГРИША

(появляется въ дверяхъ, заспанный, въ одной рубашкѣ и одѣялѣ).

Бабушка! Иди спать!

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА (удивленно).

Что ты, дурачокъ? Богъ съ тобой!

ГРИША.

Я боюсь... Кто-то все плачетъ...

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(идетъ къ Гришѣ).

Иди, иди! Спи себѣ! Богъ съ тобой! Чего бояться?

(Провожаетъ Гришу въ комнату, и, возвратившись, опять возится около стола. Гдѣ-то хлопаетъ дверь, слышны мягкіе шаги: это Иванъ Мироновичъ вышелъ изъ кабинета, ходитъ и грустно вполголоса напѣваетъ: „Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ изъ гроба встаетъ барабанщикъ, и ходитъ онъ взадъ и впередъ“)

ЯВЛЕНІЕ XXXII.

ИВАНЪ МИРОНОВИЧЪ

(появляется въ столовой въ туфляхъ и халатѣ).

Вы, мамаша, все бродите?.. (Останавливается около матери) Устали?

Hosted by Google

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА

(опускаясь на стулъ).

Мнѣ тебя жалко... И что такое творится,—никакъ я понять не могу... Мнѣ тебя жалко... (Утираетъ слезы салфеткой) Какая имъ еще новая жизнь понадобилась,—понять не могу...

(Оба молчатъ, опустивъ головы. Тихо. Слышно, какъ гдѣ-то далеко щелкаетъ соловей. Въ окнахъ и дверяхъ играетъ розоватый отблескъ утренней зари. Въ саду щебечутъ птицы. Часы съ музыкой бьютъ и играютъ)

Занавѣсъ.

Hosted by Google

Н. ТЕЛЕШОВЪ.

ЧЕРНОЮ НОЧЬЮ.

Hosted by Google

Hosted by Google

I.

Вася скучалъ.

Да и всѣмъ было скучно. Отъ скуки всѣхъ одолѣвалъ сонъ; дремали люди, дремали лошади и собаки, дремали мухи. Впрочемъ, мухи, какъ это съ ними иногда бываетъ, вдругъ взметывались цѣлой стаей въ воздухѣ съ жужжаніемъ и суетой, а черезъ минуту вновь успокаивались гдѣ-нибудь въ крапивѣ или на мусорѣ.

Въ городѣ было тихо. Не торопясь брели иногда по досчатымъ тротуарамъ прохожіе; на углу гдѣ-нибудь стоялъ извозчикъ, цѣлыми часами не двигаясь съ мѣста; задумавшись и позѣвывая, сидѣли у лавокъ торговцы, а на площади, передъ управой, дежурилъ „ундеръ“ Мосеичъ, равнодушный къ своей судьбѣ и ко всему земному. Службу свою онъ признавалъ почетной, но не практичной: для чего онъ стоитъ въ самомъ дѣлѣ?.. Его смѣнный товарищъ, такой же ундеръ, какъ и онъ, говорилъ, что стоятъ они здѣсь „для жуликовъ“, но Мосеичъ возражалъ:

— Что ты, что ты! Господь съ тобой! Безъ насъ-то развѣ кто на живого человѣка полѣзетъ! — и былъ вполнѣ убѣжденъ, что стоятъ они здѣсь вовсе „не для жуликовъ“, а больше „для безобразія“.

Всѣмъ было скучно, но всѣ давно уже свыклись съ этимъ и не замѣчали ни скуки, ни жизни. Только рѣчка Серебрянка весело и радостно блестѣла на солнцѣ, опоясывая узкою лентою городъ, извиваясь туда и сюда,

Hosted by Google

точно не зная, куда течь. Иногда, въ весенніе вечера, раздавался надъ нею басъ Прокофьева, молодого почтоваго чиновника:

Волга, Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Дикій голосъ его несся вдоль по водѣ, перелеталъ черезъ рѣчку въ рощу, гдѣ было кладбище, и оттуда, точно изъ загробнаго міра, возвращало ему эхо послѣднее его полуслово. И долго потомъ молча наслаждался Прокофьевъ всякими мечтаніями и былъ вдохновленъ и счастливъ. Ему казалось, что только шагъ одинъ отдѣляетъ его отъ хорошей, нормальной жизни; ему хотѣлось видѣть людей, у которыхъ болѣе нѣтъ ни бремени, ни „проклятой работы“, у которыхъ есть любимый трудъ, какъ часть ихъ жизни и души.

— Но только это—неосуществимо!—махалъ онъ въ заключеніе рукой, и уходилъ спать взволнованный, печальный и покорный.

По вечерамъ же заливались по городу своеобразной пѣсней колотушки сторожей, чѣмъ позже, тѣмъ рѣже, и когда, наконецъ, городскіе часы били двѣнадцать, ударяя медленно, точно увѣсистымъ кулакомъ по мѣдному тазу, все было уже тихо и сонно въ городѣ; спали сторожа, спали и воры, которыхъ здѣсь, кажется, никто никогда не встрѣчалъ.

Отъ скуки по дѣламъ, судья здѣсь былъ очень строгъ, а исправникъ очень угрюмъ; онъ не любилъ ни бумагъ, ни письма и избѣгалъ протоколовъ, но зато, если уже доводилось писать, то не жалѣлъ словъ. Однажды казенный лѣсничій встрѣтилъ на площади мужика, который шатался и бормоталъ:—„Я непамятливъ... ваше... ваше... непамятливъ я“... И, наступивъ лѣсничему на мозоль, упалъ въ грязь и тутъ же за-

Hosted by Google

снулъ. Возникло дѣло, и чтобы не было въ другой разъ никому повадно, непамятливаго мужика судили, согласно протокола:

— За пьянство, буйство и за разбитіе стеколъ.

Время отъ времени среди улицъ бѣсились собаки, убѣгали въ деревни грызть другихъ собакъ и околѣвать въ оврагахъ. Потомъ опять наступало долгое затишье, скука и запустѣніе.

Люди, въ большинствѣ, здѣсь были степенные, знали толкъ въ дьяконахъ, колоколахъ и облаченіяхъ, ѣли по средамъ и пятницамъ капусту, благо ея много росло, жили лѣтъ по девяносто и сходили въ могилы съ молчаливымъ недоумѣніемъ: неужто все уже кончено?..

А когда наступали лѣтнія бѣлыя ночи, то становилось уже не только скучно, но—жутко. Было видно все точно днемъ, только было все пусто и мертво, не было ни солнца, ни красокъ въ небѣ, ни мухъ, ни людей, не было никакихъ звуковъ; казалось, что время остановилось и уже нѣтъ надежды ни на что, нѣтъ ни будущаго, ни прошлаго, нѣтъ ни людей, ни времени. Ни одинъ предметъ не окрашивался, ничто не бросало никакой тѣни; все было одинаково свѣтло, и сѣро, и безжизненно.

Если-бъ въ такую ночь кто-нибудь проснулся и услыхалъ бы шаги на улицѣ или голосъ, то подумалъ бы непремѣнно:

— Вася бродитъ...

А если-бъ спросить, кто такой Вася, этотъ сынъ церковной просвирни, то всякій, навѣрно, отвѣтилъ бы то же, что и другіе:

— Такъ... безъ послѣдствій.

Про бездомныхъ собакъ обыкновенно отвѣчали не иначе:

— Что за собака?

— Такъ... безъ послѣдствій.

И про городской общественный садъ говорили тоже,

Hosted by Google

что онъ „безъ послѣдствій“. Въ немъ было еще тише, чѣмъ на кладбищѣ; только каркали вороны и вили среди зелени деревъ свои черныя гнѣзда; людей почти не было видно, хотя скамейки были испещрены вензелями, непристойными надписями и затоптаны грязными ногами, а молодые побѣги кустарниковъ и верхушки молодыхъ елокъ бывали нерѣдко обломаны и тутъ же валялись, никому ненужныя, вызывая въ Прокофьевѣ улыбку ненависти и презрѣнія.

— Нѣтъ!—вздыхалъ онъ, останавливаясь въ изумленіи.—Нѣтъ, здѣсь ничто не можетъ быть осуществимо!

II.

За Васей утвердилось въ городѣ мнѣніе, что онъ человѣкъ непутевый, не то дурачокъ, не то простачокъ, котораго можно было дразнить, шутить надъ нимъ и даже издѣваться. Но Васѣ нравилось, когда его дразнили: онъ видѣлъ въ этомъ какое-то движеніе; собиралась кучка людей, всякій старался что-нибудь выдумать позабавнѣе; одни хохотали, другіе шумѣли—и въ общемъ было довольно весело. Происходило это обыкновенно у Спаса на Торгу, гдѣ сидѣлъ въ лавкѣ купецъ Иголкинъ, главный выдумщикъ всѣхъ шутокъ; тутъ же, неподалеку, стояла почтовая контора, откуда, заслышавъ шумъ, могъ во всякую минуту появиться Прокофьевъ и холоднымъ словомъ своимъ испортить все дѣло. Появлялся онъ внезапно, точно изъ земли выросталъ, и громко, но равнодушно стыдилъ всѣхъ за забавы надъ Васей. Онъ говорилъ, что человѣкъ съ человѣкомъ должны быть братьями и интересы людей должны быть непремѣнно высокими.

— Но только среди васъ все это неосуществимо!—вздыхалъ онъ въ заключеніе и уходилъ. Если это случалось днемъ,—уходилъ въ почтовую контору, а если

Hosted by Google

вечеромъ, то на рѣчку—пѣть про широкую Волгу, „про лихихъ воеводъ, про недобрыхъ бояръ и неправыхъ судей“... А смущенный Иголкинъ между тѣмъ оправдывался передъ Васей:

— Что жъ, Вася, мы вѣдь съ тобой ничего... Мы вѣдь съ тобой по-благородному...

Прокофьевъ не умѣлъ произносить словъ, какъ ихъ обыкновенно произносятъ, и выговаривалъ ихъ такъ, какъ они пишутся: не „езыкъ“, а—языкъ, не „субота“, а—суб-бота, не „харашо“, а—хорошо.

— Зачѣмъ вы позволяете имъ надъ собой смѣяться да языкомъ трепать?—говорилъ онъ иногда Васѣ.

Тотъ виновато улыбался и отвѣчалъ:

— Скучно.

— Ну, взяли бы книжку да почитали, да дѣломъ бы занялись, а то стыдно безъ дѣла ходить. И матери вашей было бы полегче.

Отъ такихъ разговоровъ Васѣ дѣлалось еще скучнѣе. Вообще онъ не любилъ своего заступника. То ли дѣло купецъ Иголкинъ! Тотъ весело хлопнетъ въ ладоши и крикнетъ на всю улицу:

— Вася! А, Вася!.. Ты бы женился!

И Вася зналъ, что сейчасъ послѣдуетъ какая-нибудь шутка, надъ которой всѣ станутъ хохотать,—но какая?.. Этого предугадать онъ не могъ, и бывалъ заинтригованъ.

— Хочешь, посватаю? И невѣста есть подходящая. Приходи ужотко часа въ четыре въ лавку. Только одѣнься по-жениховски.

И Вася приходилъ. Въ лавкѣ уже тѣснился народъ; всѣ поздравляли его съ „начатіемъ дѣла“; затѣмъ отворяли двери къ невѣстѣ, и изъ-за прилавка выбѣгала коза въ розовыхъ лентахъ.

Поднимался хохотъ и крики:

— Съ законнымъ бракомъ!

— Горько!

Hosted by Google

— Совѣтъ да любовь!

И Вася сторонился, смущенный, осмѣянный и все-таки довольный. Но недолго ликовалъ, обыкновенно, Иголкинъ: появлялся Прокофьевъ.

— Опять надъ несчастіемъ человѣческимъ потѣшаетесь! Что же это?

Иголкинъ стыдился и затихалъ.

— Этакъ намъ всѣмъ,—добавлялъ Прокофьевъ,—ежели мы неспособны ни на что иное, остается, самое лучшее, встать на четвереньки и разбѣжаться по лѣсамъ!

Послѣ этого дѣлалось въ улицѣ опять тихо и скучно; такъ скучно, что хоть умирай! Прогремитъ по городу гдѣ-нибудь телѣга, продребезжитъ пролетка—и опять наступаетъ тишина; взбрехнетъ или взвоетъ собака—и снова молчаніе.

Васѣ, главное, не хватало въ жизни шума, продолжительнаго шума, и это удручало его. День за днемъ и годъ за годомъ одна и та же тишина, одно и то же оцѣпенѣніе. Никогда Вася не видывалъ въ людяхъ порыва страсти, ужаса или радости: все было тускло въ жизни, скромно, прилично. Даже Прокофьевъ сердился безъ порыва, безъ шума, обдавалъ всѣхъ холодомъ—и только. За это онъ и не любилъ его. Не любилъ онъ также и городского голову: про этого почтеннаго, скромнаго старика, всегда ходившаго неслышно въ резиновыхъ калошахъ и съ зонтикомъ, разнесли слухъ, будто онъ любитель барабаннаго боя и дома у себя тайно играетъ на барабанѣ.

— Какъ можно тайно играть на барабанѣ? – удивлялся Вася и ходилъ долго подъ окна къ головѣ прислушиваться, но ничего не слыхалъ.

Говорили, будто тотъ обилъ всю комнату толстымъ солдатскимъ сукномъ и въ окна вставляетъ суконныя ставни, чтобы звуки не разносились. Вася повѣрилъ слухамъ, и съ того же дня пересталъ уважать представителя города.

Hosted by Google

— Ну, его: онъ тихій!

Желаніе вызвать шумъ никогда не покидало Васю. Шумъ и онъ—были родные; онъ и тишина—были заклятыми врагами. Вася даже не уважалъ свою мать за то, что она пекла просфоры, дѣлала такое тихое, никого не касающееся дѣло. Ужъ лучше бы она была вдовой звонаря,—думалось Васѣ. Но и звонъ не удовлетворялъ его. Церковные колокола были очень хорошіе, но звонили въ нихъ всегда равнодушно; красивые звуки ихъ были безстрастны и холодны, все равно, что рѣчи Прокофьева.

— Въ эти бы колокола—да въ набатъ!—мечталъ Вася, защуривая въ ужасѣ глаза.—Ухъ! было бы дѣло.

III.

Ясная сухая осень надвигалась медленно, широко и спокойно. Дни становились короче, ночи чернѣе и глуше. Вянущіе захолодавшіе листья все еще держались на деревьяхъ, сѣрые, красные, желтые; на солнцѣ они рдѣли яркими пестрыми красками, на вѣтру не шелестѣли уже, но таинственно и сухо шуршали, отрывались легко отъ стеблей и, кружась, летѣли по теченію воздуха, ниже и ниже, и ложились обильно на улицы, на дворы и на крыши.

Иногда Вася взлѣзалъ на колокольню и глядѣлъ оттуда на площадь, на городъ и на окрестныя дали, проникнутыя солнцемъ и дымкой; глядѣлъ на вереницы домовъ, на собакъ, глядѣлъ и внизъ на церковный дворъ; тамъ—прижавшись къ колокольнѣ вплотную, стояла богадѣльня, гдѣ жили старухи, жилъ звонарь—его пріятель, жила когда-то и Васина мать; ее давно уже прогнали отсюда и выстроили здѣсь квартиру для дьякона. И Вася, когда курилъ, бросалъ съ колокольни окурки папиросъ всегда на эту крышу.

Hosted by Google

Здѣсь часто вспоминалъ онъ и дьякона, съ его красивыми, точно женскими, локонами, и подгородную помѣщицу, Марью Захаровну, про которую говорили, будто она влюблена въ этого дьякона безнадежно; гдѣ дьяконъ, тамъ и она. И вотъ въ прошломъ году дьякону надоѣло это и онъ ее отучилъ: послѣ молебна, выходя изъ церкви и увидѣвъ возлѣ себя Марью Захаровну, дьяконъ вздохнулъ, поднялъ къ небу глаза и при всемъ народѣ громкимъ голосомъ, стараясь басить, проговорилъ:

— Не вижу особу желательную, а вижу опять особу нежелательную!

И съ тѣхъ поръ помѣщицу никто болѣе въ городѣ не видалъ.

Вася любилъ стоять здѣсь на высотѣ. Онъ стоялъ, глядѣлъ и думалъ, да изрѣдка пошвыривалъ окурки на нижнюю крышу, стараясь угодить въ трубу.

Здѣсь передъ нимъ весь городъ былъ какъ на ладони: вонъ—лѣсной складъ, вонъ сѣнная площадь, аптека, а здѣсь—почта, лавка Иголкина; возлѣ церкви домъ священника, а вонъ выше всѣхъ домовъ—сѣрая досчатая каланча, гдѣ цѣлый день ходитъ пожарный и поглядываетъ на городъ такъ же, какъ глядитъ теперь Вася. Ему тоже все видно: улицы и дома, рѣчку и широкія поля за городомъ, и деревню...

— Вотъ бы ударить въ набатъ!—соблазнялся Вася.

Сходя съ колокольни и бредя домой, онъ нерѣдко останавливался и задумывался возлѣ одного маленькаго домика, необитаемаго, съ заколоченными ставнями и съ длиннымъ сѣрымъ заборомъ. Во всю свою жизнь, то есть почти двадцать лѣтъ, Вася зналъ этотъ домикъ всегда заколоченнымъ и необитаемымъ; зналъ и его пять вывѣсокъ: однѣ прибиты къ стѣнѣ, другія къ воротамъ; на однѣхъ написано, что домъ принадлежитъ Сельдину, что онъ застрахованъ и свободенъ отъ постоя, а на другихъ — что „сей домъ

Hosted by Google

продается“ и что „князьямъ входъ во дворъ воспрещается“.

Вася зналъ, о какихъ „князьяхъ“ говорила строгая вывѣска,—это о татарахъ съ узлами, ходившихъ по домамъ продавать „шурумъ-бурумъ“: матеріи и халаты. Зналъ Вася и самого Сельдина, жившаго въ другомъ домѣ, на другой улицѣ. Его ненавидѣлъ и боялся весь городъ: онъ давалъ деньги подъ векселя и подъ дома. Это былъ холодный, жестокій старикъ съ удивительно благодушной улыбкой на исхудаломъ безусомъ лицѣ; казалось, что онъ всегда привѣтливо улыбается; но это улыбался не онъ: это начиналъ уже улыбаться черепъ своей вѣчной улыбкой.

Съ улыбкой выслушивалъ старикъ неисправнаго должника, умолявшаго о пощадѣ, съ улыбкой же отбиралъ отъ него имущество, и, улыбаясь, пускалъ его по міру:

— Иначе, милый, самъ безъ подошвы останусь.

Этотъ безмолвный домъ, гдѣ, на Васиной памяти, никогда не свѣтились огни, никогда не струился дымъ изъ трубъ, никогда не отколачивались ставни и не отворялись ворота, давно привлекалъ вниманіе Васи.

— Людей тутъ нѣтъ... никого нѣтъ,—нерѣдко думалъ онъ, глядя на домъ съ колокольни. И затѣмъ загадочно улыбался и долго стоялъ, точно прислушиваясь къ чему-то, и глаза его оживлялись.

Однажды Вася перелѣзъ черезъ заборъ, спрыгнулъ въ садъ и, шурша опавшими листьями, пошелъ къ крыльцу дома. Ему дѣлалось жутко; долгое отсутствіе здѣсь людей наполняло призраками весь дворъ и садъ и строенія; чудилось, что кто-то идетъ за нимъ по пятамъ, казалось, что кто-то спрятался за уголъ кухни и подсматриваетъ за Васей. И онъ съ бьющимся сердцемъ останавливался и оглядывалъ дворъ и опять шелъ, замедляя шаги, озираясь и вслушиваясь.

Возлѣ крыльца, подъ жолобомъ, стояла етарая раз-

Hosted by Google

рушающаяся кадка; казалось, что сію минуту въ ней спряталась чья-то голова и чьи-то глаза сквозь щели встрѣчаютъ пришельца острымъ внимательнымъ взглядомъ.

Вася поднялъ позеленѣвшій обломокъ кирпича, потомъ поднялъ другой—и задумался. Потомъ размахнулся и швырнулъ во всю силу кирпичомъ по боку кадки. Раздался тупой, короткій звукъ. Вася видѣлъ, какъ разломился надвое кирпичъ, оставивъ на кадкѣ красное сухое пятно, видѣлъ какъ крыса метнулась откуда-то и ушла подъ стѣну въ невидимую лазейку.

Вася размахнулся еще разъ, ударилъ въ кухонное окно и, когда зазвенѣли стекла, присѣлъ, поднялъ еще камень и приготовился къ бою. Никто, однако, не вышелъ, никто не откликнулся.

— Никого,—вздохнулъ Вася и подошелъ къ разбитому окну.

Въ кухнѣ было темно и пусто; чернымъ пятномъ виднѣлась отворенная дверь куда-то внутрь, на полу былъ виденъ только-что брошенный кирпичъ и врассыпную бѣлѣли дребезги стеколъ.

Вася просунулъ въ пробоину руку, отстегнулъ изнутри заржавленный крючокъ и распахнулъ раму. Изъ жилища повѣяло плѣсенью и холодомъ. Онъ влѣзъ на подоконникъ и спрыгнулъ въ кухню: захрустѣло подъ ногами стекло, зашуршали мыши по сору и скрипнули старые гвозди въ сырыхъ половицахъ.

Зажавъ въ кулакѣ камень, Вася пошелъ осматривать домъ, пробираясь ощупью по стѣнамъ. По дворовой линіи въ комнаты проникалъ свѣтъ сквозь стекла, затянутыя пылью, плѣсенью и паутиной, а по уличной сторонѣ свѣтились въ окнахъ лишь червонные тузы, прорѣзанные въ ставняхъ, затворенныхъ и заколоченныхъ тесомъ. Здѣсь было мрачно и душно, какъ въ склепѣ, было холодно и страшно: вѣтеръ гудѣлъ по трубамъ и иногда схватывалъ, точно руками, ставню,

Hosted by Google

потрясалъ ее—и сухіе дробные звуки зловѣще разносились по пустымъ комнатамъ.

Когда Вася вылѣзъ изъ кухни снова на дворъ и послѣ темноты увидѣлъ залитый солнцемъ садъ, то протеръ глаза и свободно вздохнулъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ неподвижно среди двора, прислушиваясь къ вольному шуму деревьевъ, къ шуршанію сухой разноцвѣтной листвы, потомъ засмѣялся и весело пошелъ къ забору, черезъ который и перебрался на улицу.

— Дай-ка, матушка, пообѣдать немножко,—сказалъ онъ, вернувшись домой.

Просвирня встрѣтила его добрымъ, печальнымъ взглядомъ и, оставляя работу, спросила:

— Гдѣ ты, горе мое, шатаешься цѣлыми днями? Въ пыли ты весь, какъ мельникъ, или какъ трубочистъ какой. Гдѣ это тебя такъ вымазали?

Вася отряхнулъ пыль съ груди и угрюмо отвѣтилъ:

— На колокольню лазилъ... Голубей ловилъ.

— Голубей ловилъ,—грустно повторила мать и, вздохнувши, молча махнула рукой.

— Поди, поѣшь,—добавила она тихо и покорно.

Вася пообѣдалъ. Давно уже не ѣлъ онъ съ такимъ аппетитомъ. Ему было весело и легко. Онъ ѣлъ и улыбался.

Послѣ обѣда онъ пошелъ къ звонарю и попросилъ у него ключъ отъ колокольни.

— На что тебѣ ключъ?—лѣниво спросилъ звонарь.

— Табачокъ намедни наверху забылъ,—слукавилъ Вася.—Покурить хочется.

Онъ отперъ замокъ колокольни и, не отмыкая щеколды, чтобъ дверь не распахнулась отъ вѣтра, возвратилъ ключи звонарю и сейчасъ же вернулся домой, и не раздѣваясь легъ спать, когда солнце стало садиться въ тучи, похожія на волны и на горы, на старинныя башни и на зубчатыя стѣны.

Hosted by Google

IV.

Ночь шла холодная, черная, тревожная. Съ темнаго востока на потемнѣвшій западъ ползли высоко въ небѣ обрывки облаковъ; однѣ вереницы ихъ тонули на горизонтѣ, другія ихъ догоняли, третьи всплывали за ними во слѣдъ—и по всему небосклону двигалась какая-то воздушная рать въ одну и ту же сторону, къ одной и той же цѣли, двигалась беззвучно, среди темноты, высоко надъ лѣсами, надъ рѣкой, надъ городомъ и полями, а внизу сухая листва садовъ трепетала, шуршала и осыпалась подъ безпрерывной тягой осенняго вѣтра.

Городъ спалъ.

Спали всѣ, кромѣ Васи. Только онъ одинъ, спрыгнувъ съ забора и захлебываясь отъ волненія, бѣжалъ среди улицы отъ безлюднаго дома, спотыкаясь и оглядываясь; бѣжалъ безъ шапки, съ засученымъ правымъ рукавомъ, разорваннымъ о заборные гвозди. Онъ торопился къ Спасу—на колокольню.

Отпертая съ вечера дверь отворилась, знакомая винтовая лѣстница съ ошмыганными досками порожковъ заскрипѣла подъ быстрыми шагами; порывъ вѣтра, точно оторвавшійся отъ чего-то кусокъ, упалъ сверху и со свистомъ помчался внизъ, крутясь по гладкимъ стѣнамъ колокольни, какъ по трубѣ, вылетѣлъ въ распахнутую дверь и шарахнулся о церковную паперть, а другой—встрѣчный—заметая съ улицы сухой соръ, подкрался по-низу къ двери, и вдругъ, загудѣвъ, бросился кверху по той же лѣстницѣ, хлопая дверью, вздымая пыль, и, перегнавъ Васю, скользнулъ по звонкой и чуткой мѣди колоколовъ, слился на высотѣ и просторѣ съ новымъ широкимъ порывомъ—и унесся въ поля.

Вася вышелъ на площадку точно изъ подземелья

Hosted by Google

сначала показалась его голова, руки, потомъ туловище, и наконецъ, весь онъ очутился на высотѣ подъ сквознымъ куполомъ, среди тьмы и вихря, среди досчатыхъ подставокъ, веревокъ и колоколовъ.

Прежде всего онъ взглянулъ на небо, въ ту сторону, гдѣ находился домъ Сельдина, потомъ закрылъ за собою створчатый лазъ, потомъ подошелъ къ парапету, облокотился на него и въ нетерпѣніи прошепталъ:

— Скоро ли?

И самъ себѣ мысленно отвѣтилъ:

— Скоро.

Онъ сидѣлъ, не сводя глазъ съ одной точки.

Онъ ни о чемъ не думалъ въ это время; онъ слушалъ, какъ билось его сердце, но не слыхалъ вѣтра, не ощущалъ холода, не видѣлъ уличныхъ фонарей, которыхъ желтыя рѣдкія пятна тянулись по городу среди тьмы безпорядочными узорами.

Вдругъ Вася вскочилъ и схватился одной рукой за веревку, привязанную къ колоколу, а другой за воротъ рубашки.

На фонѣ чернаго неба взвились снопомъ красныя мелкія искры, обрисовались во тьмѣ силуэты трубъ и гребень крыши, которую внезапно освѣтилъ прозрачный розовый таинственный паръ. И вдругъ изъ трубы выросло что-то похожее на кудрявое молодое дерево, черное и багровое, и куда-то свалилось оно—точно растаяло, а за нимъ сейчасъ же выросло другое такое же, потомъ вырвался огненный столбъ и погасъ; а за нимъ опять взлетѣла шапка красныхъ, черныхъ и сѣрыхъ кудрей и вновь полетѣли искры, шире и шире падая на крышу, вправо и влѣво. И опять все почернѣло и утонуло во тьмѣ. И опять снопы искръ, мѣшаясь съ дымомъ, взвились, но уже болѣе высоко, и посыпались книзу, но уже шире, и полетѣли въ сторону вмѣстѣ съ вѣтромъ.

Hosted by Google

— Пора?—шепталъ Вася.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ онъ себѣ.

— Пора?

Вася дрожалъ. Рука схватывала веревку то одну, то другую, а глаза все устремлялись на красныя пятна дыма и искръ.

Все еще было тихо въ городѣ. Все спало.

И вотъ—прорѣзая это молчаніе, обрывая сны и пугая, вдругъ загудѣлъ колоколъ.

Первые звуки его были торжественны и рѣдки, какъ благовѣстъ. Но потомъ они стали чаще и рѣзче и тревожнѣй—и безъ умолка понеслись надъ спящимъ городомъ, одинъ на смѣну другому.

— Донъ! Донъ! Донъ!—мысленно приговаривалъ Вася вслѣдъ каждому удару.

Онъ стоялъ во мракѣ подъ колоколомъ и билъ по немъ огромнымъ желѣзнымъ языкомъ, которымъ онъ размахивалъ во всю свою силу; руки его крѣпко вцѣпились въ веревку, точно впились въ нее. Не помня себя, не видя ничего вокругъ, ничего не слыша, онъ съ дикой радостью и страстью размахивалъ тяжелымъ слиткомъ и твердилъ только одно:

— Донъ—донъ!.. Донъ—донъ!

Уже не благовѣстъ гудѣлъ, а набатъ. Тяжелые, зловѣщіе звуки неслись съ колокольни и разлетались вокругъ, по вѣтру и противъ вѣтра.

Съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, со смѣющимися глазами, Вася звонилъ, обливаясь холоднымъ потомъ,—а передъ нимъ огромными клубами вырывался изъ дома черный дымъ, взвивалось пламя и искры летѣли вверхъ и сыпались въ стороны. Зарево окрашивало въ багрянецъ тучи и освѣщало страннымъ колеблющимся свѣтомъ улицы, стѣны домовъ и бѣгущихъ людей.

Увидѣвъ эту бѣгущую испуганную толпу, Вася выпустилъ изъ рукъ веревку, шагнулъ къ парапету и сталъ глядѣть внизъ. Желѣзный языкъ, не ударяя

Hosted by Google

уже, праздно болтался внутри колокола, медленно сокращая размахи, но колоколъ еще не затихъ и гудѣлъ надъ головою, и Васѣ казалось непонятнымъ, почему всѣ эти люди бѣгутъ молча, словно нѣмые, но потомъ до слуха его мало-по-малу началъ доноситься съ улицы гулъ, стали слышны крики, стукъ колесъ и трескъ пожара. Тогда онъ сѣлъ на барьеръ и заслушался: сколько было шума!

— Ничего!—думалъ Вася про сельдинскій домъ.— Людей тамъ нѣтъ... Ничего: пусть себѣ!

Домъ горѣлъ.

Вѣтеръ подхватывалъ широкое пламя и, крутя его, взвивалъ въ высь. Изъ оконъ высовывались, какъ змѣи, желтые языки огня; было видно, какъ пожарные въ мѣдныхъ каскахъ ползкомъ пробирались по крышѣ, били по ней чѣмъ-то и сбрасывали во дворъ листы желѣза, иногда совсѣмъ скрываясь въ дыму. Вася любовался ихъ храбростью; онъ даже не ждалъ, что могутъ быть такіе люди, которые изъ-за чужого дѣла рискуютъ жизнью. Другіе пожарные, освѣщенные заревомъ и огнемъ, цѣлой толпой хлопотали надъ чѣмъ-то непонятнымъ среди двора: иногда они стояли на колѣнахъ и что-то торопливо дѣлали, иногда всѣ вскакивали и волокли длинную мягкую трубу, изъ которой била на крышу вода; потомъ вода начинала бить куда-то въ бокъ и въ разныя стороны, не попадая на крышу, и тогда пожарные опять всѣ собирались въ кучу и что-то заматывали, махали руками, кричали и опять волокли трубу, и опять заливали огонь.

Весь городъ проснулся. Всполошились и встревожились всѣ. Вонъ какіе-то люди — лицъ не видать— взбираются на кровли, выползая изъ слуховыхъ оконъ, и стоятъ, освѣщенные заревомъ, и глядятъ всѣ въ одну сторону.

— Струсили!.. Зашевелились!..

Острая радость наполняла Васино сердце. И радость,

Hosted by Google

и гордость: это онъ—хозяинъ праздника! Это онъ наполнилъ черную, глухую ночь звономъ и голосами, ужасомъ, трескомъ и заревомъ!.. Желаніе сбылось: все оживилось, проснулось и затрепетало.

Высоко надъ городомъ стоялъ широкій огненный столбъ изъ искръ и дыма, накренившись по вѣтру - и въ улицахъ было свѣтло, какъ на зарѣ.

На сельдинскіе сараи падали головешки, и Вася видѣлъ, какъ задымились вдругъ эти сараи и вскорѣ стояли всѣ въ пламени, засыпая искрами и головнями сосѣдній домъ, который тоже вдругъ задымился и вспыхнулъ.

Пламя и черный дымъ повалили изъ крышъ и изъ оконъ, и голоса, гудѣвшіе по улицамъ, покрылись вдругъ новымъ и громкимъ раскатомъ крика:

— Аааа!!.. — точно вскрикнули разомъ всѣ люди, и крикъ этотъ на минуту прокатился волною надъ всѣмъ городомъ.

Вася не ожидалъ этого. Онъ зла не хотѣлъ никому. Ужасъ, смятеніе и какая-то безумная радость обуяли вдругъ его сердце. Онъ ахнулъ вмѣстѣ съ толпою и, не зная, что теперь сдѣлать, бросился опять подъ колоколъ, схватилъ веревку и, что было силъ, началъ снова раскачивать тяжелый языкъ, бить имъ по колоколу и что-то кричать. Своего голоса онъ не слыхалъ даже самъ за ревомъ мѣди, но, волнуясь и торжествуя, продолжалъ все чаще и чаще звонить и, надрываясь, кричать:

— Пожаръ!.. Пожаръ!..

V.

Время шло.

Ночь была красна, черна и страшна.

Точно порохъ отъ пороха воспламенялись дома отъ горѣвшихъ домовъ. Вся подвѣтренная часть города

Hosted by Google

была въ огнѣ. Пламя ревѣло, какъ море. Красное небо, красныя бѣгущія тучи окрашивали на далекое пространство поля и рѣку въ кровавый цвѣтъ, — а горизонты были черны и утопали во мглѣ.

Жарко пылали лѣсные дворы; пылала аптека, что-то лопалось, словно стрѣляя; сѣнные склады тоже вдругъ вспыхнули: широкое полымя съ ревомъ взвилось высоко надъ ними въ воздухѣ и разорвалось и разлетѣлось въ клочки, падая по сторонамъ и зажигая черезъ улицы чердаки, солому и ветошь.

Кругомъ колокольни пылалъ городъ. Все горѣло, рушилось и дымилось. Вася глядѣлъ безумными немигающими глазами на бѣду и видѣлъ, какъ пламя жрало все на пути своемъ, не щадя ни бѣднаго, ни невиннаго.

Пылали дома и заборы, горѣли сады и досчатые тротуары и тумбы, горѣло имущество, вытасканное на улицы. Среди общаго гула и рева онъ слышалъ вопли и стоны; онъ видѣлъ бѣгущихъ изъ деревень крестьянъ съ топорами и ведрами, съ коромыслами и ломами.

Онъ видѣлъ, какъ внизу, подъ колокольней, распахнулись желѣзныя церковныя двери—и сѣдовласый батюшка въ епитрахили легкой походкой сухого стараго подвижника, презирающаго жизнь, вышелъ на порогъ церкви, навстрѣчу пламени, высоко держа надъ головою крестъ. Вася видѣлъ, какъ шевелилась, точно прыгала, его узкая сѣдая бородка и открывался и закрывался его беззубый ротъ; молился старикъ или утѣшалъ несчастныхъ—не было слышно, но онъ осѣнялъ крестомъ бушевавшее огненное море и воздѣвалъ руку, устремляя къ багровому страшному небу и крестъ, и глаза. Онъ стоялъ на порогѣ церкви, а напротивъ, черезъ дорогу—на его глазахъ—загорался его маленькій сѣрый домикъ, надъ которымъ въ страхѣ метались его любимцы—бѣлые чистые голуби.

Hosted by Google

Вонъ—подбѣжалъ къ священнику купецъ Иголкинъ, упалъ на колѣна передъ нимъ и бьетъ себя кулакомъ по груди и что-то кричитъ. Должно быть—сгорѣло все.

А вотъ и Прокофьевъ стоитъ, опустивъ голову; онъ завернутъ сверху во что-то черное, а ноги у него въ одномъ бѣльѣ: значитъ, тоже—сгорѣлъ.

Вонъ—расталкивая народъ, бѣжитъ дьяконъ въ длинномъ подрясникѣ: въ рукѣ у него подушка, а на плечѣ сидитъ и держится за его лохматую голову дѣвочка.

Чья она?.. Онъ бездѣтный.

Давно ли этотъ дьяконъ важной поступью выходилъ на амвонъ, умѣлъ гордо закидывать голову и разсыпать по плечамъ своимъ холеные локоны,—а теперь онъ бѣжитъ съ чужимъ ребенкомъ и съ чьей-то подушкой, спасая то и другое отъ огня и гибели, прокладывая себѣ локтями дорогу; подрясникъ его распахивается на вѣтру и изъ-подъ полъ виднѣются крѣпкія согнутыя колѣна и высокіе сапоги; народъ разступается передъ нимъ, и онъ бѣжитъ куда хочетъ—косматый и страшный, какъ левъ.

И мясникъ Охряповъ, первый въ городѣ кулакъ и пьяница, тоже бѣжитъ за дьякономъ и тащитъ на спинѣ дѣтей и узлы. Своихъ дѣтей и у него нѣтъ. Значитъ, спасаетъ чужихъ...

Старики и мальчишки, и женщины—всѣ работаютъ и спасаютъ, всѣ рубятъ, гасятъ, выбрасываютъ на улицы вещи, таскаютъ ихъ въ безопасное мѣсто,—одинъ только Вася глядитъ съ высоты на весь этотъ адъ, не принимая участія въ общей борьбѣ.

Въ это время, когда по всему городу метались въ страхѣ люди, овцы и лошади, онъ стоялъ, облокотившись на рѣшетку, и глядѣлъ на все строго и холодно, а въ душѣ его трепетала скрытая дикая радость.

Вѣтеръ несся ему въ лицо, обдавалъ дымомъ,

Hosted by Google

гарью и жаромъ. Искры летѣли уже на колокольню, падали на полъ и на досчатыя подставки, пролетали насквозь въ амбразуры и мчались куда-то дальше. Вася провожалъ ихъ равнодушнымъ взглядомъ, точно мимо него летѣли мухи.

Онъ думалъ не объ искрахъ. Онъ думалъ: что же это случилось? Что сдѣлалось съ его тихимъ городомъ, съ тихими улицами, съ тихими людьми?

Давно ли всѣ эти мужики, которые сейчасъ, спасая чужое добро, лѣзутъ въ самый огонь, разворачивая топорами стѣны и расшвыривая бревна, давно ли они, пріѣзжая на клячахъ изъ селъ, стояли терпѣливо на базарѣ цѣлые дни безъ почина. Давно ли тѣснилъ ихъ мясникъ Охряповъ, покупая у нихъ поросятъ и гусей за безцѣнокъ,—а теперь и мясникъ этотъ ломится тоже въ огонь и въ опасность, вытаскивая чужихъ дѣтей и чужія пожитки.

Вася глядѣлъ на все, не вѣря глазамъ своимъ, не довѣряя слуху...

Впервые почувствовалъ онъ въ самомъ себѣ жизнь. Точно туманъ, наполнявшій его голову и сердце, вдругъ всколыхнулся, и сквозь волокна его проглянуло солнце — настоящее солнце: яркая, огромная жизнь со всѣми ея радостями, страстями, съ горемъ и борьбою. Онъ впервые прозрѣлъ: онъ увидѣлъ людей, тѣхъ же людей, сонныхъ, вздорныхъ и вялыхъ. Но какъ они всѣ преобразились!

Вася чувствовалъ, что преобразился и онъ: настоящая жизнь только-что начиналась для него съ этой минуты.

Вдругъ что-то тяжелое ударило Васю по головѣ.

Онъ отшатнулся. Это клубъ чернаго ѣдкаго дыма ворвался на колокольню, и горящая головня опалила ему волосы.

Онъ началъ наскоро затаптывать головню. Обжигая пальцы, онъ поднялъ ее и хотѣлъ вышвырнуть за

Hosted by Google

барьеръ, но новый клубъ дыма съ гуломъ и ревомъ взвился снизу и отбросилъ Васю назадъ; искры ударили его по лицу и влѣпились въ куртку, въ волосы, въ рукава. Онъ едва успѣлъ потянуть въ себя воздухъ, какъ взвился опять чернымъ облакомъ дымъ, посыпались опять головни, задымились доски пола и веревки, а искры полетѣли на него дождемъ, паля лицо и шею, и руки; ѣдкая гарь не давала вздохнуть.

Искры жгли и палили, дымъ слѣпилъ и душилъ. Вася метнулся по площадкѣ туда и сюда — повсюду жгло; не было воздуха. Все почернѣло.

Ощупью, по памяти, онъ отыскалъ лазъ и распахнулъ створы люка,—но оттуда, съ лѣстницы, вырвался тоже дымъ и снова отбросилъ его своимъ удушьемъ.

Вася потерялся.

Задыхаясь, бросился онъ подъ колоколъ; здѣсь было легче, подъ этимъ мѣднымъ шатромъ.

Вася жадно глоталъ воздухъ вмѣстѣ съ гарью какъ утопающій глотаетъ воду въ надеждѣ дышать.

А пламя взлизывалось уже снизу до парапета, дымъ окутывалъ все, душилъ и гналъ—и Вася выскочилъ наугадъ изъ-подъ колокола, весь обожженный, горячій, задыхающійся и, ничего не видя и не соображая, началъ пятиться отъ искръ, отъ пламени, отъ дыма и смерти.

А смерть и дымъ шли на него, окружали его, и онъ пятился отъ нихъ съ закрытыми глазами, простирая къ нимъ руки и отворачивая лицо.

Спасенія не было: онъ былъ прижатъ къ парапету.

Нужно было дышать. Дышать было нечѣмъ. Вася вскочилъ на рѣшетку. Воздуха не было. Голова мутилась; силы оставляли его.

— Не умирать же!—блеснуло въ его умѣ.

Но думать было некогда.

Ища воздуха и спасенія, погибая и все еще надѣясь, Вася стоялъ на зыбкой рѣшеткѣ, держась рукой

Hosted by Google

за толстую каменную стѣну, стоялъ, шатаясь надъ пропастью, окруженный огнемъ и дымомъ, стоялъ задыхаясь, не думая уже ни о чемъ, кромѣ одного глотка воздуха.

Воздуха не было: смерть останавливала сердце.

И убѣгая отъ палящаго огня и отъ смрада, Вася отпустилъ руку отъ стѣны и бросился съ колокольни внизъ—на улицу, въ новые клубы дыма и искръ, метавшіеся гдѣ-то далеко внизу, гдѣ тоже витала смерть, но гдѣ, между огнемъ и высотою, былъ еще воздухъ, была еще, хотя на одно мгновеніе—жизнь.

Hosted by Google

Hosted by Google

А. СЕРАФИМОВИЧЪ.

ЗАЯЦЪ.

Hosted by Google

Hosted by Google

I.

Антипъ Каклюгинъ, служившій у подрядчика Пудовова по вывозу нечистотъ, получилъ изъ деревни письмо.

Послѣ безчисленныхъ поклоновъ братцевъ, сестрицъ, племянниковъ, дядей, кумовьевъ, сосѣдей, въ концѣ стояло:

„И еще кланяется съ любовью и низкій поклонъ къ землѣ припадаетъ супруга ваша Василиса Ивановна и съ самаго Петрова дня лежитъ и соборовалась, чего и вамъ желаетъ и оченно проситъ чтобъ пріѣхали на побывку, какъ ей помереть въ скорости писалъ Иванъ Кокинъ".

Антипъ попросилъ три раза прочитать письмо и долго чесалъ поясницу.

— Да... ишь ты, како дѣло, — проговорилъ онъ, тщательно и неумѣло складывая негнувшимися пальцами письмо, и вечеромъ пошелъ къ хозяину.

— Ты чего?

— Къ вашей милости.

— Да и воняешь ты, чортъ тебя ни возьми... ступай во дворъ.

Антипъ покорно слѣзъ съ крыльца и сталъ возлѣ, держа шапку въ рукахъ.

— Денегъ не дамъ, и не проси... забралъ все, когда еще отработаешь.

— Да я не объ томъ... жена помираетъ. Милость

Hosted by Google

ваша ежели будетъ, повидать бы бабу, хоша бы на недѣльку.

— Ахъ ты, сукинъ предметъ!.. да ты что же, смѣешься... самая возка начинается...

— Главное, помираетъ... плачется баба...

— Что-жъ, она безъ тебя не сумѣетъ помереть, что ли?.. да можетъ и враки, такъ занедужилась, подымется, Богъ дастъ.

— Соборовали... сдѣлай милость.

Хозяинъ посмотрѣлъ на вызвѣздѣвшее небо, подумалъ:

— Ну, вотъ что. Завтра у насъ какой день? вторникъ? хорошо. Стало быть, завтра выѣдешь; къ обѣду дома, на другой день опять сядешь, къ вечеру тутъ. Стало быть, въ середу чтобъ былъ къ работѣ: не будешь,—другого поставлю... У меня контрактъ, ждать не станутъ; изъ-за васъ, анаѳемовъ, неустойку плати.

— Покорно благодаримъ.

II.

Раннимъ утромъ, когда надъ рѣкой стоялъ бѣлый паръ, и холодная вода влажно лизала столбы, Антипъ сидѣлъ на пристани.

У берега тѣснились баржи, расшивы, лодки, по водѣ оставляя слѣдъ, бѣгали катера, пыхтѣли пароходы. Грузчики, согнувшись и торопливо и напряженно переставляя ноги, таскали одни съ берега, другіе на берегъ тюки, кипы, боченки, ящики, полосы желѣза. Надъ рѣкой и берегомъ стоялъ говоръ, стукъ и по гладкой чуть шевелящейся водѣ въ раннемъ, еще не успѣвшемъ разогрѣться, утрѣ добѣгалъ до другого плоско желтѣвшаго песчанаго берега.

Антипъ мокалъ въ жестяную кружку съ водицей сухари и хрустѣлъ на зубахъ. Латанный, рваный съ вылѣзавшей въ дыры грязной шерстью полушубокъ,

Hosted by Google

держался на немъ коробомъ, какъ накрахмаленный, и было въ немъ что-то наивное.

— Фу-у, чортъ, да что такое?..— проговорилъ матросъ, останавливаясь во второй разъ,—вѣдь это отъ тебе... Ступай ты отсюда, тутъ господа ходятъ...

— Ну, што-жъ...

Антипъ поднялся и, держа грязную сумку и кружку, перешелъ и сѣлъ на краю пристани, свѣсивъ ноги надъ весело и невинно колебавшейся внизу водой.

Пароходъ, шедшій снизу и казавшійся маленькимъ и пузатымъ, закричалъ толстымъ голосомъ, и торопливо бѣгущая надъ нимъ бѣлая полоска пара колебалась и таяла въ свѣжемъ воздухѣ. Съ песчанаго берега добѣжалъ точно такой же пароходный голосъ, и странно было, что берегъ былъ пустой и никого тамъ не было.

Пароходъ, дѣлаясь все пузатѣе и гоня стекловидный валъ, работалъ колесами и приближающійся шумъ разносился по всей рѣкѣ. Колеса перестали работать, и пароходъ, молча, тяжелый и громадный, надвигался по спокойной, чуть колеблющейся, отражающей его водѣ. Навалился къ пристани, притянули канатами, положили сходни, вышли пассажиры.

Потомъ стали таскать багажъ, товаръ, а черная труба оглушительно, съ тяжелою дрожью, стала шипѣть, напоминая, что въ утробѣ парохода, не находя себѣ дѣла, бунтуетъ клокочущій сдавленный паръ.

Когда выгрузили, стали таскать тюки, ящики съ берега на палубу, Антипъ незамѣтно съ крючниками пробрался на пароходъ, высмотрѣлъ мѣстечко и залегъ между кипами сложенной шерсти. Было душно, голова взмокла отъ пота и ничего не было видно. Слышно только, какъ топали тяжелыми сапогами по палубѣ, какъ упали сбрасываемые въ трюмъ тюки, какъ съ гудѣніемъ шипѣла труба, и отъ этого гудѣнья по всему, что было на пароходѣ, бѣжало легкое дрожаніе.

Hosted by Google

Антипъ лежалъ и думалъ, что забылъ попросить не запрягать кривого мерина,—хромать сталъ; припоминалъ, куда положилъ старую уздечку, и думалъ о томъ, что баба непремѣнно дождется и не умретъ до него. И когда онъ думалъ о бабѣ, становилось особенно тѣсно и душно лежать, и онъ ворочался, и все боялся, что его откроютъ.

Покрывая топотъ ногъ, говоръ, нестерпимо оглушительное шипѣніе трубы, зазвучалъ наверху чей-то гудящій голосъ. Онъ долго настойчиво тянулъ, густой, грубый, упрямый, призывая кого-то, кто былъ далеко и не слышалъ, или не хотѣлъ слышать, потомъ отрывисто и коротко оборвался, какъ-будто сказалъ: ладно, погожу.

Опять топали ноги, слышались отдѣльные голоса, дрожа шипѣла труба, и было тѣсно и душно. Время между тюками тянулось медленно и трудно. Казалось, ему и конца не будетъ, но пароходный гудокъ снова потянулъ настойчиво и упрямо, и два раза отозвался: дескать, погожу еще.

„Упрѣлъ“,—думалъ Антипъ, и ему пришло въ голову, какъ бабы въ печи ставятъ кашу въ горшкѣ вверхъ дномъ, чтобъ лучше упрѣвала.

Долго лежалъ.

Наконецъ, въ третій разъ потянулся грубый и упрямый голосъ, и трижды отрывисто оборвалъ, дескать ждалъ, а теперь не прогнѣвайся. Разомъ смолкло надоѣдливое шипѣніе, и въ наступившей тишинѣ чудилось ожиданіе. Сильное, мѣрное содроганіе побѣжало по пароходу и уже не прекращалось. И хотя было попрежнему тѣсно, душно, темно, Антипъ съ облегченіемъ вздыхалъ, чувствуя, что пароходъ двинулся, и, изнемогая отъ духоты, дышалъ, раскрывъ ротъ.

Hosted by Google

III.

На пароходѣ было такъ, какъ бываетъ всегда. На кормѣ и на верхней площадкѣ—господа, на носу—сѣрый, простой людъ. Кто пилъ чай, кто закусывалъ и, отвернувшись, выпивалъ изъ горлышка, иные сидѣли и разговаривали, иные лежали на скамьяхъ, на полу. Были богомольцы, были лапотники, торговцы, женщины съ ребятами, мѣщане, люди неопредѣленной и подозрительной профессіи.

Матросъ шестомъ мѣрилъ глубину и лѣниво вскидывалъ на секунду вверхъ пальцы руки, нехотя взглядывая на капитанскій мостикъ.

— Чудеса,—говорили тѣ, что сидѣли возлѣ кипъ съ шерстью,—духъ отъ нее, отъ шерсти чижолый.

— Чижолый духъ, чисто—дохлятина.

— Гм!..—вертѣлъ носомъ матросъ, проходя мимо,—несетъ... должно съ берега.

— Съ берега, откуда же больше, всячинку на берегъ-то валятъ.

Пошелъ контроль.

Публика подымалась, изъ кармановъ, изъ-за пазухъ доставала кошельки, кисеты и, порывшись, вытаскивала билеты. Матросы заглядывали подъ лавки, между мѣшками, ящиками, осматривали всѣ уголки. Наткнулись на Антипа.

Подошелъ капитанъ. Собрались любопытные. Между кипами покорно глядѣлъ на публику весь покрытый заплатами задъ и истоптанныя, закорузлыя подошвы—Антипъ неподвижно лежалъ ничкомъ, уткнувшись въ шерсть.

Кругомъ засмѣялись.

— Вылѣзай, чортъ вонючій... ишь ты забрался.. младенецъ!..

Hosted by Google

Матросъ завернулъ ему на спину полушубокъ и сунулъ ногой, и Антипъ ткнулся въ шерсть, потомъ выползъ задомъ и поднялся. Лицо было красно и потно, взмокшіе волосы обвисли.

— Билетъ?..

— Ась?

— Ну-ну, не притворяйся... я тебя притворюсь... билетъ, тебѣ говорятъ.

— Билетъ-отъ?... — недоумѣло, ухмыляясь, оглядѣлъ онъ всѣхъ,—билета нѣтути.

— Какъ же ты смѣлъ безъ билета?

— Безъ билета-то?.. потерялъ, стало быть;—и опъ опять, ухмыляясь, недоумѣло оглядѣлъ всѣхъ, точно спрашивая, зачѣмъ его заставляютъ врать, вѣдь и такъ ясно.

— Да ты что зубы-то скалишь?.. а?.. безъ билета, да еще скалишь...

Красное отъ загара и водки лицо капитана стало багровѣть. Побагровѣла шея, лобъ, напружились жилы. А Антипъ стоялъ передъ нимъ, ухмыляясь губами, лицомъ, бровями, и назади насмѣшливо оттопыривался, какъ лубокъ, рваный полушубокъ.

Публика посмѣивалась.

— Что съ него... шишъ съ масломъ...

— Съ голаго, какъ со святого...

— Молодчага... чистенькій, какъ родился, одна кожа, да и та Богова... вотъ ты и потанцуй около него, нака-сь выкуси... Ей-Богу, молодчага... А то они мало съ нашего брата дерутъ, нашимъ братомъ только и наживаются... Что господа! Ему каюту цѣлую подай, да чтобъ чисто, да хорошо, да убранство и денегъ-то его не хватитъ, такъ только, одна окказія, будто платятъ больше.

— И-и, бѣдному человѣку, гдѣ ему денегъ набраться... много ли ему мѣста надо,—сердобольно говорила женщина, суя открытую грудь кричавшему ребенку.

Hosted by Google

— Хо-хо-хо... молодца!..

Антипъ ухмылялся.

— Куда ѣдешь?—прохрипѣлъ капитанъ.

— Въ Лысогорское.

— Во-во, во... какъ разъ... одна станція, слѣзъ и пошелъ...

— Ха-ха-ха!...

— Я жжъ ттебя!!..—и большой волосатый, весь въ веснушкахъ кулакъ съ секунду прыгалъ у самаго носа Антипа, точно капитанъ давалъ его понюхать.

Капитанъ пошелъ дальше. Не слышно было за шумомъ колесъ, что онъ говорилъ, но долго видна была багровая шея и широкій тупой затылокъ, злобно перетянутый шапкой.

IV.

Антипъ то стоялъ на носу, то сидѣлъ, привалившись къ кипамъ шерсти. Берега плыли въ одну сторону, а смутно виднѣвшіяся на горизонтѣ церкви, деревни, мельницы бѣжали въ другую. Люди ходили, сидѣли, лежали по палубѣ, а пароходъ шелъ да шелъ независимо отъ желаній и цѣли этихъ людей. Казалось, онъ торопливо работалъ колесами не за тѣмъ, чтобы развозить ихъ по разнымъ мѣстамъ рѣки, а дѣлалъ свое собственное дѣло, особенное, ему только нужное и важное.

Съ холодно синѣвшаго неба равнодушно глядѣло негрѣющее сентябрьское солнце. Было скучно и время такъ же тянулось, какъ однообразно тянулись берега.

— Подь сюда... ей-Богу, молодецъ!... къ примѣру ты высчитай, сколько они съ нашего брата барыша лупятъ... стань-ка подъ вѣтерокъ, очень ужъ ты духовитый... ихъ, чертей, учить надо... Хочешь водки?...

Бритый, весь въ угряхъ, съ рваннымъ картузомъ на затылкѣ, человѣкъ, сидя на палубѣ, распоряжался за-

Hosted by Google

куской и засаленными картами. Вокругъ разостланной газеты съ нарѣзаннымъ на ней хлѣбомъ и закусками сидѣли два товарища. Одинъ—мелкій торговецъ съ волосами въ скобку. Другой длинный и прямой съ вытянутымъ носомъ, вытянутымъ лицомъ и поднятыми угломъ бровями, сердито и строго глядя на кончикъ носа, жевалъ не дававшуюся, какъ резина, колбасу.

— Покорно благодаримъ, — говорилъ, утирая усы, Антипъ, чувствуя, какъ пріятно и жгуче разливается по жилкамъ водка, и прожевывая хлѣбъ.

— Опять же сказать, взять съ тебя нечего...

— Обнаковенно нечего, весь тутъ.

— Ежели протоколъ составить, такъ и бумаги ты не стоишь.

— Это ужъ такъ.

— Ну, дадутъ раза по шеѣ, и все.

— Чай, не перешибутъ.

— А то вотъ есть иностранное царство,—заговорилъ вдругъ длинный тонкимъ голосомъ, поднявъ глаза; и глаза у него оказались круглые и совсѣмъ не гармонировали съ впечатлѣніемъ длинноты, которое лежало на всей фигурѣ, на лицѣ, — такъ возютъ всѣхъ даромъ, хоша на конкѣ, али въ вагонѣ, али на пароходѣ. Сейчасъ подошелъ, дескать туда-то мнѣ. „Пожалте“, и валяй. Вотъ какъ.

Онъ засмѣялся, и опять разъѣхавшееся лицо, по которому побѣжали морщинки, нарушило впечатлѣніе вытянутости и длинноты.

Антипъ ухмылялся, чувствуя себя героемъ, поглядывая на капитанскій мостикъ. Тамъ стояли только два лоцмана и равнодушно и, казалось, безъ всякой надобности вертѣли штурвалъ.

— Въ карты можешь?

— Въ карты?.. Безъ денегъ каки карты...

Антипъ отошелъ и опять привалился къ кипамъ и

Hosted by Google

слушалъ, какъ безъ отдыха шумѣли колеса, дышала черная труба, и бѣжалъ назадъ песчаный берегъ.

Неохотно ѣхалъ онъ. Отвыкъ отъ деревни, отвыкъ отъ жены, отъ семьи, въ городѣ у него была любовница. За пятнадцать лѣтъ былъ дома не больше двухъ, трехъ разъ, недѣли на полторы, на двѣ, и всякій разъ съ удовольствіемъ опять уѣзжалъ въ городъ. Казалось ему, что тѣсно, грязно, безпокойно живутъ мужики. И хотя у него самого была работа грязная и нечистая, онъ чувствовалъ себя независимѣе, былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, и кругомъ было больше порядку, благообразія. Но половину своего заработка аккуратно отсылалъ семьѣ. Онъ не спрашивалъ себя—зачѣмъ, а дѣлалъ это изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ, потому что дома пахали, сѣяли, держали кое-какую скотину.

Къ женѣ относился совершенно равнодушно, но было жалко, что она помираетъ, и надо было распорядиться по хозяйству.

Все тѣ же звуки, то же движеніе, все то же мельканіе берега и убѣгающей воды. Вѣки слипались. Съ трудомъ разбирался, гдѣ онъ и что съ нимъ. И дальнія деревни, бѣгущія впередъ, и влажныя отмели, подъ блескомъ солнца, убѣгающія назадъ, и угреватый съ картузомъ на затылкѣ, и длинный съ длиннымъ лицомъ, и женщина съ плачущимъ ребенкомъ, и груды товара на палубѣ,—все путалось въ движущейся, неясной двоящейся картинѣ.

Онъ не зналъ, сколько спалъ, а когда открылъ глаза, было все то же: холодное солнце, свѣтлая рѣка, бѣгущій берегъ, убѣгающій впередъ синій горизонтъ.

Антипъ всталъ, почесался, зѣвнулъ, покрестилъ ротъ и опять сѣлъ.

Далеко на отлогомъ берегу зачернѣлось что-то. Сначала нельзя было разобрать что, и потомъ съ трудомъ обозначились люди, повозки, лошади, а у берега лодки.

Hosted by Google

По дорогѣ, видно было, кто-то спѣшилъ, подгоняли лошадей, а онѣ торопливо бѣжали, и пыль сухая и, должно быть, холодная тяжело подымалась изъ-подъ колесъ.

Деревни Лысогоръ не было видно, она верстахъ въ семи за бугромъ, но уже все было знакомо: поворотъ рѣки, лугъ, поросшія осокой озерца, рощица, пыльная дорога и одиноко бѣлѣвшіе на лугу гуси.

Антипъ вскинулъ на плечи мѣшокъ и прошелъ къ борту, около котораго уже суетились матросы. Столпились пассажиры съ мѣшками, сумками, котомками, сундучками.

— Задній ходъ...

Съ шумомъ вспѣнили воду колеса, пароходъ навалился, притянули канатами, перебросили сходни. Пассажиры, тѣснясь, протаскивая сундучки, сумки, устремились по сходнямъ. Антипъ, тоже тѣснясь, двинулся со всѣми, но матросъ грубо оттолкнулъ его:

— Куда ты... назадъ!..

Антипъ съ удивленіемъ остановился. Потомъ лицо его расплылось въ благодушную широчайшую улыбку:

— А мнѣ здѣся слѣзать.

Матросъ снова оттолкнулъ его такъ, что онъ покачнулся.

— Да ты што... мнѣ, сказываю, слѣзать здѣсь...

— Назадъ, тебѣ говорятъ...

— Да ты што... ты што...—чувствуя, какъ злоба перекашиваетъ лицо, говорилъ побѣлѣвшими губами Антипъ и рванулся по сходнямъ.

Подскочилъ другой матросъ. Здоровые, молодые, сильные, они подхватили, почти подняли Антипа на воздухъ и бросили на палубу. Онъ задомъ пробѣжалъ нѣсколько шаговъ, мотая руками, и стараясь удержаться, но не удержался и повалился на спину, высоко вскинувъ ноги въ рваныхъ истоптанныхъ сапогахъ и показавъ заплатанные порты.

Кругомъ захохотали.

Hosted by Google

Спѣша, прозвучалъ пароходный гудокъ, выбрали сходни, канаты, заработали колеса, и пристань съ лошадьми, съ людьми, съ повозками, съ лодками у берега поплыла назадъ, и все стало маленькимъ, миніатюрнымъ, потомъ смутно и неясно зачернѣло на отлогомъ берегу, потомъ потонуло и пропало за поворотомъ, и была только рѣка, бѣгущія вмѣстѣ съ пароходомъ дальнія деревни, да убѣгающіе назадъ берега. И солнце равнодушно смотрѣло негрѣющими холодными лучами.

V.

Антипъ былъ ошеломленъ и не могъ придти въ себя.

— Дозвольте... тоись, какъ это... оно значитъ... мнѣ, стало быть...

— Вотъ тебѣ и дозвольте... хо-хо-хо... не хочешь, а везутъ...

— Ха-ха-ха!..

— А-а, братецъ мой, а ты какъ же думалъ, такъ это тебѣ и сойдетъ съ рукъ...—говорилъ угреватый, еще больше сдвинувъ картузъ на затылокъ,—почему такое другіе пассажиры должны платить, а ты задарма?.. Нѣ-ѣтъ, милый, не резонтъ... покатайся-ка... хе-хе-хе... въ Лысогорье, говоришь?.. а то намъ безъ тебя скучно...

— Вотъ отъ такихъ отъ самыхъ зайцевъ и воровство бываетъ,—спокойно наливая изъ жестяного чайника въ стаканъ мутный чай, говорилъ торговецъ,—въ вагонѣ ежели учуешь подъ лавкой зайца, заразъ зови кондуктора, безпремѣнно упретъ чего-нибудь. Одинъ разъ везъ пару арбузовъ, закатилъ подъ лавку, цапъ!.. мягкое, патлы, ага,—заяцъ!.. Пожалѣлъ, не заявилъ... Опосля захотѣлось арбузика, полѣзъ—одни шкорки. Вотъ они, зайцы.

Hosted by Google

— Честные господа... да какъ же такъ...

То, что произошло съ нимъ, было такъ чудовищно, такъ безсмысленно-огромно, что онъ каждую минуту ждалъ, они поймутъ весь ужасъ происшедшаго, и, ожидая этого, онъ улыбался мучительной улыбкой, глядя на нихъ, и руки у него тряслись.

Но они также спокойно продолжали пить чай. Публика, поговоривъ и посмѣявшись, опять расположилась по мѣстамъ.

Бѣжала вода. Непрерывно шумѣли лопасти колесъ. Далеко тянулся пѣнистый слѣдъ.

— Ахъ ты, Божже мой!..—бормоталъ Антипъ, хлопая себя по ляжкамъ, и обращался то къ одному, то къ другому изъ проходившихъ матросовъ, — какъ же такъ?.. Господинъ!.. Сдѣлай милость... Вѣдь мнѣ въ Лысогорьѣ надо слѣзать...

Но тѣ либо посылали его къ чорту, либо молча проходили, не отвѣчая.

Поворотъ за поворотомъ, отмель за отмелью уходили назадъ старыя знакомыя мѣста, а навстрѣчу бѣжали новыя деревни, луга, перелѣски. Пароходъ бѣжалъ впередъ, и городъ уходилъ назадъ въ смутную неясную даль, городъ, представленіе о которомъ сливалось съ представленіемъ неподвижныхъ, спящихъ каменныхъ громадъ.

Каждую ночь, зимою и лѣтомъ, весной и осенью, въ слякоть, дождь, грязь, морозъ и въ тихія лунныя ночи Антипъ выѣзжалъ на бочкѣ и трясся по мостовой, а сзади съ такимъ же грохотомъ тянулась вереница такихъ же угрюмыхъ неуклюжихъ бочекъ, и на нихъ тряслись молчаливые возницы.

Они проѣзжали мимо темныхъ и молчаливыхъ церквей, мимо садовъ, скверовъ, бульваровъ, театровъ, проѣзжали молча среди грохота тяжелыхъ колесъ, и по обѣимъ сторонамъ стояли строгіе дома, сонные со слѣпыми невидящими окнами и также молчали. И цѣ-

Hosted by Google

лую ночь качалъ Антипъ липкій насосъ, а подъ утро, когда сѣрѣло небо, сѣрѣли дома, мостовыя, панели, телефонные столбы, онъ тянулся въ вереницѣ грохочущихъ бочекъ по тѣмъ же безлюднымъ, молчаливымъ, крѣпко спавшимъ предутреннимъ сномъ улицамъ. Онъ жилъ на окраинѣ, грязной и заброшенной. И въ короткіе промежутки между сномъ въ теченіе дня и ночной работой, когда приходилось ходить и убирать лошадей, онъ видѣлъ дневной свѣтъ и живыхъ людей.

Но теперь по мѣрѣ того, какъ пароходъ уходилъ все дальше и дальше, все это тонуло въ туманной дымкѣ, становилось чуждымъ и далекимъ.

Солнце стало склоняться, и отъ бѣгущихъ лѣсистыхъ обрывовъ легли на воду бѣгущія вмѣстѣ съ ними тѣни. Потянулъ вѣтеръ, острымъ холодкомъ пробираясь въ дыры рванаго полушубка, посѣрѣла и подернулась сердитой рябью рѣка.

— Вотъ этотъ самый, — говорили, когда Антипъ тоскливо проходилъ мимо пассажировъ,—захотѣлъ на шармака проѣхать, а теперь его и катаютъ...

Антипъ останавливался возлѣ машиннаго люка и долго смотрѣлъ внутрь. Тамъ все было необыкновенно. Длинныя, въ руку толщиной, стальныя оглобли, блестящія и скользкія отъ масла торопливо выскакивали и прятались. Колѣнчатый валъ также торопливо съ размахомъ крутился, и, покачиваясь головками, независимо отъ размашистыхъ мелькающихъ движеній остальныхъ частей, чуть поблескивая, тихонько и задумчиво двигались взадъ и впередъ тонкіе, длинные стержни.

Эта огромность и непрерывность работающей силы поглощала Антипа, и онъ подолгу стоялъ надъ люкомъ. Бѣлесо-дымчатый паръ мѣстами таялъ надъ торопливо работающими частями, и то тамъ, то здѣсь съ спокойными движеніями появлялась рука, и масло тянулось

Hosted by Google

желтоватой струей изъ длинной лейки въ сочлененія работающихъ частей.

Антипъ подымалъ голову и съ тоской глядѣлъ на сердито бѣгущую навстрѣчу рѣку, на начинавшее хмуриться холодное небо. Хотѣлось ѣсть. Вытрусилъ изъ сумки крошки, перебралъ на ладони, струсилъ кучкой, съѣлъ, потомъ долго растягивая, запивалъ водой. И опять нечего дѣлать, и опять все то же.

Стало вечерѣть, и небо совсѣмъ посѣрѣло, когда показалась пристань. Антипъ повеселѣлъ. Хитро ухмыляясь, скосивъ глаза, онъ отошелъ дальше отъ борта и притаился между ящиками.

Поднялась обычная суета. Выждавъ моментъ, Антипъ, какъ крадущійся котъ, направился къ сходнямъ, но матросы снова, грубо и злобно оттолкнули его. Онъ завопилъ не своимъ голосомъ:

— Крррa-у-у-лллъ!.. убиваютъ... господинъ капитанъ...

— Да ты что орешь?.. поори, заразъ свяжемъ...

Антипъ шумѣлъ, рвался, кидался къ сходнямъ. Раза два ему сунули снизу въ подбородокъ, онъ лязгнулъ зубами, и шапка съѣхала на глаза. Пароходъ пошелъ. Опять собралась публика.

— Это что такое?

— Да опять энтотъ, какъ его...

— Ну, скандалистъ... оретъ, какъ рѣзаный...

— Въ трюмъ самъ просится.

— Да больше ничего.

— Господа... честной народъ...—говорилъ Антипъ, страдальчески поднявъ собранныя брови,—што такое?.. какъ же такъ... братцы!.. а?..

— Дуракъ, ты дуракъ... Ты сообрази. Къ примѣру, хозяинъ парохода... эка радость ему тебя задарма возить... ежели у него да набьется полонъ зайца... Тебѣ спусти, другой влѣзетъ, третій, четвертый, оглянуться не успѣешь, пассажирамъ садиться некуда, вездѣ

Hosted by Google

заяцъ... А вѣдь деньги идутъ: капитану плати, услужающимъ плати, матросамъ плати, а угля сколько онъ жретъ, страсть. Тебя провези, другого, третьяго, да и полетишь въ трубу.

— А какъ же,—воодушевляясь заговорилъ торговецъ,—по нашему, по торговому дѣлу, копѣечка рубль бережетъ... ты спусти разъ приказчику, онъ те сразу дорожку найдетъ...

— Вонь отъ тебя стоитъ,—съ сожалѣніемъ покачивая головой, проговорилъ тонкимъ голосомъ длинный.

— Пошелъ ты, дьяволъ вонючій... какъ изъ бочки... И зачѣмъ ихъ такихъ на пароходъ пущаютъ...

— Кто его пущалъ, самъ влѣзъ,—картузъ сердито высморкался, дернувъ сизый носъ.

Въ холодной рѣкѣ потухла красная заря. Пароходъ, не переставая, работалъ колесами, вползая въ сырую мглу. И она становилась гуще, глуше, поглотила берега, рѣку, небо. Только электрическія лампы и фонари на мачтахъ боролись съ ней, холодной и темной, и, дробясь, ложились живой колеблющейся полосой миріады искръ, играя по темной невидимо шевелящейся водѣ.

VI.

Антипъ размякъ и ослабъ. Безъ цѣли слонялся или подолгу стоялъ, и все ухмылялся безсильной, униженной улыбкой, самъ не замѣчая того.

На кухнѣ поваръ и поваренокъ въ бѣлыхъ колпакахъ торопливо варили, жарили, рѣзали красное мясо, разрубали крошившіяся подъ тяжелымъ ножемъ бѣлыя кости. Антипъ расширялъ ноздри, втягивая щекочущій воздухъ, потомъ отводилъ носъ въ сторону. Откуда-то доносилось:

— Ше-есть... шесть... четыре.. четыре съ половиной... ше-есть...

Hosted by Google

Неподвижно стояла ночь, и слѣпой холодный мракъ мертво глядѣлъ со всѣхъ сторонъ. Казалось, среди моря тьмы, пароходъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, и колеса безцѣльно и зря работали и не было видно ни брызгъ, ни пѣнящихся валовъ.

— Ахъ тты, Божже мой!..

— Ванька, сундучокъ куда поставилъ?

Шумѣли колеса.

— Мм... э-э... это вы... это васъ?

Передъ Антипомъ стоялъ баринъ на тонкихъ ногахъ. Въ глазу поблескивало стеклышко, и отъ стеклышка къ жилету бѣжалъ шнурокъ, а тонкая и длинная шея сидѣла въ бѣлой высокой кадушечкѣ, изъ которой выглядывала голова.

— Это надъ вами... мм... э-э... насиліе?

Антипъ сгребъ съ головы шапку.

— Ваше благородіе... господинъ!.. вотъ какъ передъ Истиннымъ... двѣсти верстъ отвезли... мнѣ въ Лысогорье...

Господинъ подобралъ верхнюю и оттопырилъ нижнюю губу, слегка прищуривъ свободный глазъ и поблескивая стеклышкомъ.

— Жалуйтесь... жаловаться надо... протоколъ... полиціи заявите... такъ нельзя.

— Ну да, а то какъ же можно, человѣка прутъ невѣдомо куда,—послышался голосъ изъ кучки, до этого молча стоявшей, не зная, какъ отнесется баринъ.

— Ваше благородіе... баринъ хорошій!.. сдѣлайте Божецкую милость; заставьте вѣчно Богу молить,—съ отчаяніемъ заговорилъ Антипъ, дѣлая поясной поклонъ,—баба помираетъ... обернуться не поспѣю... заставьте вѣкъ Богу молить...

Баринъ, все также брезгливо-жалостливо подобравъ и выпятивъ губу, осматривалъ сверху до низу Антипа;

Hosted by Google

— Калуйтесь... мм... э-э... я ничего не могу сдѣлать... жаловаться надо,—и онъ повернулся и пошелъ, выдѣляясь изо всѣхъ, кто былъ на палубѣ, свѣтлымъ пальто, желтыми башмаками и высокимъ бѣлѣвшимъ воротничкомъ, изъ котораго выглядывала голова.

— Слышь ты, жаловаться надо, вотъ и баринъ говоритъ.

— Да, а то не буду, што-ль... ей-Богу... вотъ пріѣдемъ, подамъ заявленіе, заразъ слѣдствіе производства,—говорилъ, нахлобучивая шапку, Антипъ,—што я каторжный, што-ль. Нѣ-ѣтъ, братъ, не тѣ времена... теперича запрещено... крѣпостного права нѣту... нѣ-ѣтъ, братъ!..

— Дуракъ ты, дуракъ!.. и куда ты пойдешь?.. покеда пожалуешься, тебя верстовъ съ тыщу провезутъ, жалуйся.

— Съ голоду сдохнешь.

Опять та же неподвижная ночь, неподвижный пароходъ, неподвижно и слѣпо глядящій мракъ и безъ цѣли шумящія колеса. Вѣтеръ острый и рѣзкій бѣжалъ вдоль палубы, и только потому и можно было догадаться, что шли полнымъ ходомъ.

Пассажиры устраивались на ночь, кто какъ могъ. Заворачивались съ головой въ одѣяла, въ мѣшки, скорчившись калачикомъ и втянувъ голову въ плечи, лежали на скамьяхъ, на тюкахъ, на ящикахъ, на палубѣ, или, свалявшись въ комъ по нѣсколько человѣкъ, неподвижно темнѣли, и оттуда торчали ноги, руки, головы.

Антипъ опять забрался въ шерсть. Съ холоднымъ вѣтромъ изъ кухни приносило тепло и запахъ. И чудилась изба, нагрѣтая печка, баба возится съ пирогами, ребятишки лазаютъ по лавкамъ. Слышно, какъ работаютъ колеса и бѣжитъ неустанное дрожаніе, и изъ-за него доносятся лязгъ косъ, шуршанье падающей травы. Народъ на косовицѣ.

Hosted by Google

— Ше-есть... шесть... четыре съ половиной... ше-есть... четыре...

Дядя Михѣй, высокій и жилистый, остановился, оперся о косу, отеръ потъ съ лица и лысины и закричалъ:

— Давай шесты съ праваго борта!..

Опять косогоръ, бродятъ телки, околица, осинникъ, березовая рощица, чуть тронутая холоднымъ солнцемъ. Пахнетъ свѣже печенымъ хлѣбомъ, квасомъ, за печкой шуршатъ тараканы.

„Э-эхъ!..—думаетъ Антипъ,—пятнадцать годовъ“...

И онъ теперь понимаетъ почему аккуратно каждый мѣсяцъ посылалъ домой деньги. Тутъ родился, тутъ жилъ, тутъ и помирать. Какъ живая стояла деревня, со всѣми интересами, съ бѣдностью, лошадинымъ трудомъ, съ вольнымъ воздухомъ полей.

— „Э-эхъ!.. пятнадцать годовъ!“ ..

— Ванька, чортъ!.. да куда ты сундучокъ запропастилъ?

Надъ жнивьемъ носится чибисъ и жалобно кричитъ:

— Чьи-ви... чьи-ви...

— Ия - аать... пя-а - ать... четыре съ половиной... пя-а-ать!..

„Пятнадцать!..“ — поправляетъ Антипъ и радостно думаетъ:—„молотьба зачалась... зерно-то... зерно — золото!..“

И онъ съ наслажденіемъ запускаетъ руку въ островерхую живую кучу свѣже намолоченнаго хлѣба и вытаскиваетъ полную пригоршню вонючей густой отвратительной жидкости... Золото!.. Бочка зеленая неподвижно стоитъ, впряженная кляча, неподвижны молчаливыя улицы, церкви, театры, дома, мимо которыхъ онъ ѣздитъ каждую ночь, въ которыхъ люди, и которые нѣмы для него такъ же, какъ деревья въ лѣсу... Золото!..

Hosted by Google

„Э-эхъ, пятнадцать годовъ!..“

— Убью-у-у!!..

— Господа старики... кабы не прошибиться... дѣйствительно, Сидорка—воръ,—говоритъ Антипъ степенно,—ну только съ конями ни разу не поймали. Въ Сибирь загнать человѣка—полгоря, да какъ отмаливать грѣхъ будемъ, ежели понапрасну. Кабы ошибочка не вышла. Вы караульте. Ежели накроете, такъ и Сибири не нада—кнутовище въ задъ, и шабашъ.

— Убью-у-у!..—куражится Сидорка.

— Извѣстно, пьяный,—говоритъ Антипъ, и хочетъ отойти, и не можетъ—ноги по колѣно увязли въ землѣ, и Сидорка навалпвается огромный, и растетъ, и кричитъ уже безъ перерыва такъ, что ушамъ больно, и глаза у него—волчьи, свѣтятся, какъ огни.

— Уууу-у-у-у!..

Ближе, ближе.

Антипъ подымаетъ голову.

— Уууу-у-у-у...—несется, разрастаясь, изъ холодной ночи, и отъ этого тяжелаго звука самый мракъ, густой и неподвижный, кажется, колеблется.

Кругомъ смутно, неясно выступаютъ чьи-то руки, головы, ноги, смутно виднѣются очертанія тюковъ, а дальше безграничное море непроглядной темноты.

И въ этой тьмѣ встаетъ огненное чудище. Тысячи голубоватыхъ лучей, сіяя и искрещиваясь, изламываются и дробятся въ рѣкѣ, тѣсня нехотя, злобно и густо разступающуюся тьму. Видны странные и неопредѣленные контуры, не мигая смотритъ красный и зеленый глазъ, и, высоко вознесшись, отдѣленная тьмой, плыветъ одиноко бѣлая звѣзда.

Антипъ не можетъ разобраться и понять, и ему хочется опять къ околицѣ, на косогоръ, на покосъ съ дядей Михѣемъ... „Ку-уда... назадъ“... И онъ трясется на бочкѣ, и бочка грохочетъ подъ нимъ желѣзнымъ грохотомъ, и неподвижно и мертво стоятъ каменныя

Hosted by Google

громады, заслоняя и околицу, и косогоръ, и телокъ, и людей, заслоняя самую ночь.

Баба машетъ рукой и что-то говоритъ, но Антипъ изъ-за непрерывнаго грохота, потрясающаго ночь, не можетъ разобрать и трясется все съ той же улыбкой скуки и привычки къ своему ночному дѣлу.

„Ахъ ты, сердяга... измаялась... пятнадцать годовъ!..“

И съ щемящей, новой, незнакомой тоской онъ выбирается изъ тюковъ, подымается и протираетъ глаза. Множество огней, странно висящихъ во тьмѣ, удаляются, тускнутъ и гаснутъ, и вмѣстѣ съ ними удаляется непрерывающійся могучій шумъ, и слабые отголоски его тонутъ въ шумѣ колесъ.

Опять одна тьма. Вѣтеръ. Антипъ ежится. Угреватый, въ картузѣ, лежитъ согнувшись, натянувъ на голову и на вылѣзающія ноги пальто. Ему холодно, и онъ скрипитъ зубами и стонетъ во снѣ. Длинный свернулся калачикомъ, и можно подумать это—мальчикъ.

Антипъ съ минуту стоитъ и вдругъ вспоминаетъ все, бьетъ себя объ полы:

— Ахъ тты, Божже мой!

Потомъ опять стоитъ, озираясь, и снова лѣзетъ въ шерсть. Сонъ тяжелый и черный, какъ ночь, навалившается, и онъ спитъ тяжело-неподвижно, безъ сновидѣній.

VII.

— Антипъ!

Кто-то закричалъ пронзительно-тонкимъ голосомъ. Антипъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— А?!..

Возлѣ никого не было.

Холодная рѣка, берегъ, длинно протянувшаяся надъ горизонтомъ бѣлесая полоса выступали изъ рѣдѣющей мглы.

Hosted by Google

Пассажиры, разбуженные предутреннимъ холодомъ, подымались съ заспанными, въ красныхъ рубцахъ лицами, потирая руки, поеживаясь, грѣясь движеніемъ.

Пароходъ шелъ поперекъ, и берегъ плылъ по водѣ ближе, ближе, и вода, холодно поблескивая, влажно лизала темные столбы пристани.

Когда навалились и положили сходни, Антипъ перекинулъ опустѣвшій мѣшокъ черезъ плечо и пошелъ. Онъ пошелъ спокойно и увѣренно, какъ будто ничего не случилось, и все шло, какъ надо. Онъ прошелъ по гнущимся сходнямъ до конца, и пароходъ, какъ тяжело давившій кошмаръ, остался позади. Матросъ, стоявшій у конца сходенъ, загородилъ дорогу и оттолкнулъ назадъ.

— А?.. ты чего?.. милый человѣкъ...—удивленно и добродушно ухмыляясь, спросилъ Антипъ.

— Ступай... ступай назадъ... ступа-ай...—и матросъ продолжалъ толкать его до самаго парохода.

Та привычка, которая пятнадцать лѣтъ гоняла Антипа между каменными нѣмыми громадами, погнала безъ сопротивленія на пароходъ. Антипъ шелъ ухмыляясь и бормоча:

— Окказія... што такое... а?..

Отвалили. Пристань поплыла прочь.

Первые лучи глянувшаго изъ-за синей тучи солнца холодно блеснули по водѣ. И въ странной связи съ ними по палубѣ пронесся крикъ ужаса многихъ человѣческихъ голосовъ:

— А-а!.. гляди... гляди!..

Фигура съ насмѣшливо оттопыреннымъ назади полушубкомъ мелькнула за бортъ. Всѣ кинулись къ борту, перегнулись, жадными глазами ловя расходящійся по водѣ и убѣгающій отъ парохода кругъ. Погрузившись краемъ, плыла шапка, также убѣгая назадъ отъ парохода.

— Гляди, гляди... вонъ онъ... бьется, сердешный, къ берегу...

Hosted by Google

Колеса оглушительно заработали назадъ. Матросы рвались, какъ бѣшеные, спуская шлюпку.

— Мѣшокъ тянетъ...

— Да гдѣ?..

— Вонъ онъ... волоса моетъ...

— Кончено... шабашъ!..

— Опять выплылъ... вонъ онъ...

— О Господи!..

Сдавленный паръ, дрожа, оглушительно шипѣлъ. Истерическій бабій крикъ визгливо метался по пароходу. Плакали дѣти. На прыгавшей подъ ногами лодкѣ матросы, задыхаясь и рискуя каждую минуту опрокинуться за бортъ, ловили что-то баграми въ весело колеблющейся водѣ.

Уже высоко поднялось солнце, когда пароходъ пошелъ дальше. На палубѣ стояло возбужденіе и безпокойный говоръ. Матросамъ нельзя было показываться.

— Ишь отъѣлся, идолъ пузатый...

— Морда скоро треснетъ... Людей топите, на этомъ и жируете...

— Сволочи!..

— За что человѣка утопили!.. за девять гривенъ? Чтобъ вамъ ни дна, ни покрышки...

— И-и, проклятые!.. какъ вы на свѣтъ-то Божій смотрѣть будете... анахвемы!..

Работали колеса. Дышала труба. Свѣтило холодное солнце. Убѣгала назадъ сердитая рѣка, и все бѣжалъ впередъ синій горизонтъ, дальнія деревни, мельницы, зубчатая лента синѣющаго лѣса.

Hosted by Google

СКИТАЛЕЦЪ.

КАНДАЛЫ.

Hosted by Google

Hosted by Google

I.

— Вы свободны! — сказалъ мнѣ жандармскій ротмистръ, вставая. Онъ ловко звякнулъ шпорами и саблей въ металлическихъ ножнахъ и сдѣлалъ рукой элегантный, нѣсколько театральный жестъ.

Прокуроръ и товарищъ прокурора тоже встали въ знакъ уваженія къ свободѣ. Они стояли впереди по одну сторону меня, ротмистръ по другую, и когда я двинулся съ мѣста—они разступились и дали мнѣ дорогу.

Я вышелъ изъ тюремной канцеляріи.

Съ меня взяли подписку, что впредь до окончанія „дѣла“ я буду жить въ селѣ Кандалахъ, мѣстѣ моей родины. По документамъ я числился крестьяниномъ этого села, изъ котораго уѣхалъ лѣтъ двадцать тому назадъ, еще въ ранней юности. Ни земли, ни хозяйства я никогда не имѣлъ, земледѣліемъ не занимался и въ Кандалахъ у меня не было ни кола, ни двора и ни одной знакомой души. И вотъ въ этой-то давно забытой „деревнѣ“, вѣроятно, придется проторчать всю зиму на положеніи „заподозрѣннаго“!.. Хороша свобода!

Я отправился на „родину“ съ первымъ же поѣздомъ желѣзной дороги и все время пути злился, тщетно припоминая „село родное“ и его обитателей.

Мнѣ вспоминались дѣтство и отрочество, проведенныя въ этомъ селѣ, и недружелюбное отношеніе мужиковъ и ребятъ ко мнѣ, „некрестьянину“, голяку, сыну деревенскаго столяра.

Hosted by Google

Вспомнилась ихъ суровая религіозность и раскольничья косность. Еще въ дѣтствѣ заподозрѣнный мужиками въ томъ, что изъ меня вырастетъ нѣчто враждебное крестьянству, я теперь, черезъ двадцать лѣтъ, возвращаюсь къ нимъ уже въ качествѣ патентованнаго „врага народа“ и долженъ буду жить среди нихъ, окруженный ихъ дикой ненавистью, подъ властью станового, подъ надзоромъ урядника, старшины, сотскаго и десятскихъ...

Свобода!..

И невольно въ памяти моей, какъ сонъ или сказка, вставало большое село съ широкой улицей и кирпичной, красной церковью съ пятью бѣлыми главами, опоясанное извилистой рѣчкой, за ней луга и дремучій дубовый лѣсъ, за лѣсомъ быстрый и глубокій рукавъ Волги — Проранъ, каждый годъ мѣнявшій свое русло, а вдали, за Волгой — могучая синяя гора „Батракъ“.

Вспоминалось почему-то лѣтнее воскресное утро, наивные, простодушные звуки пастушьей свирѣли, слышныя сквозь мой сладкій дѣтскій сонъ, и малиновые звуки церковнаго колокола... Кудахтанье куръ... И солнце, ласковое, доброе солнце, шутливо протягивалось сквозь щели закрытыхъ ставней и щекотало меня тонкимъ и длиннымъ лучомъ своимъ, словно вылитымъ изъ теплаго мягкаго золота.

Вспоминались дѣвки въ яркихъ нарядахъ, крупныя, дородныя, въ коротенькихъ плисовыхъ душегрѣйкахъ со сборками и разноцвѣтными пуговицами сзади... Дѣвки идутъ серединой широкой улицы, выстроившись въ рядъ, и звонкими свирѣльными голосами поютъ протяжныя пѣсни... Стоитъ погожая ведренная осень, въ прозрачномъ небѣ летятъ тенета, а лѣсъ издали кажется одѣтымъ въ золото и пурпуръ. Идутъ и поютъ дѣвки, а на завалинкѣ большой старостиной избы, на площади противъ церкви сидятъ старики—всѣ въ

Hosted by Google

длиннополыхъ суконныхъ кафтанахъ, въ черныхъ высокихъ шляпахъ гречневикомъ, степенные, крупные старики съ длинными, сѣдыми бородами...

Вспоминался зимній обликъ села: широкая улица занесена снѣгомъ, и только чернѣетъ дорога, изрытая ухабами отъ постоянныхъ обозовъ. И обозы эти, длинные, крѣпкіе, тяжело нагруженные, снаряженные въ далекій путь: большіе розвальни обшиты рогожами, а лошади, сильныя и тяжелыя, идутъ мѣрнымъ ходкимъ шагомъ...

На площади около кабака и торговыхъ лавокъ каждый зимній вечеръ собираются ребятишки, хлопаютъ рукавицами и кричатъ: „давай-давай-давай!“ Это начинается зимняя забава—кулачный бой. Дерутся сначала дѣти, а когда стемнѣетъ — выходятъ взрослые... И бьются стѣна на стѣну молодые парни, плечистые мужики и даже длиннобородые старики, и надъ всѣмъ селомъ до полуночи стонъ стоитъ отъ воя бойцовъ... Кое-гдѣ краснѣютъ въ окнахъ огоньки, да зимняя луна свѣтитъ печально и сказочно, крупными звѣздами падаетъ снѣгъ и влаженъ тихій воздухъ снѣжной мягкой зимы...

Вспомнилась еще картина сельской масленицы. Все село выѣзжало кататься. Сани двигались по широкой улицѣ всей массой, отъ одного ряда избъ до другого, шагомъ, въ шумной тѣснотѣ. И лошади почти у всѣхъ были хорошія, сбруя гремѣла и блестѣла мѣдными бляхами, серебрянымъ наборомъ, бубенцами и колокольцами. Доѣхавъ до конца села, всѣ останавливались табором, сбивались въ кучу, и въ центрѣ ея оказывался какой-нибудь острословъ-прибауточникъ, произносившій для всеобщей забавы длинныя прибаутки о масленицѣ. Потомъ ѣхали обратно, опять безпорядочной массой, наводняя собой всю улицу, и гулъ стоялъ надъ селомъ отъ саннаго скрипа, звона сбруи, криковъ, ржанія лошадей, пѣсенъ, ругани и смѣха.

Hosted by Google

И все: плечистыя фигуры мужиковъ въ суконныхъ кафтанахъ, солидныя избы, толстыя дѣвки, сытыя лошади, крѣпкая сбруя, кулачные бои и праздничное пьянство—все говорило о мужичьемъ благополучіи, зажиточности, силѣ и здоровьи. Больныхъ, горькихъ пьяницъ или слабоумныхъ почти не было: былъ только на все пятитысячное населеніе Кандаловъ одинъ дурачокъ—Гриша Рѣпинъ, хромой и сухорукій, ходившій въ длинной посконной рубахѣ, да и тотъ имѣлъ наружность Геркулеса съ шапкой черныхъ кудрей и роскошной окладистой бородой, обладалъ большой физической силой, но былъ безвреденъ, кротокъ, послушенъ и богомоленъ.

Село издари считалось богатымъ, хлѣбнымъ. Почти каждый велъ большое, крѣпкое хозяйство, держались большими семьями, средній крестьянинъ, не считавшійся богатымъ, имѣлъ до двадцати рабочихъ лошадей и жеребца для выѣзда, пять-шесть коровъ и сотни овецъ. Имѣли залежныя деньги, дѣдовскія кубышки. Надъ селомъ возвышалось три или четыре каменныхъ двухъэтажныхъ дома, принадлежавшихъ уже настоящимъ богачамъ, хлѣботорговцамъ, ворочавшимъ десятками тысячъ.

Кандалинцы были государственными крестьянами, никогда не знали крѣпостного права и были извѣстны самоуправствомъ и своеволіемъ. Село лежало на большомъ тракту и встарину промышляло воровствомъ, грабежомъ и разбоями на большой дорогѣ и на Волгѣ.

Почти половина села принадлежала къ различнымъ раскольническимъ толкамъ, и это были самые богатые, самые скупые, прижимистые, кремнистые и религіозные мужики. Православные по своимъ понятіямъ были тоже въ душѣ раскольниками и отличались отъ нихъ только большею мягкостью, распущенностью и равнодушіемъ къ религіи.

Hosted by Google

Но тѣмъ не менѣе, послѣ масленицы и чисто-языческихъ пиршествъ, когда съ высокой красной колокольни густо и сытно неслись протяжные зовы „мірского“ колокола, всѣ они проникались покаянно-религіознымъ настроеніемъ и начинали „говѣть“.

Въ раннее зимнее утро, когда на темномъ небѣ еще мигали звѣзды,—по улицѣ уже тянулся народъ въ церковь, къ заутрени, а потомъ къ обѣднѣ, въ сумерки къ вечернѣ и такъ ежедневно весь великій постъ: одни „говѣли“ на первой недѣлѣ, другіе на второй и т. д. И просторная каменная церковь съ золоченымъ рѣзнымъ иконостасомъ, мѣдными вызолоченными хоругвями и „спасомъ“ въ куполѣ была полна молящихся, и всѣ они были въ крытыхъ сукномъ шубнякахъ, съ волосами, остриженными по раскольничьи „въ кружало“ и густо, разъ на все время говѣнія, напитанными коровьимъ масломъ. Истово крестились они и падали ницъ, когда на амвонъ выходилъ старый протопопъ, служившій въ Кандалахъ безсмѣнно тридцать пять лѣтъ, низенькій, плотный, съ длинной толстоволосой бородой, съ крупными чертами лица и суровымъ, властнымъ взглядомъ. Мужики звали его „тятенькой“, боялись и слушались, какъ дѣти, а у „тятеньки“ нравъ былъ крутой, Кандалы онъ считалъ своею вотчиной, себя—неограниченнымъ властелиномъ, а сельскія общественныя дѣла—своимъ личнымъ дѣломъ. За тридцать пять лѣтъ онъ такъ сжился съ кандалинцами, что никто не помнилъ и не понималъ иного отношенія священника къ прихожанамъ, какъ властное вмѣшательство въ жизнь общества, семьи и личности. Онъ былъ законоучителемъ въ школѣ и больно хлесталъ учениковъ по щекамъ своей коротенькой, но увѣсистой десницей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ билъ онъ и взрослыхъ, и всѣ находили это въ порядкѣ вещей. Однажды онъ побилъ даже лицо интеллигентное—фельдшера, который долгое время былъ съ нимъ во враждѣ и, нако-

Hosted by Google

нецъ, смирясь, пришелъ къ нему на масленицѣ въ „прощеный день“ попросить прощенія. Протопопъ не простилъ его, а въ тотъ моментъ, когда кудрявый фельдшеръ по обряду поклонился ему въ ноги—схватилъ его обѣими руками за волосы, долго возилъ наединѣ по горницѣ, выволокъ за волосы же по корридору на крыльцо и сбросилъ въ снѣгъ.

Протопопъ не вѣрилъ въ Бога и никогда не говорилъ въ церкви проповѣдей. Дѣти у него давно уже всѣ были взрослыми, и онъ жилъ въ старомъ поповскомъ домѣ съ густымъ палисадникомъ только вдвоемъ съ престарѣлой протопопицей, маленькой, сморщенной и жалкой, которая трепетала передъ нимъ и пила запоемъ, пряча водку въ дровахъ, плетняхъ и соломѣ.

Секретъ неограниченной власти протопопа надъ вольными землепашцами заключался въ его желѣзной энергіи, умѣ и близкомъ знаніи своихъ прихожанъ. Раскольниковъ онъ не преслѣдовалъ, былъ богатъ и не унижался до вымогательства за требы и по сбору: щедрыя даянія лились къ нему и безъ этого. И когда, наконецъ, въ епархію прислали новаго архіерея и архіерей началъ перетасовывать духовенство—то перевелъ и протопопа въ городъ, не внявъ его просьбѣ оставить его умереть на старомъ, насиженномъ мѣстѣ.

И въ день отъѣзда, отслуживъ обѣдню, онъ сказалъ народу единственную, первую и послѣднюю проповѣдь или, скорѣе, прощальную коротенькую рѣчь. И когда онъ стоялъ на амвонѣ лицомъ къ народу, маленькій, въ одной рясѣ и эпитрахили, со скрещенными на груди руками, то слезы, крупныя и тяжелыя, текли по его длинной, прямой бородѣ, и обычно суровое лицо его стало въ эту минуту добрымъ, кроткимъ и печальнымъ.

И плакалъ народъ, провожая его, и не хотѣлъ другого „тятеньки“, и видно было, что любилъ онъ своего суроваго, драчливаго протопопа.

Hosted by Google

Недолго прожилъ онъ въ городѣ, на новомъ мѣстѣ: скоро дошелъ въ Кандалы слухъ, что умеръ „тятенька“, а уѣзжалъ онъ еще крѣпкимъ и бодрымъ, хотя и было ему семьдесятъ лѣтъ.

Прислали на его мѣсто новаго благочиннаго, высокаго, съ длинной рыжей бородой, съ большой семьей и такого худого и тонкаго въ таліи, что сразу же пошелъ слухъ о постничествѣ и святости его. Обращался онъ ласково, „тятенькой“ звать себя не велѣлъ, обѣдню служилъ долго и каждый праздникъ говорилъ длинныя обличительныя проповѣди, а когда ходилъ по сбору, то бралъ сколько дадутъ, къ раскольникамъ же совсѣмъ не пошелъ... Обижались раскольники и зазывали его.

Заговорило село о святомъ, безкорыстномъ священникѣ.

Но прошло немного времени—перемѣнился новый благочинный, не выдержалъ: сталъ „драть“ съ живого и съ мертваго, на раскольниковъ архіерею доносы писалъ, а отъ „мірскихъ“ дѣлъ въ сторонѣ стоялъ, не радѣлъ, не вникалъ и ни въ чемъ не хотѣлъ понять кандалинцевъ.

И сразу не взлюбили его мужики и ничего ему не прощали: ни рѣзкаго слова, ни гостей, ни пѣсенъ, ни папиросъ, ни высокихъ цѣнъ за требы, а болѣе всего ошибки своей не могли забыть, что благочинный святымъ не оказался.

И вся жизнь ихъ, обычаи, понятія, умственные интересы, вѣрованія и даже самое невѣріе и раскольничество—все вращалось около религіи, вытекало изъ нея и было проникнуто ея настроеніемъ. Даже стремленіе нѣкоторыхъ къ просвѣщенію, свѣтской книгѣ и вольнодумству — тоже исходило изъ вопросовъ религіозныхъ.

И мнѣ стали припоминаться кандалинскіе „вольнодумцы“.

Hosted by Google

Прежде всего всталъ въ моей памяти Кузьма, по прозванію—Челякъ. Челякомъ у кандалинцевъ называлось глубокое большое ведро, которымъ мѣряютъ зерновой хлѣбъ. Онъ былъ похожъ на это ведро: маленькій, но весь выпуклый, какъ цилиндръ. Всю его широкую грудь покрывала окладистая борода каштановаго цвѣта, рябоватое лицо всегда носило выраженіе важности и напряженнаго мышленія, косматыя брови хмурились, а изъ-подъ бровей смотрѣли бѣгающіе, выпученные глазки оловяннаго цвѣта. Онъ былъ сельскимъ писаремъ и ходилъ въ „пеньжакѣ“ и тяжелыхъ сапогахъ. Низенькій, но увѣсистый и важный, онъ какъ неразмолотымъ житомъ, полонъ былъ неразработанныхъ, тяжелыхъ думъ.

Еще молодымъ парнемъ ушелъ онъ въ расколъ изъ большой православной семьи и служилъ по наймуъ въ работникахъ. Но и расколъ его не удовлетворилъ, и онъ ушелъ изъ раскола, а къ церкви все-таки не возвратился. И жилъ онъ безъ религіи, все время тревожно занятый отрицаніемъ ея. Когда ему удалось сдѣлаться сельскимъ писаремъ — онъ близко познакомился съ мѣстными богатѣями—Воробьевымъ и Листратовымъ, которые тоже ни во что не вѣрили, кромѣ денегъ. Они орудовали мірскими дѣлами, торговали хлѣбомъ и жили на купеческій ладъ. Въ домахъ ихъ были вѣнскіе стулья, мягкая мебель, зеркала. Они выписывали столичную и провинціальную газеты и два толстыхъ журнала. Считали себя людьми образованными. Мужиковъ презирали за невѣжество. Младшій братъ Листратова учился въ петербургскомъ университетѣ, лѣтомъ пріѣзжалъ къ брату, привозилъ запрещенныя книги, и вся компанія—Листратовъ, Воробьевъ и Челякъ съ жадностью зачитывались ими.

Но просвѣщенный образъ мыслей не помѣшалъ имъ, однако, спекулировать арендой участка удѣльной земли, которую они съ большимъ барышемъ сдавали своимъ

Hosted by Google

односельчанамъ. Разбогатѣлъ отъ казенной земли и Челякъ, сталъ толще, важнѣе и глубокомысленнѣе. Купилъ домъ, садъ и уже окончательно упразднилъ изъ своей жизни религію.

И какъ противовѣсъ этимъ „новымъ“ людямъ деревни вспомнился мнѣ старикъ Неулыбовъ, тоже кандалинскій богачъ, закадычный другъ и поклонникъ стараго протопопа, благообразный, съ длинными сѣдыми кудрями, милосердный благодѣтель бѣдныхъ людей. Народъ любилъ этого справедливаго старозавѣтнаго человѣка. Онъ былъ добръ и жалостливъ. Помогалъ. Прощалъ долги. Ни съ кѣмъ не судился. Велъ дѣла на совѣсть и честное слово, по старинному. И богатство его было чистое, взятое отъ плодородія земли и умноженное доброю Волгой, по которой словно шла тогда золотая волна.

Вспомнился пріемный сынъ его Федька Неулыбовъ, смуглый, черноволосый мальчишка, съ которымъ вмѣстѣ бѣгали мы въ сельскую школу. Старикъ души въ немъ не чаялъ. Постоянно говорилъ о немъ. Мечталъ увидѣть его хозяиномъ и стремился обезпечить его будущее. „По наукѣ“ онъ не пустилъ его дальше сельской школы, чтобы не забылъ онъ Бога и не ушелъ въ другой міръ изъ родного гнѣзда. А чтобы сынъ не избаловался—старикъ женилъ его чуть ли не шестнадцати лѣтъ, исхлопотавъ на это особое разрѣшеніе архіерея... Невѣсту взяли изъ-за Волги, тоже изъ богатаго дома, и домъ этотъ стоялъ на самомъ берегу ея у подножія горбатой Батрацкой горы.

Свадебные пиры Феди Неулыбова были похожи на пиры древнихъ: такъ много на нихъ пили и ѣли. Съ перваго же дня пировъ вся орава гостей и родни не разставалась и пьянствовала гурьбой, переходя по очереди изъ дома въ домъ другъ къ другу, переѣзжая цѣлымъ таборомъ изъ села въ село. По пьяному дѣлу многіе обморозились, изувѣчились, но никто на это не

Hosted by Google

обращалъ вниманія. Шутили жестоко: кто-то кому-то ради забавы откусилъ носъ подъ предлогомъ поцѣлуя. Пьянаго спящаго Челяка схватили прямо съ постели въ одномъ бѣльѣ, вытащили на трескучій морозъ, положили въ сани и повезли на другой конецъ села, гдѣ происходилъ пиръ. По дорогѣ встрѣтили татарина и долго приставали къ нему, предлагая купить пьяную свинью. Пока доѣхали—раздѣтый Челякъ закоченѣлъ: его, безчувственнаго, внесли въ избу, положили на полъ, ножемъ разжали зубы и влили въ ротъ коньяку. Черезъ часъ Челякъ — уже одѣтый и приведенный въ чувство—плясалъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Вмѣсто водки пили коньякъ и пили его стаканами и ковшами въ гомерическомъ количествѣ. Опьяненіе ни на кого болѣзненно не дѣйствовало, возбуждая только всеобщее бурное веселье. И такъ пили они каждый день съ поздней осени до масленицы болѣе трехъ мѣсяцевъ, и только наступленіе великаго поста положило конецъ пиршеству. И въ этомъ дикомъ и широкомъ разгулѣ чувствовалось что-то древне-сильное, языческое, первобытное.

За все время свадьбы пропито было семь тысячъ рублей.

Очухавшись, принялись „говѣть“.

Такъ живали встарину кандалинцы.

II.

Часа въ четыре вечера, въ сумеркахъ сѣраго осенняго дня, почтовый поѣздъ остановился у станціи „Кандалы“. Я помнилъ эту станцію: она была и теперь все такая же, какъ прежде, выкрашенная въ казенную, коричневую краску, скучная, какъ всѣ маленькія станціи.

Въ полуверстѣ отъ нея, подъ горой, въ ложбинѣ,

Hosted by Google

сѣрѣло мое родное село и торчала, съ дѣтства знакомая мнѣ, красная колокольня.

Никто на станціи не узналъ меня и я не зналъ никого. Какой-то захудалый мужиченко съ кнутомъ подъ мышкой предложилъ мнѣ „довезти“ меня и подкатилъ съ внутренней стороны вокзала на заморенной лошаденкѣ, запряженной въ старую, кособокую бричку.

— Къ кому везти-то?—спросилъ онъ меня.

Я подумалъ и наудачу сказалъ:

— Къ Воробьеву.

Ямщикъ ничего не сказалъ и задергалъ возжами. Лошаденка побѣжала по грязной осенней дорогѣ. Бричка жалобно задребезжала.

Поѣздъ свистнулъ и, выбрасывая клубы чернаго дыма, помчался дальше. Когда онъ скрылся въ ложбинѣ и желѣзные звуки его колесъ замерли въ воздухѣ—меня охватила страшная, непривычная тишина осенняго деревенскаго поля. Лошаденка сѣменила до странности медленно, и казалось мнѣ, что вся жизнь умчалась отъ меня впередъ съ быстротою локомотива и вотъ стоитъ опять предо мной родная деревня моя, стоитъ попрежнему, на прежнемъ мѣстѣ, сѣрая, тихая, печальная, позабытая цѣлымъ свѣтомъ.

Большія вѣтряныя мельницы плавно и медленно шевелили гигантскими крыльями, тихо скрипѣли и жалостно стонали о чемъ-то, словно обезсиленные, умирающіе великаны.

А безжизненное, словно обглоданное кѣмъ-то, поле печально уходило въ даль, сѣрое небо темнѣло и медленно сгущались тихія осеннія сумерки.

И въ тишинѣ, какъ глубокій вздохъ, издалека прозвучалъ грустный мѣдный голосъ и долго плылъ, дрожалъ и таялъ.

Колоколъ звонитъ.

Всплываютъ въ душѣ моей позабытыя старыя грезы, встаютъ печальные, тихо вздыхающіе призраки. Какъ

Hosted by Google

вечернія тѣни, протянулись они изъ далекаго прошлаго и становятся все длиннѣй и сумрачнѣй.

Словно золотыя облака на горизонтѣ, освѣщенныя умирающими лучами заката, долго и грустно блѣкнутъ они, тонутъ въ сумракѣ ночи, расплываются легкимъ туманомъ и падаютъ на мое сердце вечернею теплой росой.

Тихо, словно приближаясь издалека, звучитъ въ душѣ моей жалобный, чуть слышный, хоръ... Грустныя блѣдныя дѣвушки, взявшись за руки, медленнымъ хороводомъ проходятъ предо мной и томительно-сладко поютъ о чемъ-то невозвратно-погибшемъ и роняютъ изъ вѣнковъ своихъ сухіе мертвые цвѣты.

И все кажется, что удаляется и замираетъ вдали печальное похоронное пѣніе.

Колоколъ звонитъ.

Подъ горой, за селомъ, въ зеленыхъ мшистыхъ берегахъ, обрамленныхъ густымъ камышемъ, лежитъ зеркально-глубокое озеро, и вода въ немъ прозрачна до самаго дна, и купаются въ ней широкіе плавучіе листья, что растутъ въ водѣ на длинныхъ, тонкихъ стебляхъ. За озеромъ вьется узкій, глубокій ручей, весь обросшій зеленой задумчивой осокой и плавучей водяной травой. Надъ нимъ шумитъ дремучій дубовый лѣсъ и уходитъ онъ до горизонта, вплоть до старыхъ осокорей, что возвышаются надъ всѣмъ лѣсомъ, что вцѣпились исполинскими корнями въ глинистый высокій берегъ Прорана. Отдѣлился онъ отъ Волги и каждый годъ ищетъ себѣ новую дорогу. А весной, соединяясь, они разливаются, какъ море, затопляютъ лѣсъ и подходятъ къ жилищамъ людей.

Но сбываетъ вода—и дремучій лѣсъ рядится въ новые наряды: поляны заростаютъ высокою, сочною травой, и ландыши поятъ воздухъ сладкимъ ароматомъ, и весь длинный солнечный день невидимка-кукушка оглашаетъ зеленый лѣсъ мѣрнымъ своимъ кукованьемъ.

Hosted by Google

За осокорями, на широкомъ Проранѣ, есть островъ Зуморъ, весь въ сочной, высокой травѣ, и пестрѣютъ на островѣ рубахи косцовъ, шуршатъ и звенятъ стальныя, блестящія косы, пѣсни женщинъ, сгребающихъ сѣно, далеко несутся по рѣкѣ, а Проранъ и Волга обнялись, разлились и уходятъ сверкающей равниной въ даль, къ чуть видной голубой Батрацкой горѣ, и только противъ Зумора, на высокомъ берегу Прорана, торжественно и мощно стоятъ великаны-осокори и вѣчно звенятъ высоко въ небѣ невидными снизу верхушками своими... Шумъ ихъ сливается съ музыкой волнъ буйнаго Прорана и кажется дивною пѣсней дремучаго лѣса.

И вездѣ: надъ Прораномъ и въ лѣсу, на озерѣ и надъ ручьемъ—вездѣ вспоминается мнѣ лѣсной бродяга, подростокъ въ бѣлой рубахѣ, нелюдимый сынъ столяра, бѣдный мечтатель съ головой, полной несбыточныхъ замысловъ, одинокій, застѣнчивый сынъ столяра.

Колоколъ звонитъ... звонитъ...

Совсѣмъ ужъ стемнѣло. Мы ѣдемъ по широкой пустой улицѣ большого бѣднаго села... Избы словно ушли въ землю, покосились, измельчали, смотрятъ растерянно, уныло. Кое-гдѣ въ слезящихся, обмазанныхъ красной глиной окнахъ, тускло мигаютъ огоньки, и смотритъ оттуда угрюмая, грубая бѣдность.

На мосту, при въѣздѣ въ село, намъ встрѣтились двѣ странныхъ фигуры: босикомъ, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ желтыми, истощенными лицами... Они сидѣли въ рядъ на краю моста, безпечно болтали босыми грязными ногами и вели между собой какой-то безсмысленный разговоръ, по-дѣтски картавя и неестественно размахивая руками.

— Это наши дурачки!..—слегка обернулся ко мнѣ мужиченко: — блажные... завсегда вмѣстѣ ходятъ.. хе-хе!.. дружные!..

Онъ слегка подхлестнулъ клячу и добавилъ, усмѣхаясь:

Hosted by Google

— Объ чемъ говорятъ?.. Господи знаетъ!

— А Гриша Рѣпинъ—живъ?—спросилъ я.

— Померъ Гриша... а на мѣсто его — новыхъ двое родилось... умножается народъ... ну и дураковъ больше...

Идіоты о чемъ-то спорили между собой, но при нашемъ приближеніи прекратили разговоръ и уставились на меня мутными глазами, потомъ переглянулись и, показывая другъ другу вслѣдъ намъ костлявыми, грязными пальцами, начали хохотать безсмысленнымъ животнымъ хохотомъ.

Осмѣянный идіотами, я въѣхалъ въ родное село.

На широкой песчаной площади попрежнему стояла большая красная церковь, только площадь стала больше и дома кругомъ почти всѣ измѣнились, за исключеніемъ волостного правленія. Рядомъ съ нимъ прежде была министерская школа; теперь на ея мѣстѣ возвышался двухъэтажный каменный домъ съ вывѣской: „Учительская семинарія духовнаго вѣдомства“, а надъ вывѣской водруженъ былъ огромный золоченый крестъ.

Новая министерская школа и женское училище были выстроены по другую сторону площади, тамъ же была больница съ квартирой врача, а на углу стоялъ, какъ и прежде, „шатровый“ домъ Воробьева, съ зеленой желѣзной крышей; противъ него, черезъ площадь, виднѣлся домъ Челяка, тоже шатровый, но только похуже.

Отпустивъ извозчика, я вошелъ къ Воробьеву. Внутренность его дома была все та же, что и прежде: изъ прихожей виднѣлся залъ съ высокими трактирными зеркалами и вѣнскими стульями, разставленными вдоль стѣнъ въ скучномъ однообразіи. Въ домѣ царствовали чистота, тишина и скука. Въ залѣ за столомъ сидѣлъ и что-то читалъ самъ хозяинъ. Чтобы обратить на себя вниманіе—я кашлянулъ, но онъ не пошевелился. Ска-

Hosted by Google

залъ „здравствуйте“—не поднимаетъ головы. Тогда я снялъ пальто и, войдя въ залъ, повторилъ громко:

— Здравствуйте!

Воробьевъ поднялъ голову и уставился на меня изумленно:

— Не узнали?—спросилъ я.

— Ась?

— Не узнали, говорю?

— Узналъ, какъ не узнать?.. Больно похожъ на отца-то! Да вы громче говорите, я, вѣдь, плохо слышу.

— Что такъ?

— Да ужъ давно, лѣтъ пятнадцать... еще на свадьбѣ Неулыбова уши-то застудилъ... съ тѣхъ самыхъ поръ... А вы по какимъ дѣламъ въ наши мѣста? на долго ли?

— Жить пріѣхалъ!—отвѣчалъ я и началъ разсказывать ему о своемъ положеніи.

Воробьевъ заволновался.

У него было типичное мужичье лицо съ небольшой сѣренькой бороденкой, покрытое, какъ налетомъ, цѣлой сѣтью мелкихъ морщинъ, и пріятный, пѣвучій теноръ, которымъ онъ когда-то подпѣвалъ дьячку на лѣвомъ клиросѣ. Руки у него были не по росту большія, узловатыя, мужичьи, фигура въ просторномъ пиджакѣ и брюкахъ—коренастая.

— Вотъ квартиру мнѣ надо, на всю зиму!—закончилъ я свое повѣствованіе.

— Да, да!—подхватилъ глухой:—квартиру! У меня-то негдѣ... у Челяка ежели, такъ у него двѣ учительши живутъ, а вотъ къ Неулыбову, къ Федору, въ самый бы разъ тебя: у него весь передъ пустой... и не топятъ, а живетъ онъ бѣдно, ему бы на руку было!.. Я сейчасъ пошлю за Челякомъ, онъ запряжетъ лошадь, и съѣздимъ: Неулыбовъ-то, вѣдь чай, помнишь, далеко отсюда живетъ, на томъ концѣ...

Онъ вышелъ въ переднюю и послалъ кого-то къ Челяку.

Hosted by Google

— Какъ у васъ тутъ тихо, на селѣ-то! — сказалъ я:—словно вымерли всѣ!

— Тихо?—переспросилъ Воробьевъ:—это только снаружи тихо, а ежели разобрать, да вникнуть...—онъ махнулъ рукой и подозрительно покосился на окошко.—Не больно тихо...

— А что?

— Волненіе пошло въ народѣ.... шатаніе ума,—таинственно наклонясь ко мнѣ, сказалъ старикъ.—Почитай, что въ каждой избѣ дѣти съ отцами на ножахъ—палачутся. На сходѣ стонъ стоитъ. Разбились на партіи, и каждая, значитъ, свою линію гнетъ. Такое идетъ!.. чуть не до драки... Зашевелился народъ! обѣдняли всѣ... озлились... А земскій разжигаетъ: за одно только несниманіе шапки человѣкъ по двадцати разомъ въ арестанку садитъ, урядникъ парней да дѣвокъ съ „улицы“ гонитъ, пѣсни пѣть не велитъ... Вотъ оно съ виду-то и тихо.... А внутри—кипитъ у каждаго!

Ему не хотѣлось говорить громко, онъ все ближе наклонялся ко мнѣ и гудѣлъ, оглушая меня...

— Какія же у васъ на сходѣ партіи? .—спросилъ я.

— Да оно не на сходѣ только, а вездѣ и во всемъ... Само собой—особо вредная для всѣхъ партія это—земскій начальникъ, старшина съ писаремъ, урядникъ, да попы... Противъ нихъ всѣ возстаютъ... Старшина у насъ—прямо разбойникъ. Ну, противъ нихъ: врачъ да учители, учителей теперь у насъ много... ничего, хорошій народъ... полезный намъ... потомъ—мужики, вотъ мы съ Челякомъ, Неулыбовъ и другіе. А то есть еще совсѣмъ молодые мужики... молодежь... Задача-то у всѣхъ одна, ну только что молодые горячатся много и лѣзутъ въ открытую... А мы ведемъ линію исподволь, полегоньку...

Онъ замолчалъ, окинулъ меня испытующимъ взглядомъ умныхъ, но уже тусклыхъ глазъ, расчесалъ пальцами бороду и уже другимъ тономъ сказалъ:

Hosted by Google

— Сразу-то все не разскажешь... Вотъ поживешь у насъ—увидишь. Ну, пока что—пойдемъ-ка чай пить!

Мы вышли въ столовую, освѣщенную большой висячей лампой; на столѣ кипѣлъ большой мѣдный самоваръ и все уже было готово для чаепитія.

Вышла жена Воробьева, пожилая, но еще сохранившая слѣды красоты, худая, высокая, вся въ черномъ, серьезная, молчаливая. Она церемонно, по старинному, поклонилась мнѣ глубокимъ пояснымъ поклономъ и церемонно же пригласила „откушать“ чаю. Я помнилъ ее еще очень красивой, молодой. Кажется, что происходила она изъ раскольничьей семьи.

За чаемъ я спросилъ Воробьева о томъ, какъ живетъ теперь Челякъ, какъ живетъ Неулыбовъ. И Воробьевъ, громкимъ голосомъ глухого, повѣдалъ мнѣ, что Челякъ давно уже „прогорѣлъ“ на посѣвахъ и капиталу теперь не имѣетъ никакого, кромѣ дома, фруктоваго сада и мучной лавки. Разорились почти всѣ кандалинскіе богачи... Никого изъ нихъ теперь и въ селѣ нѣтъ. Листратовъ переѣхалъ въ городъ. Но самая несчастная судьба постигла Неулыбовыхъ.

Счастье вообще давно уже отвернулось отъ кандалинцевъ... Словно что-то оборвалось, закрылось, померкло. Почему-то начались изъ года въ годъ засухи, неурожаи, торговля упала, Волга стала мелѣть, мужики - бѣднѣть, а крестьянскіе богачи одинъ за другимъ разоряться. Были ужасныя голодовки всѣмъ селомъ. И въ голодные года мужики почему-то особенно сильно дрались зимой на кулачки... По всей ночи дрались, до озвѣрѣнія... Урядникъ пріѣзжалъ верхомъ разгонять и ничего не могъ подѣлать. Неулыбовы лишились всего сразу: подошли платежи, за себя и за другихъ, уже потерпѣвшихъ крахъ, за которыхъ старикъ Неулыбовъ имѣлъ неосторожность поручиться—и все исчезло въ одинъ день: арестовали недостроенную паровую мельницу, садъ, деньги... Домъ сгорѣлъ незастрахованнымъ.

Hosted by Google

Старикъ поступилъ въ городѣ приказчикомъ, а жена Федора сошла съ ума отъ горя. Пришлось ему везти ее въ городъ въ сумасшедшій домъ. Поѣхали на пароходѣ по Волгѣ. Это было въ темную и теплую лѣтнюю ночь. Федоръ сидѣлъ въ каютѣ вдвоемъ съ безумной и плакалъ, глядя на нее. Должно быть, онъ очень любилъ ее, да и у самого-то голова шла кругомъ. Федоръ и теперь со слезами и ужасомъ вспоминаетъ объ этой ночи. Онъ разсказываетъ, что когда они оба заснули въ каютѣ—ему приснилось, что все это—и разореніе, и сумасшествіе жены—только страшный сонъ и что необходимо проснуться, но какая-то темная тѣнь наклонилась надъ нимъ и душитъ его, и отъ этого онъ опять почувствовалъ тоску и ощущеніе несчастья, какъ будто кто-то ударилъ его въ сердце... Онъ проснулся, оглядѣлся—жены нѣтъ. Кинулся на палубу. Заря. Волга плещется. Пароходъ вздымаетъ волны. И тутъ онъ увидѣлъ свою жену. Духъ у него захватило. Члены словно оледенѣли: блѣдная, въ бѣлой ночной рубахѣ, въ бѣломъ платкѣ, она уже спустила ноги за бортъ. Онъ не помнитъ, что потомъ было. Помнитъ, что въ рукахъ у него остался только бѣлый головной платокъ, который онъ же и подарилъ ей когда-то, въ счастливые дни.

И случилось такъ, что обнаженный трупъ ея прибило волнами и выбросило на берегъ какъ разъ у Батрацкой горы, къ дому ея родителей.

Съ тѣхъ поръ Федоръ выпивку сталъ любить, потомъ—бросилъ все, ребенка своего отдалъ родителямъ покойной жены, тестю съ тещей, а самъ—скрылся.

Уѣхалъ онъ въ Сибирь, на постройку желѣзной дороги, и семь лѣтъ не было о немъ ни слуху, ни духу.

И вотъ всего только года два, какъ онъ воротился и кое-какъ устроился въ старомъ, обгорѣломъ домѣ. Добылъ мѣсто при земствѣ—агентомъ, получаетъ руб-

Hosted by Google

лей двѣсти въ годъ, на нихъ и живетъ. Женился на пожилой вдовѣ—для мальчишки. Жмутся въ заднихъ комнатахъ, а весь передъ—заколоченъ. Все миновалось. Не вернуть ему богатства.

Глухой разсказывалъ объ этомъ безстрастно, ровнымъ голосомъ, медленно хлебая чай. Жена его, плотно сжавъ красивыя, тонкія губы, молча разливала чай.

Въ корридорѣ стукнула дверь, послышались тяжелые, быстрые шаги и на порогѣ комнаты, на моментъ остановившись, появился Челякъ. Онъ былъ все такой же низенькій, цилиндрическій, въ сѣромъ „пеньжакѣ“ и тяжелыхъ сапогахъ. Только борода его, прежде каштановая, стала теперь сѣроватой, да маленькіе оловянные глаза пучились напряженнѣе, чѣмъ въ былое время.

Мы съ нимъ по-пріятельски расцѣловались. Узнавъ отъ меня, что я остаюсь въ Кандалахъ на всю зиму, Челякъ тяжелой рукой хлопнулъ меня по плечу и радостно воскликнулъ:

— Не въ томъ сила, что кобыла сива! Ничего! Проживешь! а намъ это на руку, вотъ въ чемъ дѣло!

— Вамъ-то что?—удивился я.

— А какъ же?—возразилъ Челякъ:—да намъ только тебя и недоставало! въ самый разъ пріѣхалъ!.. То есть до зарѣзу нужно намъ писателя... во—какъ! Ну, чтобы боекъ былъ!

Пріятели весело разсмѣялись. Даже Воробьиха сдержанно улыбнулась, наливая Челяку стаканъ крѣпкаго чая. Челякъ усѣлся за столъ противъ меня, налилъ блюдечко до краевъ, но, прежде, чѣмъ пить, разгладилъ широкую бороду, сгребъ ее на одну сторону и, пытливо посмотрѣвъ на меня, спросилъ:

— Въ губернской газетѣ—пишешь?

— Пишу.

— И въ столичныхъ можешь?

— Могу и въ столичныхъ.

Hosted by Google

— Здорово!

Онъ ткнулъ въ бокъ сидѣвшаго рядомъ Воробьева.

— Слышалъ? Теперича мы „ихъ“ припугнемъ! Ужъ одно то, что онъ пріѣхалъ—на нихъ подѣйствуетъ!

— Подожмутся!—подтвердилъ Воробьевъ, кивая головой.

И они оба какъ-то бережно и хозяйственно осмотрѣли меня, точно новую, только-что выписанную и необходимо-нужную имъ машину. Потомъ озабоченно принялись толковать о томъ, согласится ли Неулыбовъ пустить меня на квартиру.

— Пуститъ!—увѣренно сказалъ Челякъ.

— Навѣрное пуститъ!—отозвался глухой:—а ежели будетъ заминаться—уговоримъ!

— Уговоримъ!—повторилъ Челякъ.

Затѣмъ, поглощая невѣроятное количество чая, они стали говорить о „сходѣ“, который былъ вчера и гдѣ Челякъ провалился съ какимъ-то „вопросомъ“.

— Ты не умѣлъ — сбрендилъ!—посмѣивался надъ нимъ Воробьевъ:—а я бы на твоемъ мѣстѣ не провалилъ: хочешь—я тебѣ все это на слѣдующемъ сходѣ поправлю?

Потомъ заговорили о попахъ, о земскомъ, о врачѣ.

— Врачъ у насъ,—говорилъ Воробьевъ,—онъ всѣмъ хорошъ, дѣйствительно, можно сказать — дѣятель, и народъ его любитъ. Ну, а вотъ за одно только нельзя къ нему полнаго довѣрія имѣть: съ попами якшается! А они для насъ - люди вредные... И начальство они... та же полиція... Въ этомъ у него—большая ошибка!

Когда заговорили о попахъ, Челякъ даже вскочилъ и взволнованно забѣгалъ по комнатѣ, тяжело громыхая огромными сапогами.

— Въ прошлый разъ,—началъ онъ,—встрѣчается мнѣ на площади Матюшинскій—самый изъ нихъ главный ябедникъ—и говоритъ: что это я тебя никогда въ церкви не вижу? что, ты—молоканинъ, что ли? И потомъ, гово-

Hosted by Google

ритъ, до меня дошло, будто мужикамъ ты разныя бредни болтаешь, умствуешь относительно таинствъ и прочее? Это какъ? Смотри!—Я, говорю, батюшка, не молоканинъ, а только что въ церковь хожу, когда есть мое къ тому желаніе, и опять же—время... А загонять меня туда силой—что толку... Что касаемо разговоровъ съ мужиками то конечно, мы, мужики, обо всемъ промежду себя говоримъ, а понятія ни объ чемъ, по глупости нашей, не имѣемъ. Вы бы, говорю, батюшка, какъ пастырь духовный, должны намъ объяснять, наставлять насъ. Я, молъ, вотъ все хочу спросить васъ: растолкуйте мнѣ, какъ надо понимать таинства: что—всѣ они равны между собой, али нѣтъ? Онъ подумалъ, и—строго таково—говоритъ: конечно—всѣ равны, да тебѣ-то что до этого? А какъ же, говорю, коли всѣ равны, расцѣнка-то у васъ имъ разная? За исповѣдь вы берете двѣ копѣйки, а за свадьбу пятнадцать рублей? Какъ онъ закричитъ на меня! Подогомъ застучалъ! Подлецъ, говоритъ, ты, а не прихожанинъ! Я, говоритъ, тебя... Да куда, молъ, вы, батюшка, меня изъ мужиковъ-то можете разжаловать? ниже-то мужика--куда можете поставить?

Челякъ, довольный собою, захохоталъ и на выпученныхъ глазахъ его мелькнули слезы.

— Сплавить бы его!—замѣтилъ Воробьевъ:—больно смутьянъ!

— Въ прошломъ году,—обратился ко мнѣ Челякъ,—мы такъ отъ одного духовнаго лица избавились: я поссорилъ его съ другимъ попомъ, тотъ на него доносъ и настрочилъ и, значитъ,—карамболемъ...

Челякъ сдѣлалъ биллiардный жестъ.

— Чѣмъ же у васъ попы нехороши?—спросилъ я.

— Да что ужъ, какіе это пастыри?—возразилъ Воробьевъ, пренебрежительно усмѣхаясь.--Одинъ надъ другимъ норовятъ выслужиться передъ архіереемъ, да повышеніе получить и все за счетъ мужичишекъ. Старовѣровъ ловятъ, обыскиваютъ, книжки старовѣрскія

Hosted by Google

запрещенныя отбираютъ, съ жандармами перенюхиваются! Совсѣмъ нестоющіе люди!

— Хуже, видно, стараго-то, „тятеньки“?

— Еще бы! тотъ хоть дрался, а за мужиковъ передъ начальствомъ горой стоялъ, а эти...

— Ну, а земскій каковъ?

Друзья только руками замахали.

— Отставной маёръ, пьяница и воръ!—брякнулъ Челякъ:—вмѣстѣ со старшиной воруютъ и другъ друга покрываютъ! Давно ужъ подсудимая скамья по нимъ тоскуетъ. Старшина разбогатѣлъ на мірской шеѣ, мужиковъ въ морду бьетъ, въ арестанкѣ гноитъ. Духовному вѣдомству мірскую землю продалъ... Ну, на что намъ, примѣрно, семинарія? мужики въ неи не учатся, а выходятъ изъ нея учителя церковно-приходскихъ школъ! И вѣдь это все онъ устроилъ, и землю, и домъ поворотилъ такъ, будто бы мужики сами изъ усердія пожертвовали!..

Челякъ погладилъ бороду и неожиданно добавилъ:

— Однако, мы такую политику подводимъ, чтобы земскій смѣстилъ его! Изъ-за этого мы къ маёру и въ гости ходимъ. Не знаи, что выйдетъ?

— Какъ? вы ходите къ земскому?

— Ходимъ Играемъ въ дружбу! Ну, да не поздоровится ему отъ нашеи дружбы. Намъ бы только старшину свергнуть!..

— А что думаютъ мужики о вашеи дружбѣ съ земскимъ?—спросилъ я.

— Да вѣдь какъ же иначе?—уклончиво отвѣчалъ Воробьевъ:—стоитъ ли съ земскимъ ссориться? Ежели, скажемъ, скачать его съ шеи, такъ другого пришлютъ—пожалуи, и похуже, а съ этимъ, хоть онъ и мошенникъ—все же можно ладить... Все-таки и насъ онъ побаивается! Вонъ врачъ и всѣ наши образованные ругаютъ насъ за это... и говорятъ, что ничего, молъ, у васъ не выйдетъ, а я имъ отвѣчаю: вѣдь это вамъ, господа,

Hosted by Google

хорошо такъ говорить, вы у насъ годъ-другой побудете, а потомъ васъ и переведутъ въ другое мѣсто... мы же—здѣсь постоянно. Намъ такъ нельзя!.. Мы—исподволь, полегоньку, свое возьмемъ!

— Чего же вы хотите?

— А проведемъ въ старшины человѣка нашего характера... кого-нибудь изъ молодыхъ... Чтобы легче стало народу. Намъ выгоднѣе—за народомъ быть, на его сторонѣ...

— Да, мы—за народъ, за бѣдноту!—подтвердилъ, разглаживая бороду, Челякъ:—намъ иначе нельзя, какъ мы сами—мужики!

Въ такихъ разговорахъ они закончили чаепитіе, осушивъ весь самоваръ, и стали собираться къ Неулыбову. Въ прихожей Челякъ опять похлопалъ меня по плечу и сказалъ заискивающе:

— А старшину ты какъ-нибудь раздѣлай въ газетѣ! а? Ей-Богу! Сдѣлай намъ это дѣло! Мы его тогда—по Божьи... съ Господомъ! Хе-хе-хе!

И два кулака, ратующихъ „за народъ“, съ неожиданной заботливостью повели меня къ выходу, гдѣ уже стояла сытая, рыжая лошадь, запряженная въ бричку.

III.

Я поселился у Неулыбова.

Онъ жилъ въ двухъ заднихъ комнатахъ одноэтажнаго каменнаго дома. Домъ этотъ былъ когда-то двухъэтажнымъ, но послѣ пожара остался только низъ, который кое-какъ покрыли тесомъ, отчего домъ принялъ жалкій, смѣшной и печальный видъ.

Я занялъ двѣ переднія комнаты, кое-какъ обставленныя старой мягкой мебелью. Каменныя стѣны, вмѣсто обой выкрашенныя въ темную краску, были плохо оштукатурены, промерзли безъ топлива, отсырѣли и постоянно выдѣляли изъ себя мутную влагу, которая

Hosted by Google

текла по нимъ тихими слезами. Домъ словно плакалъ о быломъ.

Самъ Федька Неулыбовъ, котораго я помнилъ мальчикомъ, оказался тридцатилѣтнимъ человѣкомъ съ преждевременной сѣдиной на вискахъ коротко-остриженной головы, съ рѣзкими складками горечи около рта и добродушнымъ одутловатымъ лицомъ съ рѣденькой черной бороденкой. Ходилъ онъ дома въ блузѣ и высокихъ валеныхъ сапогахъ. Ни лошади, ни коровы и вообще никакого хозяйства у него не было. Работы по агентству—тоже. И онъ цѣлыми днями изнывалъ отъ бездѣлья. Жилъ Федоръ Неулыбовъ на свѣтѣ какъ бы нехотя, не ища въ своей жизни какого-либо смысла. Жилъ мечтой о возрожденіи, о томъ времени, когда кончится аренда мельницы и сада, а настоящее, съ его тусклымъ бездѣльемъ и постояннымъ безденежьемъ, положеніе бобыля и пролетарія — вызывало въ немъ скуку, тоску и озлобленіе.

И это недовольство своимъ положеніемъ сближало его съ вѣчно-недовольнымъ и дѣятельнымъ Челякомъ и было главной причиной его участія въ борьбѣ кандалинцевъ съ властями. Оба они въ прошломъ потеряли богатство и потому живѣе бѣдняковъ чувствовали бѣдность и больнѣе страдали отъ несправедливостей и униженій.

Жизнь моя въ родномъ селѣ могла бы казаться сносной, если бы не отравлялъ ее своеобразный надзоръ за мной простодушной сельской полиціи. Каждый день, часовъ около шести утра, когда было еще темно, въ квартиру мою, не смотря на протестъ Неулыбова и его жены, приходили десятскіе съ бляхами на груди, съ длинными палками, въ громыхающихъ сапогахъ и будили меня, желая удостовѣриться, не убѣжалъ ли я. Робко, но настойчиво влѣзали они въ мою спальню и, видя меня вскочившимъ съ постели и ругающимся, успокаивались. Я посылалъ ихъ ко всѣмъ чертямъ,

Hosted by Google

выталкивалъ въ шею, они бормотали что-то въ свое оправданіе и уходили. Но вечеромъ, когда я ложился спать, они снова являлись, наполняя домъ грохотомъ своихъ ногъ и палокъ—и опять повторялась утренняя сцена.

— Убирайтесь къ чорту!—кричалъ я.

Добродушные бородатые мужики чесали въ затылкахъ и гудѣли:

— Низвините... никакъ невозможно... становой строго приказалъ...

— Вонъ!

— Дерется, вѣдь, онъ... становой-то!.. пожалѣй ты насъ... Какъ мы, значитъ, наблюдатели за тобой...—говорили они, ухмыляясь. Обязанность слѣдить за мной смѣшила и забавляла ихъ.

Являлся Неулыбовъ, стыдилъ и выпроваживалъ вонъ „наблюдателей“, а утромъ, на разсвѣтѣ, они опять приходили.

По вечерамъ къ намъ пріѣзжалъ Челякъ. Появлялся самоваръ, бутылка водки и мы просиживали до полуночи въ разговорахъ все о томъ же, все о сверженіи старшины и о предапіи суду маіора, о писарѣ, о попахъ, объ урядникѣ, выбившемъ нагайкою глазъ мужику, о результатахъ послѣдняго „схода“, о народномъ домѣ, гдѣ по воскресеньямъ попы читали акаѳисты, называя ихъ „религіозно-нравственнымъ чтеніемъ“, и о врачѣ, который затѣялъ поставить въ народномъ домѣ пьесу „Бѣдность не порокъ“.

И на эти наши засѣданія почти всегда являлся Варѳоломей, сосѣдскій парень, сынъ закоренѣлаго раскольника Лукьяна. Семья Лукьяна была громадная, человѣкъ въ двадцать, всѣ его четыре сына были женаты, имѣли кучу ребятъ, но не дѣлились, подчиняясь твердой волѣ отца, воспитанные въ строгой раскольничьей нравственности. Всѣ они, какъ и самъ Лукьянъ, были молчаливые, замкнутые, упрямые. По воскресень-

Hosted by Google

ямъ ходили молиться въ „моленную“, а въ остальные дни совершали всей семьей моленія у себя дома, въ избѣ, при чемъ всѣ становились на колѣни передъ большимъ кіотомъ, полнымъ старыхъ, потемнѣвшихъ иконъ и пѣли въ унисонъ печальные, однообразные стихи. Впереди всѣхъ стоялъ на колѣняхъ самъ Лукьянъ со своимъ иконописно-суровымъ лицомъ и большой свѣтло-рыжей бородой еще почти безъ сѣдинъ. Онъ широко осѣнялъ себя двуперстнымъ крестомъ и клалъ земные поклоны, касаясь лысымъ лбомъ маленькой шелковой подушечки, засаленной отъ долгаго употребленія

Но самый младшій и любимый сынъ Лукьяна—Варѳоломей — не участвовалъ въ этихъ моленіяхъ и даже не ходилъ въ моленную. Не ходилъ, конечно, и въ церковь.

Онъ читалъ книги.

Компанія молодыхъ мужиковъ съ Варѳоломеемъ во главѣ выписывала газету вкладчину и получала откуда-то изъ-за Волги, изъ скитовъ таинственныя раскольничьи книги, но не старинныя, а новыя, написанныя литературнымъ языкомъ и напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ. Видѣлъ я у Варѳоломея также и сочиненія русскихъ писателей—Толстого, Достоевскаго. Въ общественной библіотекѣ кандалинскаго народнаго дома, находившейся подъ непосредственнымъ покровительствомъ земскаго начальника, этихъ книгъ не было: она была полна „духовно-нравственной“ литературой и газетами „Свѣтъ“, „Гражданинъ“ и какими-то органами „для крестьянъ“. Изъ этой библіотеки мужики книгъ не брали, предпочитая покупать иныя книги и выписывать другія газеты на свои деньги.

Центральнымъ лицомъ среди читающей мужицкой молодежи былъ Варѳоломей.

Когда-то мы съ нимъ вмѣстѣ учились въ кандалинской школѣ: я былъ уже въ самомъ старшемъ классѣ, а

Hosted by Google

онъ—въ младшемъ. Я помогалъ учителю и училъ Варѳоломея читать. Тогда онъ былъ кудрявымъ, бѣлокурымъ бутузомъ съ громадными синими глазами и серьезнымъ личикомъ.

Теперь ему было двадцать пять лѣтъ, но на видъ казалось гораздо меньше, такъ какъ у него не росло ни усовъ, ни бороды. Тонкій, нѣжнаго сложенія, съ блѣднымъ одухотвореннымъ лицомъ, съ бѣлыми кудрями и какимъ-то особеннымъ, „неземнымъ“ выраженіемъ громадныхъ продолговатыхъ глазъ, изъ которыхъ словно исходили мягкіе, голубые лучи, онъ мнѣ казался похожимъ на изображенія юныхъ великомучениковъ первыхъ вѣковъ христіанства.

Отступничество Варѳоломея отъ церкви и отъ моленной очень удручало Лукьяна, тѣмъ болѣе, что это отрицаніе всего стараго въ расколѣ было среди кандалинскихъ раскольниковъ чѣмъ-то вродѣ новой секты, охватившей исключительно молодежь. Но Лукьянъ уже не могъ сломить Варѳоломея и въ моментъ моего появленія въ Кандалахъ почти примирился съ вольнодумствомъ сына.

Тѣмъ не менѣе Варѳоломей пряталъ отъ него свои газеты и книги, а для чтенія ихъ приходилъ къ намъ. Въ то время, какъ мы, сидя вокругъ самовара, обсуждали злободневные кандалинскіе вопросы, молчаливый Варѳоломей, разостлавъ на сосѣднемъ столѣ или подоконникѣ газету, лежалъ на ней всей грудью и, водя пальцемъ подъ строкой, углублялся въ чтеніе.

Иногда онъ забывался и неожиданно вскрикивалъ:

— Въ Кіевѣ рабочіе забастовали!

Или:

— А студенты-то!.. опять!..

Но тотчасъ же конфузился и умолкалъ, еще крѣпче и обстоятельнѣе налегая грудью на газету.

Иногда мы съ Неулыбовымъ отправлялись вечеромъ въ гости къ Челяку и тогда насъ отвозилъ туда на

Hosted by Google

рѣзвой буланой лошаденкѣ Варѳоломей, сдѣлавшійся моимъ постояннымъ ямщикомъ.

Челякъ лучшія комнаты своего дома „сдавалъ“ учительницамъ, а самъ, какъ и Неулыбовъ, довольствовался двумя задними комнатами и кухней.

Насъ встрѣчала дородная, красивая жена Челяка, выше его ростомъ, бѣлая, съ привѣтливыми, веселыми глазами. Эти глаза она держала обыкновенно скромно-опущенными, говорила мало, но всегда остроумно, и даже въ молчаніи ея чувствовался притаившійся бѣсъ, дремлющая сила. Должно быть, и характеръ у нея былъ настойчивый и властный: извѣстно было, что кряжистый Челякъ постоянно ведетъ съ ней упорную борьбу за свою независимость, и на этомъ равновѣсіи двухъ силъ покоилось ихъ семейное счастье.

Впрочемъ, она тоже вздыхала о быломъ богатствѣ мужа, кратко мелькнувшемъ въ ея жизни, и сочувствовала его борьбѣ съ „властями“ не безъ радужныхъ надеждъ: ей хотѣлось быть старшинихой.

Занавѣски оконъ плотно задвигались, съ потолка ярко свѣтила большая лампа подъ жестянымъ абажуромъ, столъ, накрытый клѣтчатой скатертью, ставили посреди комнаты, хозяйка приносила тяжелый кипящій самоваръ, выставляла варенья и соленья, а Челякъ озабоченно исчезалъ въ сѣни и являлся оттуда съ громадной ведерной бутылью настойки темно-вишневаго цвѣта, изъ которой онъ наполнялъ маленькій графинчикъ, и опять бережно уносилъ колоссальную бутыль куда-то во тьму чулана, продѣлывая все это съ какой-то особенной торжественностью и уваженіемъ къ большой бутыли. Настойку, изобрѣтенную имъ самимъ, онъ называлъ „путаницей“ за тѣ послѣдствія, которыя она ему причиняла, выпитая въ большомъ количествѣ.

Варѳоломей, не пившій „путаницы“, удовлетворялся стаканомъ чая и уходилъ въ кухню, гдѣ и предавался весь вечеръ чтенію; мы же не безъ торжественности присту-

Hosted by Google

пали къ чаепитію, а потомъ къ „путаницѣ“, при чемъ пила и жена Челяка, разливавшая чай. Едва мы успѣвали выпить по рюмкѣ, какъ дверь медленно отворялась и въ нее неуклюже влѣзалъ крякающій, глухой Воробьевъ, и тогда мы снова и безъ конца обсуждали общественные кандалинскіе вопросы.

Къ предстоящему „сходу“ „партія“ надѣялась прижать земскаго начальника угрозой разоблаченія его „уголовныхъ“ продѣлокъ; ключъ къ нимъ и улики уже находились въ рукахъ Челяка; такимъ путемъ хотѣли принудить его смѣстить старшину. Послѣ низложенія старшины предполагалось открыть карты, вѣроломно измѣнить „маіору“ и предать его въ руки правосудія.

— Мы его—по Божьи!..—мечтательно говорилъ Челякъ и развивалъ передъ нами хитро-задуманный планъ, полный дипломатическихъ тонкостей, уловокъ, увертокъ, казуистики и политики.

Въ одинъ изъ подобныхъ моментовъ въ темную маленькую прихожую вошелъ кто-то въ длинномъ черномъ пальто, высокій и стройный. Появленіе этой фигуры вызвало радостные возгласы всей компаніи.

А пришедшій, снявъ пальто, остановился на минуту въ дверяхъ, осмотрѣлъ всѣхъ насъ немного пронически и улыбнулся удивительно-славной русской улыбкой.

Это былъ хорошо одѣтый красивый господинъ лѣтъ около тридцати съ длинными, небрежно-вьющимися волосами и подстриженной свѣтлой бородой. Умные, немножко печальные, немножко проническіе глаза его какъ-то ужъ очень хорошо усмѣхались и влекли къ себѣ.

Мнѣ показалось, что я уже гдѣ-то видѣлъ его, любилъ его. Ну, да, конечно, это онъ, старый знакомый, докторъ Астровъ, талантливая натура на фонѣ деревенской жизни, чеховскій докторъ Астровъ, но только помолодѣвшій, вытрезвившійся, воодушевленный чѣмъ-то.

Онъ вошелъ въ комнату, высокій, стройный, распо-

Hosted by Google

лагающій къ себѣ и, протягивая мнѣ руку, отрекомендовался съ легкой тѣнью добродушной ироніи въ голосѣ:

— Здѣшній земскій врачъ!

IV.

Зимой всѣ событія сгруппировались, и развязка ихъ произошла въ одинъ день.

Еще наканунѣ врачъ прислалъ мнѣ „почетный билетъ“ съ приглашеніемъ быть утромъ въ народномъ домѣ на открытіи „сельско-хозяйственнаго общества“. Въ этотъ же день предстоялъ „сходъ“ для избранія старшины на новое трехлѣтіе, а вечеромъ предполагался первый любительскій спектакль въ народномъ домѣ — „Бѣдность не порокъ“.

Челякъ пропустилъ моментъ „прижать“ земскаго начальника, ревизія давно уже прошла и маіоръ имѣлъ время исправить перерасходы, уничтожить опасные документы и спрятать всѣ концы въ воду. Обѣщаніе объ увольненіи старшины онъ теперь могъ позабыть безнаказанно.

Такъ и случилось.

Мы съ Неулыбовымъ пришли въ народный домъ, когда тамъ почти всѣ уже были въ сборѣ. Это каменное зданіе, выстроенное подъ безконтрольнымъ завѣдываніемъ земскаго начальника, стоило очень дорого, было построено плохо, и походило на длинный, низкій сарай. Внутренность его представляла изъ себя продолговатый залъ со скамьями „для народа“ и нѣсколькими рядами вѣнскихъ стульевъ впереди для „чистой публики“.

Въ глубинѣ зала была устроена маленькая сцена.

Залъ кишѣлъ мужиками.

Впереди, около сцены, собралась мѣстная интеллигенція.

Hosted by Google

Врачъ, замѣтивъ меня, улыбнулся, пошелъ ко мнѣ навстрѣчу, схватилъ подъ руку и повелъ къ „интеллигенціи"—знакомиться.

Кандалинская „интеллигенція" состояла изъ двухъ учителей министерской школы, двухъ учительницъ, трехъ учителей „духовнаго вѣдомства" и четырехъ священниковъ, которые тоже учительствовали въ „семинаріи". Священники всѣ были молодые и самаго современнаго типа: интеллигентные, франтоватые, въ очкахъ и воротничкахъ, съ манерами „свѣтскихъ" людей.

Тутъ же были Воробьевъ и Челякъ.

Всѣ дожидались появленія земскаго начальника, старшины и писаря, чтобы начать засѣданіе.

Въ залѣ стоялъ сдержанный гулъ толпы.

Мужики сидѣли и стояли кучками, полушопотомъ разговаривая между собой. У „интеллигенціи" тоже шелъ свой разговоръ, на минуту прерванный моимъ приходомъ.

— Ну-съ, такъ вотъ,—звучнымъ жирнымъ баритономъ говорилъ священникъ высокаго роста въ щегольской рясѣ и безукоризненной чистоты воротничкахъ:— я утверждаю, что не всякаго писателя можно давать мужику... Мужикъ—это дитя, которое еще нужно воспитывать. Какое, напримѣръ, вліяніе можетъ оказать на него, скажемъ, Достоевскій? Этотъ больной духъ?! Самое разлагающее. Къ чему все это мужику? Развѣ онъ разберется въ этомъ? Помилуйте!.. Ему нужна здоровая, удобоваримая пища, и волей-неволей, просвѣщая народъ, любя его, заботясь о немъ, мы должны ограничивать, такъ сказать,—фильтровать...

Онъ говорилъ самоувѣренно, бойко и складно, подробно развивая эту не новую мысль. Лицо у него было рябое, непріятное, глаза умные, холодные; свѣтлые, кудластые волосы, еще не успѣвшіе вырости длинными, лежали копной.

Hosted by Google

— Это—академикъ!—шепнулъ мнѣ Челякъ:—учительствуетъ въ семинаріи!

Врачъ отвелъ меня въ сторону, поближе къ мужикамъ и сталъ было говорить о желательномъ составѣ членовъ предполагаемаго „Общества“.

Но ему помѣшали мужики.

Я давно уже чувствовалъ, что они смотрятъ на меня и говорятъ обо мнѣ. И вотъ теперь ихъ говоръ становился все яснѣе, гуще и громче. Наконецъ, мнѣ стало слышаться, что они повторяютъ мое имя.

— Капитонъ!—громко крикнулъ кто-то изъ нихъ.

Мужики окружили меня.

— Али не узнаешь насъ?—раздавались голоса:—чай, вмѣстѣ въ школу-то бѣгали, играли вмѣстѣ! Помнишь?

Я озирался и видѣлъ кругомъ себя бородатыя, большею частью еще не старыя лица. И было въ этихъ лицахъ что-то истомленное, выстраданное и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе одухотворенное, чѣмъ въ прежнихъ мужицкихъ лицахъ. Должно быть, уже не было прежняго богатства, сытости и благополучія, не было и здоровья отцовъ, но лица были живѣе, нервнѣе, осмысленнѣе. Общее выраженіе ихъ лицъ было такое, словно они устали страдать, устали ждать.

Одинъ по одному они подходили ко мнѣ, жали руку и говорили:

— Филата помнишь? это я!

— А я Золинъ!

— А Микишку-то неужто не узналъ?

Нѣкоторыхъ я вспомнилъ и узналъ, многихъ не могъ узнать, но со всѣми долженъ былъ расцѣловаться и разсказать о себѣ.

Все это были мои сверстники, товарищи. Возвращаясь въ родное село и боясь отчужденности и вражды мужиковъ, я, оказалось, упустилъ изъ виду одно простое обстоятельство, что тѣ мужики, суевѣрные, грубые и косные, которые двадцать лѣтъ назадъ ненавидѣли

Hosted by Google

такихъ, какъ я, давно уже состарились, сидятъ за печкой или умерли, а вмѣсто ихъ живутъ и дѣйствуютъ вотъ эти, новые мужики, съ новыми понятіями.

— А мы ужъ давно слѣдимъ за тобой... по газетѣ... все читали, что ты тамъ пишешь!

Да, это были совсѣмъ таки новые люди, грамотные, имѣющіе понятіе о газетѣ, о книгѣ, любящіе писателей. И то, что я писалъ и дѣлалъ тамъ, далеко, въ городѣ, было извѣстно имъ и вызывало въ нихъ сочувствіе и одобреніе. Оказалось, что мое литераторство и даже моя „поднадзорность“ служили въ ихъ глазахъ признаками моей порядочности, что перо газетчика въ моихъ рукахъ они считаютъ оружіемъ, поднятымъ на защиту ихъ. И они говорили мнѣ объ этомъ по своему, простыми словами, какъ умѣли.

Пока я съ ними разговаривалъ, пріѣхало начальство: земскій, старшина и писарь.

Отставной маіоръ — высокій, прямой старикъ съ желтоватыми сѣдыми усами и краснымъ носомъ — сбросилъ николаевскую шинель и дворянскую фуражку на руки сотскаго и, вытирая усы платкомъ, походкой военнаго направился прямо на сцену, гдѣ уже былъ приготовленъ длинный столъ, накрытый зеленымъ сукномъ. За нимъ шелъ старшина, плотный, въ суконной поддевкѣ, съ коротко-подстриженной сѣдой бородой, съ мѣдной цѣпью на шеѣ. Онъ имѣлъ видъ добраго, благоразумнаго мужичка, преданнаго начальству. Шествіе заключалъ волостной писарь въ пиджакѣ и косоворотк ѣ, съ большой книгой подъ мышкой и выраженіемъ административной строгости на полномъ рябоватомъ лицѣ.

Мужики молча встали. Шумъ затихъ. И въ этой неестественной напряженной тишинѣ сельскія власти гуськомъ прошли сквозь толпу и размѣстились за зеленымъ столомъ.

Hosted by Google

Маіоръ сипло откашлялся и, ни на кого не глядя, рѣзко позвонилъ въ предсѣдательскій колокольчикъ.

Засѣданіе началось.

Черезъ часъ въ залѣ народнаго дома происходило что-то, похожее на скандалъ: послѣ закрытой баллотировки оказалось, что предсѣдателемъ правленія вновь открываемаго общества огромнымъ большинствомъ голосовъ избранъ кандалинскій земскій врачъ.

Это было дерзостью со стороны мужиковъ, такъ какъ самъ „маіоръ“ желалъ быть избраннымъ. Онъ кусалъ концы своихъ желтыхъ усовъ и, наклоняясь къ старшинѣ, говорилъ ему что-то съ негодующимъ видомъ. Старшина подставлялъ ухо и кивалъ головой. Въ залѣ стоялъ гвалтъ.

Врачъ отказывался отъ чести быть предсѣдателемъ сельско-хозяйственнаго общества, просилъ сдѣлать новую баллотировку, избирать другого. Онъ вышелъ на эстраду и оттуда смущенно кланялся „народу“, прижимая руки къ груди.

— Не могу... да не могу же!..—повторялъ онъ.

Но толпа восторженно ревѣла. При самомъ началѣ засѣданія врачъ взялъ на себя трудъ изложить имъ суть учреждаемаго общества и сдѣлалъ это такъ хорошо, что мужики увлеклись.

— Просимъ! Просимъ!—кричали они.

Впереди всѣхъ стоялъ большой рыжій мужикъ въ дублепомъ полушубкѣ и оралъ зычнымъ голосомъ, покрывая всѣхъ:

— Не надо намъ другого! Коли будетъ другой, то и въ обчество не пойдемъ! Мы тебѣ вѣримъ.

И вдругъ гаркнулъ изо всей силы:

— Облокотились мы на тебя!

Вся толпа засмѣялась мѣткому словечку. Но эта сцена, повидимому, оскорбляла земскаго начальника:

Hosted by Google

въ сопровожденіи старшины и писаря онъ презрительно оставилъ народный домъ.

Врача принудили предсѣдательствовать. Засѣданіе провелъ онъ хорошо, по всѣмъ правиламъ этого искусства. Выбирали членовъ правленія общества, ревизіонной комиссіи и проч.

Сформировавшись, новорожденное общество тотчасъ же открыло свое первое засѣданіе и начало дѣйствовать.

Прямо изъ народнаго дома всѣ мы отправились на „сходъ“.

Были уже сумерки, когда мы съ Неулыбовымъ возвращались домой со схода пѣшкомъ, усталые, разбитые, унылые: на сходѣ произошелъ скандалъ: по настоянію земскаго начальника былъ выбранъ прежній старшина, Челякъ за дерзости былъ связанъ веревками и посаженъ въ „арестантскую“, а предполагавшійся спектакль въ народномъ домѣ запрещенъ земскимъ начальникомъ съ наложеніемъ на двери дома печати, охранять которую были посланы сотскіе.

Такъ побѣждена была партія Челяка, а также и всѣ остальныя кандалинскія партіи.

— Ничего не попишешь!—вздыхая, говорилъ Неулыбовъ:—власть!

Мы шли серединой безлюдной улицы, по снѣжной дорогѣ, и морозный снѣгъ жалобно и злобно скрипѣлъ подъ нашими шагами. Кое-гдѣ въ избахъ зажигались огоньки, а на небѣ одна за другой вспыхивали серебряныя звѣзды. На селѣ было тихо и безжизненно.

Тишину сельскаго зимняго вечера нарушала только доносившаяся издалека пѣсня: навстрѣчу намъ медленно шли два подростка-парня и, обнявшись, пѣли какую-то заунывную пѣсню: это не была „Матаня“, столь обычная теперь въ деревнѣ: пѣсня напоминала волно-

Hosted by Google

образныя, печальныя поля съ безконечною далью и ширью и звучала поэтической грустью. Голоса ихъ то расходились, то догоняли другъ друга и протяжно дрожали въ сумеречномъ воздухѣ.

Поровнявшись съ нами, ребята умолкли, вѣжливо приподняли шапки, а потомъ опять обнялись и, удаляясь, продолжали прерванную пѣсню.

Мы на минуту остановились, чтобы скрипъ шаговъ не помѣшалъ разобрать слова. Они пѣли:

„Сердце мохомъ обростаетъ...
„Весь измученный народъ...

— Ишь ты!—вздохнулъ Неулыбовъ.

Навстрѣчу торопливо шла, почти бѣжала, какая-то баба.

— А никакъ это моя жена?—встрепенулся онъ:—чего тамъ еще?

Баба дѣйствительно оказалась женой Неулыбова. Толстая тридцатипятилѣтняя половина моего хозяина запыхалась отъ бѣга и была въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи.

— Что ты? куда ты?—допрашивалъ ее мужъ.

— Къ вамъ... охъ, бѣда-то какая...

Она глубоко перевела духъ и понизила голосъ до шопота:

— Варѳоломея взяли!

— Кто взялъ? Когда? Куда?

— Охъ, не знаю... Начальники пріѣхали... изъ города... Лукьянову избу всю перерыли... книги нашли... увезли и книги, и Варѳоломея...

Повернувшись ко мнѣ, она добавила:

— Про васъ его спрашивали.

— Тьфу!—плюнулъ Федька.

Мы всѣ трое прибавили шагу.

Въ избѣ Лукьяна свѣтился огонь.

— Заглянемъ!—сказалъ Неулыбовъ.

Hosted by Google

Мы подошли къ старой задумчивой Лукьяновой избѣ.

Сквозь двойныя окна смутно доносилось глухое, печальное пѣніе хора мужскихъ и женскихъ голосовъ.

Я заглянулъ въ окно.

Тамъ происходило „моленіе“. Вся семья была на колѣняхъ.

И впереди всѣхъ стоялъ Лукьянъ съ рукой, сложенной въ двуперстный крестъ и энергично поднятой кверху. Губы его шевелились. Борода тряслась. Видъ у него былъ трагическій.

Онъ словно съ вопросомъ и укоромъ обращался къ Богу отцовъ, онъ проклиналъ то непонятное, новое, что идетъ откуда-то на его дѣтей и внуковъ, ломаетъ старую вѣру и сметаетъ старую жизнь.

V.

... Миновали холодные, хмурые дни, обезсилѣли зимнія вьюги, побѣжали съ горъ звенящіе ручьи, засіяло радостное солнце и опять пришла весна съ зеленою, нѣжной листвой, съ птичьими пѣснями, съ шумными волнами половодья.

Степь одѣлась изумрудомъ, убралась цвѣтами, а таинственная Волга снова подошла къ селу, незамѣтно подобралась откуда-то издалека и весело засмѣялась около насъ, зазвенѣла мутными волнами, засверкала на солнцѣ, какъ море, залила всѣ поля, сады и перелѣски—вплоть до горизонта, гдѣ синѣлъ горбатый, терпѣливо-задумчивый, одинокій Батракъ.

Въ одно раннее весеннее утро, едва только забрезжилъ свѣтъ, я проснулся отъ чьихъ-то тяжелыхъ шаговъ.

— Вставай!—громко прозвучалъ надо мной голосъ Челяка.

Я открылъ глаза: онъ ходилъ изъ угла въ уголъ

Hosted by Google

по моей опустѣвшей комнатѣ, изъ которой уже были вынесены всѣ мои вещи: я уѣзжалъ изъ Кандаловъ, вѣроятно, надолго, быть можетъ навсегда. Предо мною снова открывался свободный, вольный путь... Весна пришла!

— Вставай!—повторялъ Челякъ.—Федоръ уже повезъ твои вещи на пароходъ, а я за тобой зашелъ: айда.

Наканунѣ я просилъ его зайти за мной, такъ какъ хотѣлъ пройтись пѣшкомъ до пристани и взглянуть на родныя мѣста, которыхъ не видѣлъ съ дѣтства.

— Вотъ теперь разоспался и небось не хочется пѣшкомъ-то идти: вѣдь тутъ версты три будетъ!

— Ничего!—отвѣчалъ я:—вѣдь я двадцать лѣтъ не видалъ ни Займища, ни Озера, ни Прорана, ни Зумора!

— Хватился! чай, лѣсъ-то мы давнымъ—давно вырубили, а порубку скотиной потравили, Озеро высохло, а Зумора и совсѣмъ нѣтъ: его размыло!

— Какъ такъ?—спросилъ я, невольно изумляясь:—куда же все это подѣвалось?

Челякъ молча гладилъ бороду, сдвинулъ ее вѣеромъ на лѣвое плечо и смотрѣлъ на меня, усмѣхаясь.

— Вставай!—сказалъ онъ.

Я всталъ, живо одѣлся, и мы вышли.

Занималась заря. Небо, свободное отъ облаковъ, обѣщало ведренный день. Чуть-чуть потягивалъ свѣжій утренній вѣтерокъ, слегка покалывая щеки.

Когда мы вышли на открытый спускъ съ горы—глазамъ моимъ предстала неожиданно печальная картина: вмѣсто дремучаго лѣса, котораго невольно ждали мои глаза—разстилалось голое поле: даже пни были выкорчеваны.

На мѣстѣ дѣвственнаго Озера была сухая котловина. Ручей, такъ живописно покоившійся прежде подъ тѣнью дубовъ, дремавшій въ зеленыхъ берегахъ, обрамленныхъ осокой, теперь одиноко струился, чуть замѣтный, какъ змѣйка, на плоской, однообразной равнинѣ.

Hosted by Google

Мы пошли по дорогѣ, которая прежде вилась лѣсною чащей.

Теперь кругомъ было безжизненное поле, выгонъ, затоптанный стадомъ, безъ травы, безъ деревца.

— Волга еще не дошла сюда,—говорилъ Челякъ,—травы-то и нѣтъ! Только одно и спасеніе для нашихъ лошадей, что за Прораномъ!

— Постой, да вѣдь за Прораномъ песчаная коса?

— Это было прежде! Теперь и Проранъ перешелъ на другое мѣсто: гдѣ былъ Проранъ—теперича лѣсъ, а гдѣ былъ Зуморъ, да осокори, да Шиповая поляна—тутъ нынче Проранъ!

— А осокори? Куда дѣлись эти колоссальные, поэтическіе осокори?..

— А мы ихъ подѣлили!—спокойно отвѣчалъ Челякъ.

Вскорѣ мы вышли на обрывистый высокій берегъ.

Внизу блестѣлъ Проранъ.

Теперь онъ былъ шире и могучѣе Волги. Онъ кипѣлъ бѣлоснѣжной пѣной, кружась въ стремительномъ, веселомъ быстрякѣ. Онъ мчался и бурлилъ, размывая берега, унося въ головокружительной пляскѣ волнъ трупы огромныхъ вывороченныхъ съ корнемъ деревьевъ.

Проранъ веселился.

Въ воздухѣ стоялъ торжественный гулъ отъ его могучаго бѣга.

А заря все разгоралась, нѣжнымъ пурпуромъ отливая на завиткахъ пѣнистыхъ звенящихъ волнъ... Волны крутились винтомъ и радостно пѣли о веснѣ...

На другой сторонѣ Прорана, по всему берегу зеленѣлъ высокій и густой хворостнякъ, ивнякъ, ветлы, осокори...

Этотъ молодой лѣсъ, уходившій вдаль, словно поднявшійся со дна рѣки, такъ и прыскалъ, такъ и выпиралъ изъ земли сочными, густыми гребнями, буйною гривой.

Hosted by Google

Проранъ, бушуя, огибалъ его и широко разливался вдали, гдѣ принимала къ себѣ строптивыя волны его спокойная старая Волга.

Въ этой новой для меня картинѣ я не могъ отыскать ничего знакомаго.

Все было неузнаваемо.

Та родная природа, съ которой были связаны мое дѣтство и юность, воспоминаніями о которой утѣшалъ я себя всю жизнь, когда бродилъ по чужимъ краямъ, исчезла, уничтожилась, унесена волнами и существовала теперь только въ моихъ воспоминаніяхъ.

Старый лѣсъ погибъ, но зато растетъ новый, молодой, свѣжій лѣсъ.

Я долго стоялъ на обрывѣ, смотрѣлъ на веселье Прорана и думалъ, и въ моемъ сердцѣ печаль и радость дружно обнимались, какъ двѣ подруги.

Вдали чуть слышно звонилъ, замирая, старый кандалинскій колоколъ, и малиновые звуки его, доносимые утреннимъ вѣтромъ, сливались съ торжественнымъ гуломъ Прорана.

Солнце всходило.

Челякъ стоялъ рядомъ со мной и ждалъ, что я скажу.

Наконецъ, онъ спросилъ меня:

— О чемъ ты думаешь?

— Я не могу узнать этого мѣста!—отвѣчалъ я:—тутъ все новое!

Тогда онъ сказалъ совершенно спокойно:

— Старое унесло водой!

Hosted by Google

Д. АЙЗМАНЪ.

ЛЕДОХОДЪ.

Hosted by Google

Hosted by Google

I.

Пароходика еще не было видно, но надъ зеленой стѣной высокихъ камышей, загораживавшей рѣку почти до самой половины, уже клубился жиденькій, бурый дымокъ, и на пристани поднялась лѣнивая возня.

Люди и хлопотали, и галдѣли, что-то тащили и убирали, но замѣтно было, что все это они продѣлываютъ вяло, безъ увлеченія и интереса, по привычкѣ, изъ неодолимой необходимости, скучной и нудной. Даже ругались нехотя, и одинъ только пароходный агентъ, рыжій, кривоногій еврей, въ грязномъ, чесучовомъ пиджакѣ, съ изумительно длинными, отвисшими карманами, орломъ носился взадъ и впередъ и во всю глотку, съ видимымъ наслажденіемъ, оралъ и отдавалъ приказанія.

На пристани,—двухъ десяткахъ гнилыхъ, осклизлыхъ досокъ,—этотъ щупленькій человѣчекъ былъ царемъ. Здѣсь была его сила и власть, и ужъ онъ пользовался этимъ счастьемъ, широко и съ упоеніемъ. Онъ командовалъ съ такой суетливостью, съ такой напряженной и крикливой озабоченностью, какъ если бы и пристани, и пароходику, и всѣмъ людямъ, на немъ находившимся, угрожала немедленная и страшная опасность. Онъ бранился, угрожалъ, ужасался, раздавалъ подзатыльники,—и старый извозчикъ Онисимъ Заверюха, поджидавшій пассажировъ, не дерзалъ взойти на пристань, а скрывался на берегу, за будкой, и изъ этого безопаснаго далека, задумчиво поглядывая на орла въ чесучѣ, тихонько бормоталъ:

Hosted by Google

— Отто окаянный!.. Правду люди кажуть: не агентъ, а а гинтъ *).

— Прочь оттудова!—горланилъ орелъ, указывая короткой рукой на молоденькую, лѣтъ семнадцати, дѣвушку, стоявшую на краю пристани.—Мамзель, потрудитесь оттудова прочь!.. Ишь, смотри-ка на нее! Думаетъ, когда въ шляпкѣ, такъ надо тамъ стать... Колотушку съ парохода будутъ бросать. Колотушка очень станетъ разбирать, кто въ шляпкѣ, кто въ платкѣ. Такъ по головѣ трахнетъ — мое почтеніе...

Пароходъ выползъ, наконецъ, изъ-за камышей.

Гулко хлопая колесами и распространяя тяжелый смрадъ — смѣсь запаховъ машины, соленой рыбы и дыма, — грязненькій, убогій, съ хрипомъ, съ храпомъ, вздрагивая и покачиваясь, подошелъ онъ къ пристани и навалился ободраннымъ бокомъ на край ея. И оттого, что пассажиры—ихъ было десятка три—столпились на одной сторонѣ, хранящій Левіаѳанъ накренился на эту сторону, а другую быстро поднялъ кверху.

— Назадъ! На той бокъ, на той бокъ! — отчаянно затопалъ ногами агентъ. — Назадъ, мазепы, арестанты...

Пассажиры почти всѣ были палубные,—народъ бѣдный, обшмыганный и покорный. Классныхъ было всего трое: какой-то военный, сѣдоволосая дама съ четырьмя одинаковыми собачками и судебный слѣдователь, который былъ до того пьянъ, что сходя съ парохода чуть не свалился въ воду.

— Билеты ваши, билеты подавайте, черти, мазепы босоногіе... Благодарю васъ, барыня. — Дама съ четырьмя собачками величественно прошла передъ агентомъ. — Билеты наготовьте!

Однимъ изъ первыхъ сошелъ съ парохода молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, смуглый, худощавый, съ легкимъ пушкомъ на подбородкѣ, съ большими,

*) По-еврейски — собака.

Hosted by Google

ласково улыбающимися глазами. Онъ улыбался своей сестрѣ, — той самой молоденькой барышнѣ, которой только-что угрожалъ колотушкой распорядительный агентъ въ чесучѣ. Но дѣвушка еще не замѣтила пріѣхавшаго и, съ видимой тревогой, глазами искала его въ толпѣ на пароходѣ.

— Вотъ же я, Соня!—сказалъ молодой человѣкъ, и взялъ сестру за руку.

— Ахъ, Яковъ!

Они обнялись и крѣпко расцѣловались.

— Уходите-съ отсюдова, уходите!—свирѣпо заоралъ вдругъ агентъ. — Отъ, нашли мѣсто гдѣ цаловаться! Что ты на нихъ скажешь, а!

Держась за руки, молодые люди отошли въ сторону.

— Здоровъ?.. Пріѣхалъ благополучно?

— Вполнѣ благополучно... Дома какъ?.. А ты ничего... выглядишь хорошо.

Въ глазахъ Якова, оглядывавшаго сестру, появилось то выраженіе безпокойства и тайнаго страха, которое часто бываетъ у человѣка, когда онъ близкому, горячо любимому существу, говоритъ слова ободренія, а самъ словамъ этимъ не вѣритъ, и весь холодѣетъ и сжимается оттого, что вѣрить нельзя...

— Да, мнѣ лучше, я поправляюсь... Ну что же, разсказывай, парижанинъ, говори: вѣдь много интереснаго видѣлъ.

— Господинъ... баринъ... пожалуйте чемоданъ... Извозчика надо?..

— Я повезу.

— Вотъ я повезу.

— Вотъ лучше я.

На пристани и на берегу, между извозчиками, шла уже отчаянная борьба за сѣдока, и человѣкъ десять накинулось теперь на Соню и ея брата. Рвали изъ ихъ рукъ чемоданы, рвали ихъ самихъ, тащили за полы, за рукава, расхваливали своихъ лошадей, свои фур-

Hosted by Google

гоны, самихъ себя, и съ умоляющими нотами и жестами просили „дать заработокъ“.

Яковъ остановился въ смущеніи: картина давно знакомая, хорошо знакомая; но за два года отсутствія онъ уже отвыкъ отъ нея, и теперь эта дикая борьба за грошовый заработокъ производила на него особенно гнетущее, почти ошеломляющее впечатлѣніе. Онъ стоялъ растерянный, и ему какъ-то неловко и совѣстно было, что есть у него вещи, чемоданъ, подушки, что его упрашиваютъ, въ немъ нуждаются, что отъ него зависитъ „осчастливить“ извозчика, предоставивъ отвозить себя...

— Господинъ... баринъ... дозвольте... я дешево возьму, я отнесу ваши вещи.

Сѣдой, измученный еврей, фигуркой похожій на мальчика, угасшими глазами смотрѣлъ на Якова и протягивалъ къ нему руки, какъ въ молитвѣ.

— Я отнесу... за пять копѣекъ... до дому, до вашего, до самой квартиры... куда надо... куда захочете.

Но уже одинъ изъ извозчиковъ вырвалъ изъ рукъ Якова чемоданы и, взваливъ ихъ на свой фургонъ, сталъ взбираться на него самъ.

— Садитесь же, что ихъ слухать! Развѣ они что понимаютъ! Развѣ у нихъ кони!—весело горланилъ извозчикъ-побѣдитель.—Ползутъ, какъ вошь по струнѣ. А я васъ доставлю въ двадцать минутъ, въ одинъ моментъ... Посмотрите, какой фургонъ, прямо экспресный поѣздъ, и больше ничего... Садитесь, садитесь, сейчасъ увидите, какъ полетитъ.

Сѣдой еврей съ тоской и болью смотрѣлъ на чемоданы Якова, которыхъ ему бы, пожалуй, и не поднять, и губы его беззвучно шептали...

Hosted by Google

II.

„Экспресный поѣздъ“ тронулся.

Дорога шла вдоль рѣчного берега, и грязь была здѣсь такая, что лошади, жалкія и облѣзлыя, съ язвами на спинѣ и опухолями на шеѣ и колѣняхъ, еле вытаскивали ноги. Весной рѣка здѣсь разливалась и мѣсяца на полтора превращала окрестности въ непроходимую топь. И теперь еще, лѣвѣе, у камышей, сверкало обширное болото, гнилое и смрадное. Ядовитыя испаренія желтоватою мутью тяжело стлались надъ ржавой поверхностью, медленно, но неудержимо расползались по сторонамъ, обволакивали и городъ, и деревни и развивали въ нихъ злыя болѣзни...

Во время разлива къ рѣкѣ добираться приходилось „горой“, и это было мученіемъ и для лошадей, и для людей. Къ концу апрѣля, когда подсыхало, ѣздили уже „низомъ“ по мѣстности, которая не измѣнила своего вида съ самаго того момента, когда ее создалъ Господь...

И теперь по этой мѣстности тащилось нѣсколько подводъ и плелись люди, изломанные и скрюченные подъ тяжестью огромныхъ узловъ...

Направо отъ дороги поднимался крутой, сѣрый обрывъ, усѣянный множествомъ небольшихъ камней. Здѣсь были каменоломни. Рѣзали камень, возили въ городъ, но тамъ онъ никому не былъ нуженъ, такъ какъ ужъ нѣсколько лѣтъ кряду были неурожаи, дѣла шли плохо, и никто не строился... Мѣстами къ дорогѣ подбѣгала открытая степь, и въ ней все было выжжено и засыпано пылью, и только кое-гдѣ торчали умирающіе стебли будяка, да одинокіе кусты колючекъ...

Все вокругъ имѣло видъ убогій, жалкій, все говорило о нищетѣ, неустройствѣ,—и болью подавленности,

Hosted by Google

и тоской умиранія вѣяло отъ разбросанныхъ мѣстами хатъ и отъ встрѣчавшихся изрѣдка человѣческихъ фигуръ...

— Такъ разсказывай же, — обратилась Соня къ брату.—Я такъ ждала тебя... Видѣлъ ты много... Видѣлъ Герцля?

— Видѣлъ...

Въ глазахъ дѣвушки отразилась не то зависть, не то нетерпѣніе.

— Необыкновенный онъ, правда? Удивительный?

— Ничего необыкновеннаго я въ немъ не нашелъ,— спокойно отвѣтилъ Яковъ. — Удивительно только то, что человѣкъ этотъ могъ увлечь за собой такъ много неглупыхъ людей.

Соня встрепенулась.

— Такъ!.. ты все прежній!.. На тебя ничто не вліяетъ, и ты все-таки противникъ сіонизма.

— А ты полагала, что если посмотришь на Герцля, то такъ сейчасъ же и перебѣжишь на его сторону?— усмѣхнулся Яковъ.

— Не могу я это слышать!—На лицѣ Сони появилось выраженіе острой боли. — Я ужъ вижу, въ чемъ дѣло: ты сейчасъ станешь мнѣ пѣть про „общую работу“, про великіе идеалы всего русскаго народа, и все такое... А я тебѣ скажу, что все это слова, слова и слова... И химера.

— Разумѣется... Зато ужъ возсозданіе еврейскаго царства—не химера.

— Конечно, нѣтъ! — съ силой сказала Соня. — Это вещь трудная, страшно трудная, но это ни въ какомъ случаѣ не химера... Это не химера уже потому, что этого хочетъ народъ, — понимаешь? — весь народъ! А если чего-нибудь хочетъ цѣлый народъ, то онъ своего добьется.

— „Цѣлый народъ, цѣлый народъ“... Въ томъ-то и штука, что народъ вовсе не съ вами. Народъ хочетъ

Hosted by Google

обновить свою жизнь, но народъ нисколько не стремится въ Сіонъ.

— Нѣтъ, онъ туда стремится! Онъ стремится туда, потому что лучше васъ, искалѣченныхъ, слабыхъ и сбитыхъ съ толку неврастениковъ, понимаетъ, что внѣ Сіона никакое обновленіе для него невозможно...

Соня очень походила на брата: тотъ же носъ съ горбинкой, тѣ же темные, выразительные глаза, тѣ же полныя губы и продолговатый овалъ лица. Но у нея щеки были впалыя, глаза глубже, и лежали подъ ними густыя, синеватыя тѣни. И вся она была какъ-то нервнѣе, стремительнѣе брата, сосредоточеннѣе и строже. Въ голосѣ Якова порою слышалось сомнѣніе, иронія,— нѣжная, печальная иронія, та самая, которая не дешево обходится, которая рождаетъ въ сердцѣ и боль, и тоску, а иногда и холодное отчаяніе. Соня же сомнѣній не знала, не любила ни ироніи, ни шутокъ, говорила всегда серьезно, а спорила съ горячностью, со страстью, съ вѣрой незыблемой. Она не любила недомолвокъ, презирала колебанія, рубила съ плеча, и ужъ если вѣрила или любила, то до самозабвенія, до абсурдныхъ словъ и поступковъ. Ея лицо, когда она спорила, дѣлалось строгимъ, суровымъ, глаза разгорались, разгорались и щеки, и при взглядѣ на нее становилось ясно, что переубѣдить ее, или даже только поколебать, невозможно - такъ же невозможно, какъ невозможно сдѣлать холоднымъ огонь... И еще становилось ясно, что недолговѣчна она, эта хрупкая дѣвушка, съ узенькими плечиками, съ тоненькой шеей, съ голосомъ, въ которомъ и ненависть мятежника, и пламень пророка, и ужасъ передъ тяжестью жизни...

— И погоди, погоди! посмотришь, что будетъ съ нашимъ движеніемъ лѣтъ черезъ восемь, десять!— вскричала Соня.

Hosted by Google

III.

Яковъ не отвѣтилъ. Но нѣсколько минутъ спустя, обводя задумчивымъ взглядомъ разстилавшійся впереди унылый пейзажъ, онъ глухо проговорилъ:

— Если бы нашлись знающіе, предпріимчивые люди, какой отличный портъ можно бы здѣсь создать! А теперь хлѣбъ грузится за десять верстъ отъ города, по этакой вотъ дорогѣ, и доставка его отъ города до пристани стоитъ въ шесть разъ дороже, чѣмъ доставка отъ пристани до Лондона... Почти каждый годъ наводненія уносятъ у нищаго населенія послѣдній скарбъ... Потомъ все гніетъ, разлагается, мучаютъ лихорадки, тифы, мрутъ безъ числа... И голодовки, и безправіе, и насиліе, и темнота духовная... ужасъ!..

Соня молчала, но по лицу ея проходили какія-то странныя тѣни, и было видно, что слова брата ее раздражаютъ и злятъ...

Подвода поднялась на пригорокъ. Грязи уже не было, а носилась тучею густая, сѣрая пыль, и сквозь мутную пелену ея затемнѣли кривые и жалкіе домишки городка, тяжелый куполъ собора и огромное зданіе тюрьмы...

Навстрѣчу плелась телѣга съ длиннымъ дышломъ, но лошадка была одна, и это напоминало искалѣченнаго однорукаго человѣка. На телѣгѣ пьяная баба издавала дикіе, пронзительные возгласы,—она не то плакала, не то пѣла, а мужикъ, тоже пьяный, оглашалъ воздухъ скверной руганью и дѣятельно стегалъ кнутомъ то по одинокой кляченкѣ, то по бабѣ... И бѣлѣли вдали кладбищенскіе кресты и небольшая церковка, и отъ этого крики пьяныхъ людей казались чѣмъ-то непонятнымъ, неправдоподобнымъ...

— Наводненія, отсутствіе порта, тифы и вся эта

Hosted by Google

нищета и уродства — мнѣ до этого нѣтъ никакого дѣла,—угрюмо проговорила Соня.—Ни малѣйшаго!

— Это легко понять,—усмѣхнулся Яковъ,—потому что наводненіе еврейскіе дома вѣдь обходитъ, и тифъ и лихорадки тоже вѣдь въ нихъ не проникаютъ... Что за ребячество, Соня!—повысилъ онъ голосъ.—Развѣ ты и въ самомъ дѣлѣ не видишь связи между этой общей неурядицей и положеніемъ нашего народа?

— Очень ясно вижу. Но я вижу и то, что когда вся неурядица исчезнетъ, и сдѣлается въ Россіи рай земной, намъ все-таки будетъ здѣсь скверно.

Въ выраженіяхъ горячихъ и торопливыхъ Соня стала развивать свою мысль. Другіе народы никогда не сживутся съ евреями,—это доказано цѣлымъ рядомъ вѣковъ. Евреи много дѣлали для націй, среди которыхъ жили, двигали впередъ науку, искусство, совершенствовали формы общественной жизни, были всегда первыми въ рядахъ борцовъ за свободу, отдавали всю свою энергію, свои силы и дарованія, и жизнь, и за все это имъ платили потомъ жестокостями, кровавыми расправами, презрѣніемъ и гнетомъ. Евреи вездѣ были паріями, и теперь они тоже паріи,—даже въ самыхъ передовыхъ странахъ, даже тамъ, гдѣ они пользуются всѣми политическими правами. И такъ оно будетъ всегда, всегда... И выходъ поэтому ясенъ: домой, къ себѣ. И не жить больше среди чужихъ, и для чужихъ не работать.

— Все это пустое,—сказалъ Яковъ.

И онъ сталъ разбивать доводы сестры.

Онъ расходился съ Соней во всемъ. По его мнѣнію, между христіаниномъ-рабочимъ и евреемъ-рабочимъ больше общаго, чѣмъ между евреемъ-рабочимъ и евреемъ-банкиромъ. Раздѣляютъ людей не принадлежность ихъ къ той или иной религіи или національности, а классовыя перегородки. Если даже предположить, что евреямъ удалось бы создать свое госу-

Hosted by Google

дарство, то и въ этомъ своемъ углу власть и сила, и всѣ богатства захвачены были бы кучкой патриціевъ, а народъ томился бы въ рабствѣ. Феодалъ еврей нисколько не лучше феодала иныхъ національностей. Все дѣло въ классовыхъ перегородкахъ. Когда эти перегородки будутъ снесены—всѣ люди объединятся въ одну семью, не будетъ ни паріевъ, ни патриціевъ, и евреи сравнятся со всѣми.

— Вздоръ!..—перебивала брата Соня,—ты говоришь чистѣйшій вздоръ. Я сейчасъ тебѣ это докажу.

Споръ разгорался, ожесточался.

И уже перешли спорщики на личности, и осыпали другъ друга колкостями, обвиненіями, укорами. Соня упрекала брата въ черствости, въ легкомысліи, въ наблонномъ мышленіи, въ томъ, что онъ „нахватался жалкихъ идеекъ“, которыя не сумѣлъ даже переварить. Яковъ обвинялъ сестру въ узости, въ чудовищномъ невѣжествѣ, въ „кугельномъ патріотизмѣ“, отъ котораго просто тошнитъ.

IV.

„Экспресный поѣздъ“, тѣмъ временемъ, переѣхалъ черезъ мость,—жалкое ветхое сооруженіе, которое трепетно колыхалось и стонало подъ колесами подводы. Оно стонало такъ жалобно и громко, что становилось жутко, и начинало казаться, будто ѣдешь по живому, страдающему тѣлу... За мостомъ лежали кладбища русское и еврейское. И послѣ смерти люди чуждались другъ друга, уходили въ разныя стороны и огораживались длинными каменными заборами...

На русскомъ кладбищѣ были деревья, пестрѣли вѣнки и цвѣты, кресты стояли высокіе, свѣтлые. Чувствовалась какая-то ласковая уютность, какая-то осо-

Hosted by Google

бенная задумчивая прелесть. Тихо было здѣсь и грустно, и хорошо смиреніемъ наполнялась душа, и такъ хотѣлось жалости, милосердія, прощенія... А по другую сторону оврага, гдѣ хоронили евреевъ, не было и признаковъ растительности, и все тамъ было сурово и страшно. Въ испуганную толпу сбились тяжелыя надмогильныя плиты, и чернымъ ужасомъ вѣяло и отъ нихъ, и отъ лежавшаго спереди еще незанятаго пространства... Изъ глубины, зигзагами пробиваясь межъ мрачныхъ камней, шелъ глухой и мучительный стонъ, онъ вырывался на свободное мѣсто, выпрямлялся здѣсь, протягивался, и долго трепеталъ, пугающій и непонятный... Можетъ быть, рыдали дѣти надъ отцовской могилой, можетъ быть, мать убивалась надъ трупомъ первенца, можетъ быть, плакали сами камни—нѣмые свидѣтели неизбывной человѣческой боли...

Начался и городъ.

Показались наполовину поглощенные землей уродливые домишки, изъязвленные желтыми пятнами кизяка и черными нашлепками грязи; потянулись канавы, полныя темной жижи и обросшія по краямъ игловидными колючками. Изъ канавъ шелъ удушливый смрадъ, онъ смѣшивался съ горькимъ запахомъ конопи отъ случившагося наканунѣ огромнаго пожара, и отъ этого трудно было дышать. У канавъ и посреди улицы, въ пыли, возились еврейскія дѣти, полунагія, босыя, и лица у всѣхъ были болѣзненныя, зеленыя, а у нѣкоторыхъ покрыты чирьями. На перекресткѣ двухъ улицъ, у обгорѣлой бани, съ блаженной улыбкой на отвислыхъ губахъ, стоялъ паренекъ, лѣтъ шестнадцати, въ одной рубахѣ, а дѣти съ радостнымъ визгомъ задирали ему рубаху и плевали на голое тѣло. Паренекъ былъ полоумный, онъ не противился дѣтямъ и тихо хихикалъ. Временами онъ вскидывалъ къ небу свои тусклые, большіе глаза и точно искалъ тамъ кого-то. Но никого не было въ чуждомъ небѣ, и полоумный

Hosted by Google

переводилъ глаза на мучившихъ его дѣтей и начиналъ тихо и быстро бормотать...

— Шлемка, Шлемка, отгони отъ меня собаку, — кашляя и задыхаясь, всхлипывала сидѣвшая на завалинкѣ парализованная женщина. — Шлемка, отчего же ты не идешь?

Шлемка не являлся, а собака, тощая, съ облѣзлымъ бокомъ, съ кровью на мордѣ, не торопясь и тихо рыча, со всѣхъ сторонъ обнюхивала неподвижнаго человѣка и тыкала въ него окровавленной мордой...

Всѣ люди, которые встрѣчались на улицѣ, были жалкіе и хилые, и лица у нихъ были блѣдныя, удрученныя и какія-то встревоженныя. Точно производили гдѣ-то далеко, въ невѣдомомъ краю, сортировку, отбирали всѣхъ сильныхъ, цвѣтущихъ и довольныхъ и оставляли на мѣстѣ, а все, что было больного, искалѣченнаго, изнуреннаго, отсылали сюда. И оттого скорбью и унынiемъ вѣяло здѣсь отъ всего,—и отъ жалкихъ лачугъ, темныхъ, полуразрушенныхъ, и отъ черной земли, изъязвленной зловонными лужами, и отъ самого неба, затянутаго мутною, грязно-желтою тучей... Вся улица, весь околотокъ, весь почти городокъ былъ царствомъ великой нужды, и боли, и муки, и горестныхъ вздоховъ, и неизбывныхъ, бездонныхъ страданій...

Соня продолжала говорить и горячиться, но вниманіе Якова отвлечено было къ другому, и онъ не возражалъ сестрѣ, да почти и не слушалъ ея. Глаза его, выражавшіе печаль и затаенную боль, тихо блуждали по сторонамъ...

Въ этомъ городкѣ Яковъ родился, здѣсь онъ выросъ, онъ зналъ чуть не всѣхъ его жителей, зналъ въ подробностяхъ ихъ тяжелую, горькую жизнь.

Самъ сытый и здоровый, еще мальчуганомъ, онъ ужасался тяжести этой жизни, и она вызывала въ немъ и напряженныя думы, и мятежныя чувства... Онъ, страдая, на кого-то негодовалъ, кого-то яростно про-

Hosted by Google

клиналъ, угрожалъ кому-то, злобно и гнѣвно, и сулилъ жестокую месть и расправу... Онъ рѣшилъ всѣ силы свои отдавать на то, чтобы исправить, перестроить и обновить эту страшную жизнь. Но что надо дѣлать—онъ не зналъ. Онъ учился. Ученіе не шло ему въ голову. И сидя за уроками, а позднѣе за лекціями, онъ все время томился и думалъ, что дѣлаетъ не то, что нужно... Университетъ пришлось ему оставить съ перваго же курса, и это не только не опечалило его, а, наоборотъ, обрадовало: онъ сталъ свободнымъ и могъ приступить къ дѣятельности „самой нужной“. Но скоро онъ сказалъ себѣ, что въ сущности не знаетъ все-таки, какая она, эта „самая нужная дѣятельность“. Онъ присматривался, вдумывался, читалъ—и все боялся, усомнѣвался... Одно время онъ тоже увлекался сіонизмомъ,—собиралъ „шекеля“, организовалъ кружокъ, читалъ въ немъ рефераты, агитировалъ всячески,—но дѣлалъ это какъ-то нерѣшительно, вяло, безъ должнаго увлеченія, а порою даже съ чувствомъ недоумѣнія и досады: и уже думалъ онъ, что такова несчастная особенность его темперамента—всегда колебаться и ощупывать, и пугался онъ этого, и негодовалъ на это, и страдалъ отъ этого сильно...

— Ничего не могу, ничего изъ меня не выйдетъ,—съ тоской и со страхомъ говорилъ онъ себѣ:—неврастеникъ, слабнякъ, и нѣтъ во мнѣ ни силы, ни порыва, ни огня...

Онъ становился мраченъ и угрюмъ, онъ страдалъ глубоко и постоянно, и темной и ненужной казалась ему его жизнь.

Онъ уѣхалъ потомъ въ Парижъ—учиться медицинѣ, какъ сказалъ онъ отцу. Но за два года пребыванія въ Парижѣ онъ едва ли двадцать разъ посѣтилъ лекціи... Были здѣсь встрѣчи съ людьми цѣльными и сильными, съ людьми мысли и темперамента, и были разговоры глубокіе и страстные. И книги были,—такія, о которыхъ

Hosted by Google

въ придавленномъ Мертвоводскѣ и не слыхали... Все больше и больше свѣта проливалось въ голову Якова, больше огня въ его сердце, и дорога его скоро развернулась передъ нимъ вѣрная и понятная... Оставаться на чужбинѣ дальше уже нельзя было, и онъ рѣшилъ вернуться домой, къ работѣ...

Бодрымъ и гнѣвнымъ ѣхалъ онъ на родину, полный рѣшимости и силъ. И здѣсь, при видѣ родныхъ мѣстъ, такихъ несчастныхъ, такихъ убогихъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя еще болѣе сильнымъ, еще болѣе рѣшительнымъ. Ненависть затопляла его сердце, и гнѣвъ загорался въ глазахъ...

Онъ продолжалъ смотрѣть по сторонамъ, на темныя берлоги. Тамъ гніютъ ремесленники, у которыхъ нѣтъ заказовъ, мелкіе служащіе, у которыхъ нѣтъ мѣстъ, мелкіе торговцы, у которыхъ нѣтъ товара. Безработные рабочіе, люди, не знающіе, куда броситься, люди безъ подобія опредѣленныхъ занятій: они маклеруютъ, попрошайничаютъ, паразитствуютъ, нищенствуютъ—среди другихъ, тоже маклерующихъ, тоже паразитствующихъ, но въ чуть-чуть болѣе крупныхъ размѣрахъ.

Насильственно сгущенная тьма душитъ тутъ всѣхъ. Искусственно прививаются пороки, уродуется и искореняется все, что есть въ сердцахъ высокаго, человѣчнаго.

Всѣ конкурируютъ между собой и враждуютъ, и грызутся, и ябедничаютъ, и доносятъ. Сброшенные въ кучу, сжатые желѣзнымъ кольцомъ, люди въ бѣшеной свалкѣ, въ дикомъ напряженіи давятъ другъ друга и озлобляютъ, ожесточаютъ и растаптываютъ и, постоянно униженные, постоянно оплеванные, угрожаемые и истребляемые, въ судорогахъ голода, въ корчахъ болѣзней, рвутъ жалкій случайный кусокъ на тысячу крохъ. Больныя дѣти больныхъ отцовъ рождаютъ больное потомство, и младенцы уже въ чревѣ матери поражены туберкулезомъ, сифилисомъ и безумiемъ. Со скрючен-

Hosted by Google

ными ногами, со вздутыми животами, съ глазами гнойными, покрытыя язвами и корою сверныхъ сыпей, изуродованныя, безкровныя, въ смрадѣ и грязи, какъ щенята въ выгребной ямѣ, копошатся здѣсь дѣти и мрутъ массами, не узнавъ сытости, не узнавъ, что такое часъ безъ страданія.

Въ тоскѣ и страхѣ проходитъ здѣсь жизнь, здѣсь нѣтъ мѣста передышкѣ, здѣсь не видятъ къ себѣ милосердія. Нѣтъ пощады, нѣтъ поддержки, гаснутъ просвѣты и гибнетъ надежда. Стонъ, стоящій надъ кладбищемъ, еще мучительнѣе бьется здѣсь. Угрозы перемѣшались съ пресмыкательствомъ, съ проклятіями униженная мольба. Здѣсь люди похожи на привидѣнія и дни ихъ ужасны, какъ кошмаръ, а сны мучительны, какъ дѣйствительность.

Но развѣ духъ погасъ?..

Развѣ не бродятъ здѣсь высокія мысли, не бурлятъ горячія чувства, мечтанія свѣтлыя не расцвѣтаютъ, не проявляется воля сильная, и крѣпкіе, какъ гранитъ, не выходятъ отсюда гордые люди?..

О, изумительный, единственный, чудесный народъ!..

V.

Подвода остановилась у небольшого, чистенькаго, свѣтлокоричневаго домика, съ крылечкомъ и парднымъ ходомъ.

На нижней ступенькѣ крыльца стояла невысокая женщина лѣтъ пятидесяти, худощавая и блѣдная,— мать Якова, Шейна. У нея было больное колѣно, доктора велѣли ей лежать въ постели, и потому она не поѣхала встрѣчать сына. Но здѣсь, на крыльцѣ, она поджидала, опираясь на костыль, уже больше часа, и съ радостной тревогой вперяла глаза въ даль, стараясь сквозь желтую мглу удушливой пыли разглядѣть подводу съ дорогимъ человѣкомъ

Hosted by Google

Тутъ же, подлѣ Шейны, стояла босоногая, щекастая дѣвчонка, Марфушка, и глуповатое, но милое лицо ея, тоже нетерпѣливое и взволнованное, когда подвода, наконецъ, подъѣхала и остановилась, освѣтилось вдругъ такой радостью, такимъ счастьемъ, какъ если бы пріѣхалъ не паничъ—чужой человѣкъ, котораго Марфушка никогда и въ глаза не видала, а родной ея, долго жданный и горячо любимый братъ...

Яковъ нѣжно обнялъ мать, и бережно поддерживая, повелъ въ домъ.

— Гдѣ же отецъ?—спросилъ онъ.

— Не знаешь его?— отвѣтила Шейна;—онъ же всегда долженъ опоздать. Въ Гнилушкину экономію поѣхалъ, къ князю Абамелику, рапсъ покупать. Отложить нельзя было: князь вечеромъ уѣзжаетъ за границу... Марфушка! Вылупила глаза!.. Возьми же чемоданъ.

Щекастая дѣвчонка, въ стыдливомъ восхищеніи слѣдовавшая за пріѣхавшимъ и не сводившая съ него сіяющихъ, почти благодарныхъ глазъ, громко взвизгнула и, задыхаясь отъ восторга, кинулась обратно къ крыльцу, за чемоданомъ.

Войдя въ домъ, Яковъ снялъ съ себя пиджакъ и жилетъ и сталъ умываться. Мать, прихрамывая и стуча костылемъ, не переставая суетилась около него.

Въ первый разъ разсталась она съ сыномъ на такое долгое время, и теперь, при встрѣчѣ, переживала чувства, совершенно неизвѣданныя, новыя. Карiе глаза ея, обыкновенно тусклые и усталые, теперь сильно оживились, они смотрѣли и весело, и скорбно, временами на нихъ набѣгали слезы, и женщина эта сама не понимала отъ чего—отъ радости, отъ умиленія, отъ темнаго ли предчувствія...

Сони въ комнатѣ не было: братъ говорилъ чортъ знаетъ что, оказался человѣкомъ чуждымъ, и она рѣшила, что его надо игнорировать. Она твердо рѣшила

Hosted by Google

его игнорировать... Но не успѣлъ Яковъ окончить умываніе, какъ она появилась въ дверяхъ и заговорила:

— Какъ вы не понимаете того, что служите въ чужомъ станѣ!.. Вашими руками загребаютъ жаръ, разрушаютъ классовыя перегородки, а когда ихъ разрушатъ, васъ выпрутъ вонъ и ничего вамъ не дадутъ.

И когда Яковъ отвѣтилъ, что никто ничего не будетъ давать, и что евреи сами себѣ возьмутъ то же, что возьмутъ и другіе, Соня стала доказывать, что „взять не позволятъ". У евреевъ берутъ все,—ихъ трудъ, ихъ кровь, ихъ геніевъ, Меербероѣ, Лассалей, Гейне, Спинозъ,—а потомъ имъ предлагаютъ ассимилироваться, раствориться. Всѣ націи могутъ жить, даже самыя ничтожныя--албанская, черногорская, сербская,—и только еврейство должно умереть, раствориться. И вѣдь этого требуютъ лучшіе люди. А между тѣмъ отъ кого получаютъ весь свой свѣтъ эти лучшіе люди? Кто ихъ Богъ и пророкъ? Еврей Марксъ. О, отчего Карлъ Марксъ не носилъ чисто еврейскаго имени, отчего не назывался онъ Мордухъ? Эти господа, которые требуютъ, чтобы еврейство растворилось, назывались бы теперь не марксистами, а мордухистами.

Якова споръ сталъ тяготить.

Сейчасъ по пріѣздѣ, не раздѣвшись, не умывшись, не разспросивъ о родныхъ, не поговоривъ даже съ матерью, которая съ такой нѣжностью и такъ жадно на него смотритъ и ждетъ его разсказовъ, его вниманія, онъ ввязался въ это крикливое перебрасываніе горячими тирадами, и это такъ утомительно и раздражаетъ... А Соня больна, и споръ ее такъ волнуетъ, она кашляетъ и задыхается, и схватывается за сердце... Надо бы прекратить, надо бы сейчасъ прекратить...

Но Якову неудержимо хотѣлось сдѣлать одно только маленькое, заключительное, послѣднее возраженіе,—за этимъ слѣдовало другое, третье, а Соня, даже не вы-

Hosted by Google

слушавъ брата, съ своей стороны затопляла его горячимъ потокомъ гнѣвныхъ, стремительныхъ словъ.

Съ тоской и съ тревогой слушала своихъ дѣтей Шейна. Она вздыхала, разводила руками, бросала умоляющіе взгляды то на сына, то на дочь, а временами, набравшись храбрости, изловчалась вставить слово, другое, и все пыталась увести дѣтей въ столовую...

А въ сосѣдней комнатѣ, притаившись, съ большой кастрюлей въ рукахъ, стояла Марфушка, и съ изумленіемъ, сердитая, смотрѣла черезъ растворенную дверь на то, что происходило передъ ней. Столько было разговоровъ о пріѣздѣ панича, съ такимъ нетерпѣніемъ его ожидали, такъ нѣжно мечтали о дорогомъ гостѣ, такія для него наготовили вкусныя печенія и варенья—и вдругъ, на вотъ тебѣ...

— Тільки що въ хату—и яка свара!

И Марфушка негодовала всѣмъ своимъ простымъ и чувствительнымъ сердцемъ. Уже она ненавидѣла „оцего чортяку“, и была лютымъ врагомъ ему. Она слушала, слушала,—и все больше и больше закипала.

— У-у, горластый! Ажъ злякалась...

Полная огорченія и обиды, ушла она на кухню, забрала тамъ цѣлую гору мѣдной посуды и выйдя во дворъ, на кучу песку, принялась за чистку. До нея долетали голоса и Сони, и Якова, но она не хотѣла ихъ слушать, и, чтобы оградить себя, она затянула пѣсню—да такъ визгливо, да такъ ожесточенно, что когда минутъ черезъ пять подъѣхалъ къ воротамъ Соломонъ Розенфельдъ, мужъ Шейны, и издали взволнованно крикнулъ: „А что пріѣхалъ нашъ гость?“ - то она ничего не разслышала и не отвѣтила.

— Пріѣхалъ нашъ гость?—повторилъ Розенфельдъ, торопливо слѣзая съ брички.

Не оглядываясь на хозяина, отчаянно визжа пескомъ по ярко сверкающей мѣди, Марфушка сердито буркнула:

Hosted by Google

— Пріѣхалъ.

И почти не понижая голоса, она добавила:

— Хай бы вінъ тобі сказывся, чортяка патлатый!

VI.

Появленіе отца заставило Сопю и Якова нѣсколько успокоиться. Пошли поцѣлуи, обычныя восклицанія, разспросы... Шейна воспользовалась измѣнившимися обстоятельствами и увлекла всѣхъ въ столовую.

Усѣлись вокругъ стола, и завязался живой, пестрый разговоръ—о заграницѣ, объ ученіи, о томъ, какъ свободно и легко живется евреямъ во Франціи, о новыхъ ограниченіяхъ для нихъ въ Россіи, о торговлѣ, объ урожаѣ...

Соломону Розенфельду было съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ ему можно было дать всѣ шестьдесятъ,—такъ сѣда была его, въ свое время темно-русая, борода, такъ устало было его изборожденное морщинами мертвенно-желтое лицо. Движенія, впрочемъ, были у него довольно живыя, даже порывистыя, онъ быстро ходилъ, быстро и горячо говорилъ, и смѣялся громко и легко. И волосы на головѣ его, бѣлые, какъ сметана, торчали густые и плотные, какъ у юноши.

Онъ „занимался пшеницей“, былъ агентомъ крупной экспортной фирмы, и въ урожайные годы „крутилъ дѣла“. На фонѣ мѣстной нищеты онъ считался человѣкомъ зажиточнымъ: на самомъ же дѣлѣ у него не было никакого состоянія, и это потому, что большую часть его заработка выматывало изъ него коммерческое начальство. И даже домишко Розенфельда былъ заложенъ у того же все-высасывающаго начальства.

Розенфельдъ былъ человѣкъ неглупый, довольно чистый въ смыслѣ нравственномъ и пользовался въ

Hosted by Google

городѣ уваженіемъ и вліяніемъ. При старомъ городовомъ положеніи, когда евреи могли быть избираемы, его неизмѣнно выбирали въ гласные и даже, если онъ не отказывался самъ, въ члены управы. Онъ не игралъ въ карты, не ходилъ въ клубъ, въ свободные зимніе вечера любилъ читать, и бѣда была только та, что книгъ въ городкѣ почти не имѣлось. Самоучкой онъ одолѣлъ—съ грѣхомъ пополамъ, впрочемъ,—нѣмецкій языкъ, и въ его конторѣ, за стеклянными дверцами ясеневаго шкапчика можно было видѣть ряды томиковъ,—сочиненія Гёте, Шиллера, Гейне и другихъ нѣмецкихъ авторовъ.

— А ты порядкомъ измѣнился,—сказалъ Розенфельдъ, вглядываясь въ сына.—Борода... и угрюмый такой сталъ... Въ твои годы не надо быть угрюмымъ, успѣешь еще... Еще будетъ время намучиться.

— Развѣ еврей можетъ не быть угрюмъ,—вставила Шейна.—Слава Богу, подумать есть о чемъ... Кажется, о чемъ должно передумать еврейское пятилѣтнее дитя, то русскому хлопцу даже до самой свадьбы въ голову не придетъ.

— Во всякомъ случаѣ, сегодня серьезность и всякая тамъ хмурость въ сторону,—весело проговорилъ Розенфельдъ, быстро пересаживаясь на другой стулъ.—Можно себѣ иногда позволить имѣть и свободное лицо.

— Ты правъ, папаша, совершенно правъ.

Яковъ дружески улыбнулся отцу. Онъ и самъ очень не прочь былъ имѣть теперь и „свободное лицо“, и свободную душу. Такъ хотѣлось покоя, такъ нуженъ былъ отдыхъ послѣ семидневнаго путешествія третьимъ классомъ, послѣ массы наблюденій, сопоставленій и размышленій, горькимъ бременемъ навалившихся на сердце за время этого путешествія.

И обстановка была теперь такая, что спокойствіе могло бы пролиться въ душу. Мягкій сумеречный

Hosted by Google

свѣтъ, самоваръ, котораго не видишь за границей, чистая скатерть, всѣ эти домашніе коржики и варенья, и старая, наивная, нѣсколько смѣшная мебель, и нѣжное, ласково-печальное лицо матери, и товарищески-дружелюбный тонъ отца, хоть и посѣдѣвшаго еще сильнѣе, но все же подвижного, бойкаго, и такого милаго, милаго,—все это настраивало на какой-то добродушный, тихій, дружескій ладъ, трогало и умиляло. И хотѣлось упиться этимъ умиленіемъ, хотѣлось хоть на время забыть обо всемъ грозномъ и жуткомъ,—о вопросахъ мучительныхъ, объ идейномъ разладѣ, о томъ, что дѣлается тамъ, за стѣнами этой старенькой столовой, хотѣлось довѣриться ей, родной и ласковой, отдаться, покориться...

Но что-то мѣшало Якову... Что-то жесткое и несдвигающееся давило ему душу, и онъ чувствовалъ себя неловко, стѣсненно. Точно посадили его въ тотъ узкій промежутокъ, между буфетомъ и стѣной, на который невольно устремлялись его глаза...

Его глаза устремлялись туда для того, чтобы не встрѣчаться со взглядами сестры. Соня сидѣла мрачная, тревожная, почти злобная. Было видно, что она осуждаетъ и это чаепитіе, и эти пустые разговоры, тяготится, и съ нетерпѣніемъ ждетъ, когда это окончится. Она походила на большое темное облако, которое въ лѣтній день проносится надъ кроткою нивой, и все разростается, и все чернѣетъ, и оттуда, сверху, высматриваетъ мѣсто, на которое нужно ринуться грознымъ и буйнымъ дождемъ.

— Сонечка, ты сидишь такая надутая, точно Яша у тебя жениха отбилъ, пробовалъ пошутить Розенфельдъ.

Соня сдѣлала видъ, что улыбается, и старику стало стыдно: онъ почувствовалъ, что шутка вышла плоской и неумѣстной...

Послѣ нѣкоторой паузы опять пошли разговоры о

Hosted by Google

пустякахъ, легкіе и вздорные разговоры,—тѣ именно, которые такъ хотѣлось бы вести теперь Якову, и которые, однако же, смущали его и конфузили.

Стемнѣло. Зажгли лампу и убрали самоваръ.

Пришло нѣсколько знакомыхъ и родственниковъ. Уже полъ-города знало о пріѣздѣ Якова, и всѣмъ хотѣлось взглянуть на небо, заграничнаго человѣка. Разговоръ сдѣлался оживленный, шумный. Какъ то незамѣтно исчезла Соня, пропесло облако мимо, и Якову стало легче на душѣ, и онъ болталъ безъ умолку.

Просвѣтлѣло и лицо Шейны, она все топталась около сына и, желая сдѣлать ему что-нибудь пріятное, причиняла массу маленькихъ огорченій и неудобствъ. Но ему отъ всего этого было весело, онъ радостно смѣялся и, разнѣжничавшись, по-дѣтски ласкался къ матери и цѣловалъ ее. А потомъ, вдругъ вспомнивъ, бросился къ чемодану и сталъ вытаскивать изъ него подарки. Матери онъ привезъ шелковый кружевной шарфъ, сестрѣ вѣеръ, отцу табачницу съ видомъ Эйфелевой башни.

Публика осматривала подарки, ощупывала, взвѣшивала на ладони, обмахивалась вѣеромъ, изумлялась и почтительно расхваливала чистоту и изящество заграничной работы. Маклеръ Халапай, глупое, льстивое и плутоватое существо, долго ощупывалъ кружевной шарфъ, съ авторитетнымъ видомъ глубокаго, многоопытнаго знатока, и, чмокая языкомъ и таинственно щуря воровскіе глаза, приставалъ ко всѣмъ.

— Убратите ваше вниманіе!.. Вы только убратите вниманіе!..

Всѣ обращали вниманіе и находили, что дѣйствительно—шарфъ необыковенный. И только одна Марфушка, приходившая накрывать на столъ къ ужину, на подарки почти не взглянула. Она латинскихъ изреченій не знала, о существованіи данайцевъ, дары при-

Hosted by Google

носящихъ, и не подозрѣвала, но отъ врага своихъ хозяевъ не хотѣла и подарка,—даже и для нихъ самихъ.

— Ну, что же вы скажете на моего француза?— развалившись въ креслѣ и совершенно размякнувъ, спрашивалъ гостей счастливый Розенфельдъ.

— Наполёнъ! Настоящій Наполёнъ! - убѣжденно отвѣчалъ знатокъ Халанай.

VII.

Часамъ къ одиннадцати, когда уже отужинали, и гости почти всѣ разошлись, вернулась Соня.

Лицо у нея было крайне усталое, но довольное и веселое. Она подсѣла къ отцу и начала разсказывать о своихъ дѣлахъ. Дѣла шли отлично: число членовъ сіонистскаго кружка возрастало удивительно быстро. Въ субботу прочтетъ рефератъ извѣстный ораторъ Кременецкій, котораго выписали изъ Вильны. Въ сіонистскомъ хедерѣ, гдѣ обучаютъ и воспитываютъ въ строго сіонистскомъ духѣ, успѣхи просто поразительные. Дѣти чудесно читаютъ и говорятъ по-древнееврейски, и невозможно слушать безъ волненія, какъ они на этомъ языкѣ поютъ о близкомъ переселеніи въ св. Землю.

Съ выраженіемъ счастливымъ и умиленнымъ разсказывала обо всемъ этомъ Соня и она совсѣмъ не замѣчала, что дыханіе у нея частое и прерывистое, и что щеки ея горятъ въ лихорадкѣ.

Сначала она обращалась почти исключительно къ отцу, но скоро пересѣла къ брату.

Теперь она говорила съ нимъ тономъ горделивымъ, слегка снисходительнымъ, а временами прорывались у нея нотки чисто отеческія. Она готова была ласково пожурить заблудшаго и въ награду за чистосердечное раскаяніе подарить полной амнистіей... Впрочемъ, эта снисходительность потомъ исчезла, и Соня, вся затоп-

Hosted by Google

ленная нѣжностью и добротой, уже безъ всякихъ заднихъ мыслей и плановъ просто и безхитростно дѣлилась своими радостями съ Яковомъ, и онъ уже не былъ противникомъ, котораго нужно было побѣдить, а единомышленникомъ, добрымъ другомъ, горячо любимымъ братомъ, къ которому такъ и рвалась переполненная, свѣтло настроенная душа, который и посочувствуетъ, и посовѣтуетъ, и порадуется, и загорится вмѣстѣ съ ней при побѣдѣ, и отъ ея же неудачи поникнетъ...

Яковъ странно чувствовалъ себя отъ этого. Все, что говорила сестра, казалось ему наивнымъ, нелѣпымъ. Гнилью и тлѣніемъ, удушливымъ запахомъ плѣсени вѣяло на него отъ ея идеаловъ. Она была на ложномъ пути, на вредномъ пути—и ему хотѣлось это крикнуть ей, объяснить, доказать. И онъ даже не чувствовалъ себя больше усталымъ, и слова и мысли въ немъ клокотали и бились, и рвались наружу.

Но онъ смущенно взглядывалъ на горящія щеки сестры, на ея странно расширившіеся, недобрымъ блескомъ блестѣвшіе глаза,—и холодъ и страхъ проливались къ нему въ сердце, и уста смыкались...

А молчать тоже было трудно. Молчать нельзя было: очевидно, она молчаніе принимаетъ за сочувствіе. Онъ не возражаетъ, не споритъ, значитъ соглашается. Своимъ молчаніемъ онъ поддерживаетъ въ ней это заблужденіе, и это прямо нечестно... И кромѣ того, обидно за свои идеалы, которые попираются этими уродливыми разсужденіями узкой и близорукой сіонистки...

Соня же, ласковая и кроткая, воодушевляясь все больше и больше, и вся сіяя, разсказывала брату, что и сама уже научилась довольно сносно писать по-древнееврейски, что въ Іерусалимѣ устраивается національная библіотека, и что сіонистскіе кружки организовались теперь и въ Пекинѣ, и въ Іоганесбургѣ...

Hosted by Google

— Самые дѣятельные сіонисты—это не Герцль, не Нордау,—не выдержалъ, наконецъ, Яковъ, мрачно смотрѣвшій куда-то въ сторону,—а Суворинъ и Крушеванъ. Породили сіонизмъ, распространяютъ его и укрѣпляютъ не тѣ, кого вы считаете вашими вождями, а тѣ, которые насъ бьютъ. Пусть завтра обстоятельства улучшатся, пусть прекратятся погромы и будетъ удвоена процентная норма въ гимназіяхъ,—и сіонизмъ получитъ самый серьезный ударъ.

Соня быстро, какъ если бы ея внезапно коснулись раскаленнымъ желѣзомъ, вскочила съ дивана.

— Оставь! Оставь!—вскрикнула она, замахавъ руками.

— Пусть уничтожатъ процентную норму совсѣмъ и выпустятъ насъ изъ „черты“, и сіонизмъ очень скоро умретъ естественной смертью,—не мѣняя тона, и съ тѣмъ же сумрачнымъ, упрямымъ лицомъ договорилъ Яковъ.

— Яшенька, ты же такъ усталъ,—встревоженно поднялась вдругъ Шейна:—ты даже не отдохнулъ съ дороги, не полежалъ. Поди, ляжь.

— Да, я пойду...

— Это возмутительно! — съ силой, но вполголоса проговорила Соня, вздернувъ плечами.

Сразу и до послѣднихъ слѣдовъ исчезло ея благодушное, ласковое настроеніе, и цѣлое море вдругъ отдѣлило ее отъ брата...

— Это такъ низменно, такъ жалко,—сказала Соня,—это такъ пошло, что я... что... — она подбѣжала къ Якову.—Это только вы, мелкіе, пошлые, нищіе духомъ люди, можете такъ смотрѣть на вещи. Огромное, великолѣпное движеніе, которое раскинулось по всему земному шару, вы думаете остановить удвоеніемъ процентной нормы, какой-нибудь гнусной взяткой...

— Мы не будемъ останавливать твое огромное дви-

Hosted by Google

женіе,—силясь быть спокойнымъ, сказалъ Яковъ.—Оно само собой остановится.

— Черта, процентная норма, игнатьевскія „временныя правила"—вотъ что васъ тяготитъ!.. Жалкіе вы люди! За чечевичную похлебку гражданскихъ правъ вы продадите и народъ, и его культуру, и его духъ.

— Яшенька, ты же сказалъ...—начала было Шейна.

Но Соня загородила ей дорогу и съ вызывающимъ видомъ стала передъ братомъ. Она встревожена, возмущена была до глубины души. Передъ ней стоялъ теперь не противникъ даже, а врагъ—почти предатель. И слова, которыми она его осыпала, были похожи на вылетающіе изъ кратера раскаленные камни.

— Вы рабы, вы несчастное порожденіе двухтысячелѣтняго ига. Вы любите цѣловать кулакъ, который разбиваетъ вамъ черепъ! И лучшія грезы ваши не идутъ дальше того, что настанетъ когда-нибудь счастливая пора, когда будутъ бить уже не въ лицо, а въ затылокъ. Холопы!

— Васъ называютъ фантазерами, утопистами,—кричалъ Яковъ:—я и такъ васъ не назову. Вы и не безумцы, вы просто человѣчки съ крохотнымъ мозгомъ.

— Постой, постой, Яковъ, вмѣшался старый Розенфельдъ.—Это ты напрасно: среди сіонистовъ есть люди ученые, большіе профессора и знаменитые мыслители...

— Соломонъ! оставь хоть ты!—съ отчаяніемъ бросилась къ мужу Шейна.

— Вотъ какой у нихъ мозгъ,—отмѣрилъ у себя на мизинцѣ Яковъ.—Невѣжды, тупицы...

Съ лицомъ хмурымъ и злымъ онъ доказывалъ, что исторія не знаетъ примѣровъ, когда государства создавались бы по заказу. Люди жили для себя, искали хлѣба, работы, безопасности для семьи, организовывали самозащиту, а государство вырастало потомъ само собою, какъ естественный и неизбѣжный результатъ напряженыхъ заботъ каждаго о своемъ собственномъ

Hosted by Google

благополучіи. Сіонисты же всякаго изголодавшагося, больного, избитаго еврея, еле спасшагося отъ кулака и топора громилы, хотятъ заставить думать и работать не для себя и своихъ дѣтей, а для какого-то химерическаго государства. Прутъ противъ незыблемыхъ законовъ исторіи и природы, и думаютъ, что заставятъ солнце всходить съ запада...

— Исторія не знаетъ примѣровъ! — саркастически восклицала Соня. — Какой ужасъ! Исторія не знаетъ, а мы покажемъ эти примѣры. Вы—рабы, рабы всего, вы рабы и исторіи. Вы ея рабы, а мы ея повелители. Мы сдѣлаемъ то, что до насъ не дѣлалъ никто. Мы и исторіи укажемъ новые пути!..

VIII.

И долго еще стоялъ этотъ споръ подъ кровлей Розенфельдовъ и дѣлался онъ все страстнѣе и бурнѣе.

Спалъ городокъ.

Спали голодные, измученные, униженные люди,— но сонъ не давалъ имъ успокоенія и мира, и они и во снѣ вскрикивали и метались. Вся пережитая боль, весь испытанный ужасъ, вся горькая тоска долгихъ, долгихъ черныхъ дней—отливались въ дикія безумныя видѣнія, и, несчетныя, носились видѣнія подъ низкими потолками смрадныхъ конуръ и давили здѣсь и взрослыхъ, и дѣтей. Чернымъ сномомъ кружились они, побѣдныя и ликующія, и захлебываясь, въ страшномъ молчаніи, пили кровь,—человѣческую кровь... Богъ не останавливалъ жестокаго пира. И только два юныхъ человѣка,— дѣвушка, пораженная смертельной болѣзнью, и ея братъ, быть можетъ, тоже носившій уже въ себѣ страшное имя того же недуга—со страстью, съ гнѣвомъ, съ затаенными слезами, трепеща и сгорая, шли на роковую борьбу..

Рѣзкимъ приступомъ раздирающаго, гулкаго кашля Соню внезапно перегнуло пополамъ, и она быстро схва-

Hosted by Google

тилась за край стола. Спина ея, узкая, сутулая, сильно колыхалась отъ непрекращавшихся внутреннихъ толчковъ, и колыхался и столъ. Звуки кашля, трепетные, зловѣщіе, заполнили комнату и бились во всѣхъ углахъ ея.

— Боже мой, Боже мой!—въ отчаяніи стонала Шейна, прижимая къ груди ладони.—Когда это окончится!..

— Тише, будетъ тебѣ...—вполголоса сказалъ женѣ старый Розенфельдъ, самъ растерянный и возбужденный.—Погоди, сейчасъ они разойдутся... Яковъ?—просительно посмотрѣлъ онъ на сына.—Видишь вѣдь...

— Ухожу, ухожу,—торопливо пробормоталъ Яковъ и взялъ со стола давно приготовленныя для него свѣчку и спички.

— Мы не растворимся!—выпрямилась вдругъ Соня. Она платкомъ вытирала затопленные слезами глаза и мокроту съ губъ.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, мы не растворимся! Въ святую землю, подъ сѣнь вѣковыхъ кедровъ, къ могиламъ великихъ и святыхъ вождей, къ могиламъ пророковъ и царей, слагавшихъ псалмы, поведемъ мы народъ нашъ! И чудо свершится. Всѣ страданія народа, и вся невинно-пролитая кровь его, и слезы его, и живьемъ сожженныя тѣла, и женщины опозоренныя, и съ крынъ на камни сброшенныя дѣти,—всѣ замученные и раздавленные, всѣ стоны ихъ и молитвы, и предсмертные хрипы—все претворится въ радость и сіяніе для грядущихъ поколѣній!.. Говорю тебѣ, что такъ оно будетъ! Чудо должно быть, чудо должно быть!.. И человѣчество пойдетъ за нами, мы озаримъ ему путь! Мы разъ уже дали ему Бога, и мы снова спасемъ его. Впереди всѣхъ пойдемъ мы, я вѣрю! Свѣтлые, сильные, радостные! И умиротворенные народы, обрѣвшіе новаго Бога, послѣдуютъ за нами... И тогда пусть! Пусть тогда наступитъ всеобщее сліяніе, и пусть создастся на землѣ одинъ, единственный и высшій народъ!

Hosted by Google

Соня окончила звонкой, острой нотой. И въ ушахъ Якова эта нота царила еще долго послѣ того, какъ дѣвушка умолкла.

Онъ съ изумленіемъ, потрясенный, смотрѣлъ на сестру.

Какъ высшее, непонятное, откуда-то сверху сошедшее существо, какъ пророкъ, стояла она, вдругъ выросшая, прямая, вся осіянная свѣтомъ энтузіазма, вся преображенная огнемъ вдохновенія. Мощь, великая мощь всесокрушимаго, всепобѣждающаго духа была въ ея глазахъ, въ поднятой кверху рукѣ, въ сверканіи бѣлыхъ и острыхъ зубовъ.

И все приникло въ домѣ и затихло. И только за окномъ какъ будто что-то трепетно шелестѣло, и тамъ становилось свѣтлѣе. Злобные призраки, черным сномомъ носившіеся по спящему городку и терзавшіе его, дрогнули въ испугѣ и стали разсѣеваться и исчезать..

Яковъ стоялъ неподвижно, съ мѣднымъ подсвѣчникомъ въ одной рукѣ, съ полуоткрытой коробкой шведскихъ спичекъ въ другой, и не зналъ, что дѣлать.

Моменты высокаго душевнаго подъема были знакомы и ему, но то, что происходило теперь съ Соней, поразило его и смутило.

— Истерія... бредъ...—подползали къ нему смрадныя, липкія, какъ ящерица, слова. Но онъ раздавилъ ихъ съ омерзѣніемъ и гнѣвомъ.

И ему хотѣлось подойти къ сестрѣ, взять ее за руку... поклониться ей,—но онъ не посмѣлъ... или ему было стыдно... И онъ продолжалъ стоять, съ подсвѣчникомъ и спичками, и не зналъ, что дѣлать.

А у Сони красная капля выступила въ углу рта, и это походило на то, что дѣвушка держала во рту булавку съ коралловой головкой. Мгновеніе кораллъ продержался, потомъ дрогнулъ, покатился внизъ, и на подбородкѣ повисъ, оставивъ на смуглой кожѣ алый слѣдъ.

Hosted by Google

— Дитя мое, Сонечка, доченька!—взмолилась Шейна, схвативъ дочь за обѣ руки:—что хочешь дѣлай со мной... въ другой разъ... въ другой разъ я тебѣ уступлю... а теперь пойдемъ... отдохни.

Соня посмотрѣла на мать,—прямо въ глаза ея,—и лицо у ней сдѣлалось вдругъ скорбнымъ и нѣжнымъ. Она провела платкомъ по подбородку, тихо вздохнула и, поддерживаемая матерью, пошла къ дверямъ.

Яковъ, не шевелясь, исподлобья смотрѣлъ на удалявшуюся сестру; и когда та скрылась за дверью, глаза его продолжали упираться въ притворенную дверь...

Онъ тихо пожалъ потомъ плечами и чиркнулъ спичкой по коробочкѣ. Спичка сломалась, не вспыхнувъ. Яковъ положилъ тогда коробочку на подсвѣчникъ и съ незажженной свѣчой направился въ свою комнату. Шелъ онъ на цыпочкахъ, осторожно опуская ноги, и отчего шелъ такъ—не зналъ, и объ этомъ не думалъ.

И Соломонъ Розенфельдъ тоже безшумно, и какъ будто крадучись, вышелъ изъ этой комнаты и исчезъ въ мутномъ сумракѣ обширной конторы.

Глаза старика полны были странной тревоги, и пальцы судорожно путались въ бѣлой, какъ саванъ, бородѣ...

Всколыхнулось все, встревожилось, бьется и ищетъ выхода, рветъ оковы и съ грохотомъ сноситъ преграды. Молодою кровью орошается крутая дорога, пламенемъ сгорающихъ душъ освѣщается она,—и гдѣ же конецъ, конецъ?

Вокругъ стенанья, вопли, неслыханная и безумная боль... Спитъ городокъ... Черезъ нѣсколько часовъ онъ проснется, — и какъ и вчера, какъ и завтра, день полонъ будетъ униженія, и страха, и скорби, и лишеній,—лишеній, какихъ не можетъ выносить человѣкъ. Больные младенцы припадутъ къ высохшимъ грудямъ изнуренныхъ матерей, и не найдя въ нихъ молока, безъ плача, для котораго тоже вѣдь силы нужны, будутъ корчиться отъ жгучаго голода. И ихъ изсушенныя ма-

Hosted by Google

тери, и ихъ полуживые отцы, посинѣлыми, потрескавшимися губами, блуждая угасшими взорами, въ замираніи страха, въ тоскѣ безпросвѣтности, разбитыми, изъязвленными голосами будутъ что-то говорить, объ эмиграціи, о странахъ на томъ краю океана, о хлѣбѣ, о правдѣ, о жизни...

И о Богѣ будутъ говорить они, о великомъ и милосердомъ Богѣ, все же не оставляющемъ народа своего и посылающемъ ему дѣтей, крѣпкихъ и сильныхъ, —дѣтей, которыя бьются и ищутъ выхода, рвутъ оковы и съ грохотомъ сносятъ преграды, — дѣтей, которыя кровью своею орошаютъ крутую дорогу и пламенемъ сгорающихъ душъ своихъ озаряютъ глубокія дали ея...

И скоро конецъ, конецъ...

IX.

— Соломонъ, — проговорила Шейна, поднимая къ мужу убитое, смоченное слезами лицо. - Соломонъ...

Она уже минутъ пять сидѣла въ конторѣ, на длинной деревянной скамьѣ, но взволнованный, поглощенный своими думами, старикъ Розенфельдъ ея не замѣчалъ.

— Погибли наши дѣти, – съ тихимъ рыданіемъ говорила Шейна:—погибли...

Смертельная скорбь дрожала въ ея голосѣ.

— На старости лѣтъ мы останемся одни... одиноки, какъ камни...

Старикъ молчалъ.

— Людямъ счастье, – продолжала Шейна: — какая-нибудь Меерштейниха, кто она? Кто былъ ея мужъ? процентщикъ, доносчикъ, послѣдній человѣкъ! И ея дѣти кто такія? грубые характеры, мужланы – всѣ вѣдь это скажутъ. А посмотри, какъ они пристроены: одинъ— докторъ, другой—инженеръ и получаетъ шесть тысячъ

Hosted by Google

дочка за агентомъ варшавскаго банка... А наши... Сонечка... если она не оставитъ этого сіонизма.. не знаю, переживетъ ли она осень, а Яша... — Шейна затрепетала:—его у насъ отнимутъ...

Розенфельдъ держался обѣими руками за рукоятку копировальнаго пресса и сумрачно уткнулся глазами въ землю.

— Надо, чтобы мы переговорили съ ними,—вдругъ переставъ плакать сказала Шейна.—Пусть они пожалѣютъ насъ. Я буду на колѣняхъ молить... Я буду землю цѣловать передъ ними, я все сдѣлаю..

— Не поможетъ!—рѣзко оборвалъ Розенфельдъ.—Ничего не поможетъ! Мы ничего не можемъ и они сами тоже ничего не могутъ. Ты понимаешь это?.. Ты сидишь дома, ты не знаешь, что дѣлается.. Черные дни настали на землѣ, какъ гора жизнь давитъ людей. Міръ гибнетъ! Камни кровью залиты, и въ Бугѣ не вода, а кровь человѣческая течетъ.. Идешь по улицѣ, ѣдешь полемъ, ночью гдѣ-нибудь на площади очутишься, никого нѣтъ, а плачъ такъ и звенитъ.. Я знаю? Можетъ быть, это мертвецы плачутъ и молятъ за насъ Бога. Невозможно больше терпѣть, невозможно!..

Старикъ снялъ руки съ копировальнаго пресса и сложилъ ихъ на груди. Въ тускло-освѣщенной, просторной и пустой конторѣ, среди безмолвія ночи, сѣдой, блѣдный, съ сверкающими, смятенными глазами, онъ на разстроенную, убитую Шейну производилъ впечатлѣніе жуткое, пугающее. Онъ казался загадочнымъ, дикимъ; что-то таинственное и опасное было въ немъ, и бѣдная женщина вдругъ сгорбилась вся, съежилась и забилась въ уголъ.

— Невозможно!—шипящимъ шопотомъ сказалъ старикъ, впиваясь въ жену глазами. — Это ледоходъ!.. Выйди во время ледохода на берегъ и поставь заборъ, перегороди льду дорогу,—поможетъ?.. Когда все уже

Hosted by Google

взломилось и ищетъ выхода, и несется впередъ — поможетъ тебѣ?

Старикъ сдѣлалъ шагъ къ женѣ и нагнулъ голову.

— И я и не хочу, чтобы помогло,—отчетливо, раздѣляя слоги и напирая на нихъ, сказалъ онъ.—Дѣти Меерштейнихи, ты говоришь: дѣти доносчика процентщика?.. Пусть! Пусть! А мои дѣти... Моя молодость далека, свою жизнь я потерялъ, я ничего не сдѣлалъ... Я въ конторской передней воспитался, я темный человѣкъ, я остался ничтожнымъ пшеничникомъ. Но меня Богъ благословилъ дѣтьми,—и они пусть идутъ!..

Онъ на мгновеніе остановился.

— Я не знаю, кто изъ нихъ правъ: Яковъ или Соня, но...—Онъ поднялъ кулакъ и сдѣлалъ такой жестъ, какъ если бы забивалъ гвоздь.—Пусть они идутъ! пусть они идутъ!..—съ силой сказалъ онъ и отвернулся.

Онъ отвернулся,—и страхъ вдругъ объялъ его, темный, позорный, въ мучительный трепетъ ввергающій страхъ.

Коралловая капля въ углу сжатаго рта сверкнула во мракѣ, и шопотъ предсмертный прохрипѣлъ, и потянулось подъ погребальное пѣніе черное шествіе... И другое шествіе затуманилось въ глубинѣ, уже не черное, а сѣрое... Кандалы забряцали, сверкнули штыки... Вокругъ снѣга, и льды, и дикіе звѣри, и дикіе люди, и ночь, которой нѣтъ конца, и мука, которой нѣтъ исхода...

Нѣтъ дѣтей, нѣтъ дѣтей нѣтъ дѣтей...

И онъ, старый и больной, всю жизнь страдавшій и носившій ярмо для дѣтей, одинъ остался ко склону дней своихъ съ Шейной, и безъ словъ сидятъ они другъ противъ друга, сдавленные пустотой, замученные думой, одинокіе и нѣмые, какъ камни...

И усталое, высохшее тѣло старика трепетало отъ тяжкаго и ненавистнаго страха.

Нѣтъ дѣтей... нѣтъ дѣтей... нѣтъ дѣтей...

Hosted by Google

X.

А Шейна, поднявъ голову, съ новымъ чувствомъ смотрѣла на мужа...

И ей было страшно, и ей было больно, но что-то бодрое и величавое забилось въ ея груди...

Въ эту минуту она не завидовала Меерштейнихъ.

Понятнымъ сдѣлался мужъ, родные стали вдругъ дѣти, — и въ глазахъ загорѣлось выраженіе гордаго вызова...

Hosted by Google

Леонидъ Андреевъ.

ВОРЪ.

Hosted by Google

Hosted by Google

I.

Ѳедоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи, собрался въ гости къ своей прежней любовницѣ, проституткѣ, жившей верстъ за семьдесятъ отъ Москвы. На вокзалѣ онъ сидѣлъ въ буфетѣ перваго класса, ѣлъ пирожки и пилъ пиво, и ему прислуживалъ человѣкъ во фракѣ; а потомъ, когда всѣ двинулись къ вагонамъ, вмѣшался въ толпу и какъ-то нечаянно, подчиняясь общему возбужденію, вытащилъ кошелекъ у сосѣда, пожилого господина. Денегъ у Юрасова было достаточно, даже много, и эта случайная, необдуманная кража могла только повредить ему. Такъ оно и случилось. Господинъ, кажется, замѣтилъ покражу, потому что очень пристально и странно взглянулъ на Юрасова, и хотя не остановился, но нѣсколько разъ оглянулся на него. Второй разъ онъ увидѣлъ господина уже изъ окна вагона: очень взволнованный и растерянный, со шляпой въ рукахъ, господинъ быстро шелъ по платформѣ и заглядывалъ въ лица, смотрѣлъ назадъ и кого-то искалъ въ окнахъ вагоновъ. Къ счастію, пробилъ третій звонокъ, и поѣздъ тронулся. Юрасовъ осторожно выглянулъ: господинъ, все еще со шляпой въ рукахъ, стоялъ въ концѣ платформы и внимательно осматривалъ пробѣгающіе вагоны, точно отсчитывая ихъ; и въ его толстыхъ ногахъ, разставленныхъ неловко, какъ попало, чувствовалась все та же растерянность и удивленіе. Онъ стоялъ, а ему, вѣроятно, казалось, что онъ идетъ: такъ смѣшно и необыкновенно были разставлены его ноги.

Hosted by Google

Юрасовъ выпрямился, выгнувъ назадъ колѣна, отчего почувствовалъ себя еще выше, прямѣе и молодцоватѣе, и съ ласковой довѣрчивостью обѣими руками расправилъ усы. Усы у него были красивые, огромные, свѣтлые, какъ два золотые серпа, выступавшіе по краямъ лица; и пока пальцы нѣжились пріятнымъ ощущеніемъ мягкихъ и пушистыхъ волосъ, сѣрые глаза съ безпредметной, наивной суровостью глядѣли внизъ—на переплетающіеся рельсы сосѣднихъ путей. Со своими металлическими отблесками и безшумными извивами они похожи были на торопливо убѣгающихъ змѣй.

Сосчитавъ въ уборной украденныя деньги—ихъ оказалось двадцать четыре рубля съ мелочью—Юрасовъ брезгливо повертѣлъ въ рукахъ кошелекъ: былъ онъ старый, засаленный, и плохо закрывался, и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ него пахло духами, какъ будто очень долго онъ находился въ рукахъ женщины. Этотъ запахъ, немного нечистый, но возбуждающій, пріятно напомнилъ Юрасову ту, къ которой онъ ѣхалъ, и улыбнувшись, веселый, безпечный, расположенный къ дружелюбной бесѣдѣ, онъ пошелъ въ вагонъ. Теперь онъ старался быть, какъ всѣ, вѣжливымъ, приличнымъ, скромнымъ: на немъ было надѣто пальто изъ настоящаго англійскаго сукна и желтыя ботинки, и онъ вѣрилъ въ нихъ, въ пальто и въ ботинки, и былъ убѣжденъ, что всѣ принимаютъ его за молодого нѣмца, бухгалтера изъ какого-нибудь солиднаго торговаго дома. По газетамъ онъ всегда слѣдилъ за биржей, зналъ курсъ всѣхъ цѣнныхъ бумагъ, умѣлъ разговаривать о коммерческомъ дѣлѣ, и иногда ему казалось, что онъ, дѣйствительно, не крестьянинъ Ѳедоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи и сидѣвшій въ тюрьмѣ, а молодой порядочный нѣмецъ, по фамиліи Вальтеръ, по имени Генрихъ. Генрихъ—звала его та, къ которой онъ ѣхалъ; товарищи звали его „нѣмцемъ“.

Hosted by Google

— Это мѣсто свободно?—вѣжливо освѣдомился онъ, хотя сразу видно было, что мѣсто свободно, такъ какъ на двухъ диванчикахъ сидѣло только двое, отставной офицеръ, старичокъ, и дама съ покупками, повидимому, дачница. Никто ему не отвѣтилъ, и съ изысканной аккуратностью онъ опустился на мягкія пружины дивана, осторожно вытянулъ длинныя ноги въ желтыхъ ботинкахъ и снялъ шляпу. Потомъ дружелюбно оглядѣлъ старичка-офицера и даму и положилъ на колѣно свою широкую, бѣлую руку такъ, чтобы сразу замѣтили на мизинцѣ перстень съ огромнымъ брилліантомъ. Брилліантъ былъ фальшивый и сверкалъ старательно и голо, и всѣ дѣйствительно замѣтили, но ничего не сказали, не улыбнулись и не стали дружелюбнѣе. Старикъ перевернулъ газету на новую страницу, дама, молоденькая и красивая, уставилась въ окно. И уже со смутнымъ предчувствіемъ, что онъ открытъ, что его опять почему-то не приняли за молодого нѣмца, Юрасовъ тихонько спряталъ руку, которая показалась ему слишкомъ большою и слишкомъ бѣлою, и вполнѣ приличнымъ голосомъ спросилъ:

— На дачу изволите ѣхать?

Дама сдѣлала видъ, что не слышитъ, и что она очень задумалась. Юрасовъ хорошо зналъ это противное выраженіе лица, когда человѣкъ безуспѣшно и злобно прячетъ насторожившееся вниманіе и становится чужимъ, мучительно чужимъ. И, отвернувшись, онъ спросилъ у офицера:

— Будьте любезны справиться въ газетѣ, какъ стоятъ Рыбинскія? Я что-то не припомню.

Старикъ медленно отложилъ газету и, сурово оттянувъ губы книзу, уставился на него подслѣповатыми, какъ будто обиженными глазами.

— Что? Не слышу?

Юрасовъ повторилъ, и пока онъ говорилъ, старательно раздѣляя слова, старикъ-офицеръ неодобрительно

Hosted by Google

оглядѣлъ его, какъ внука, который нашалилъ, или солдата, у котораго не все по формѣ, и понемногу началъ сердиться. Кожа на его черепѣ между рѣдкихъ сѣдыхъ волосъ покраснѣла, и подбородокъ задвигался.

— Не знаю,—сердито буркнулъ онъ.—Не знаю. Ничего тутъ нѣтъ такого. Не понимаю, о чемъ только люди спрашиваютъ.

И уже снова взявшись за газетный листъ, нѣсколько разъ опускалъ его, чтобъ взглянуть сердито на надоѣдливаго господина. И тогда всѣ люди въ вагонѣ показались Юрасову злыми и чуждыми, и странно стало, что онъ сидитъ на мягкомъ пружинномъ диванѣ, и съ глухой тоской и злобой вспомнилось, какъ постоянно и всюду среди порядочныхъ людей онъ встрѣчалъ эту, иногда затаенную, а часто открытую, прямую вражду. На немъ пальто изъ настоящаго англійскаго сукна и желтыя ботинки, и драгоцѣнный перстень, а они какъ будто не видятъ этого, а видятъ что-то другое, свое, чего онъ не можетъ найти ни въ зеркалѣ, ни въ сознаніи. Въ зеркалѣ онъ такой же, какъ всѣ, и даже лучше. На немъ не написано, что онъ крестьянинъ Ѳедоръ Юрасовъ, воръ, трижды судившійся за кражи, а не молодой нѣмецъ Генрихъ Вальтеръ. И это неуловимое, непонятное, предательское, что видятъ въ немъ всѣ, а только онъ одинъ не видитъ и не знаетъ, будитъ въ немъ обычную глухую тревогу и страхъ. Ему хочется бѣжать и, оглядываясь подозрительно и остро, совсѣмъ теперь не похожій на честнаго нѣмца-бухгалтера, онъ выходитъ большими и сильными шагами.

II.

Было начало іюня мѣсяца, и все передъ глазами, до самой дальней неподвижной полоски лѣсовъ, зеленѣло молодо и сильно. Зеленѣла трава, зеленѣли листья

Hosted by Google

на деревьяхъ, зеленѣли посадки въ оголенныхъ еще огородахъ, и все было такъ углублено въ себя, такъ занято собою, такъ глубоко погружено въ молчаливую творческую думу, что если бы у травы и у деревьевъ было лицо, всѣ лица были бы обращены къ землѣ, всѣ лица были бы задумчивы и чужды, всѣ уста были бы скованы огромнымъ, бездоннымъ молчаніемъ. И Юрасовъ, блѣдный, печальный, одиноко стоявшій на зыбкой площадкѣ вагона, тревожно почувствовалъ эту стихійную необъятную думу, и отъ прекрасныхъ, молчаливо загадочныхъ полей на него повѣяло тѣмъ же холодомъ отчужденія, какъ отъ людей въ вагонѣ. Высоко надъ полями стояло небо и тоже смотрѣло въ себя; гдѣ-то за спиной Юрасова заходило солнце и по всему простору земли разстилало длинные, прямые лучи,—и никто не смотрѣлъ на него въ этой пустынѣ, никто не думалъ о немъ и не зналъ. Въ городѣ, гдѣ Юрасовъ родился и выросъ, у домовъ и улицъ есть глаза, и они смотрятъ ими на людей, одни враждебно и зло, другіе ласково,—а здѣсь никто не смотритъ на него и не знаетъ о немъ. И вагоны задумчивы: тотъ, на которомъ находится Юрасовъ, бѣжитъ нагнувшись и сердито покачиваясь; другой, сзади, бѣжитъ не быстрѣе, но медленнѣе, какъ будто самъ собой, и тоже какъ будто смотритъ въ землю и прислушивается. А по низу, подъ вагонами, стелется разноголосый грохотъ и шумъ: то какъ пѣсня, то какъ музыка, то какъ чей-то чужой и непонятный разговоръ—и все о чужомъ, все о далекомъ.

Есть тутъ и люди. Маленькіе, они что-то дѣлаютъ въ этой зеленой пустынѣ, и имъ не страшно. И даже весело имъ: вотъ откуда-то принесся обрывокъ пѣсни, и утонулъ въ грохотѣ и музыкѣ колесъ. Есть тутъ и дома. Маленькіе, они разбросались свободно, и окна ихъ смотрятъ въ поле, прямо въ поле. Если ночью подойти къ окну, то увидишь поле—открытое, свобод-

Hosted by Google

пое, темное поле. И сегодня, и вчера, и каждый день, и каждую ночь проходятъ здѣсь поѣзда, и каждый день раскидывается здѣсь это тихое поле съ маленькими людьми и домами. Вчера Юрасовъ въ эту пору сидѣлъ въ ресторанѣ „Прогрессъ“ и не думалъ ни о какомъ полѣ, а оно было, такое же, какъ сегодня, такое же тихое, красивое, о чемъ-то думающее. Вотъ прошла небольшая роща изъ старыхъ большихъ березъ съ грачиными гнѣздами въ зеленыхъ верхушкахъ. И вчера, пока Юрасовъ сидѣлъ въ ресторанѣ „Прогрессъ“, пилъ водку, галдѣлъ съ товарищами и смотрѣлъ на аквaріумъ, въ которомъ плаваютъ безсонныя рыбы,—все такъ же глубоко-покойно стояли эти березы, и мракъ былъ подъ ними и вокругъ нихъ.

Со странной мыслью, что только городъ—настоящее, а это все призракъ, и что если закрыть глаза, и потомъ открыть ихъ, то никакого поля не будетъ—Юрасовъ крѣпко зажмурился и притихъ. И сразу стало такъ хорошо и необыкновенно, что уже не захотѣлось снова открывать глазъ, да и не нужно было: исчезли мысли и сомнѣнія, и глухая постоянная тревога; тѣло безвольно и сладко колыхалось въ тактъ колыханіямъ вагона, и по лицу нѣжно струился теплый и осторожный воздухъ полей. Онъ довѣрчиво поднималъ пушистые усы и шелестѣлъ въ ушахъ, а внизу подъ ногами разстилался ровный и мелодичный шумъ колесъ, похожій на музыку, на пѣсню, на чей-то разговоръ о далекомъ, грустномъ и миломъ. И Юрасову смутно грезилось, что отъ самыхъ ногъ его, отъ склоненной головы и лица, трепетно чувствующаго мягкую пустоту пространства – начинается зелено-голубая бездна, полная тихихъ словъ и робкой, притаившейся ласки. И такъ странно: какъ будто гдѣ-то далеко шелъ тихій и теплый дождь.

Поѣздъ замедлилъ бѣгъ и остановился на мгновеніе, на одну минуту. И сразу, со всѣхъ сторонъ, Юрасова

Hosted by Google

охватила такая необъятная и сказочная тишина, какъ будто это была не минута, пока стоялъ поѣздъ, а годы, десятки лѣтъ, вѣчность. И все было тихо: темный, маленькій камень, прильнувшій къ желѣзному рельсу, уголъ красной крытой платформы, низенькой и пустынной, трава на откосѣ. Пахло березовымъ листомъ, лугами, свѣжимъ навозомъ—и этотъ запахъ былъ все той же всевременною необъятной тишиною. На смежное полотно, неуклюже цѣпляясь за поручни, соскочилъ какой-то пассажиръ и пошелъ. И такой былъ онъ странный, необыкновенный въ этой тишинѣ, какъ птица, которая всегда летаетъ, а теперь вздумала пойти. Здѣсь нужно летать, а онъ шелъ, и тропинка была длинная, безвѣстная, а шаги его маленькіе и короткіе. И такъ смѣшно перебиралъ онъ ногами — въ этой необъятной тишинѣ.

Безшумно, точно самъ стыдясь своей громогласности, двинулся поѣздъ и только за версту отъ тихой платформы, когда безслѣдно сгинула она въ зелени лѣса и полей, свободно загрохоталъ онъ всѣми звеньями своего желѣзнаго туловища. Юрасовъ въ волненіи прошелся по площадкѣ, такой высокій, худощавый, гибкій, безсознательно расправилъ усы, глядя куда-то вверхъ блестящими глазами, и жадно прильнулъ къ желѣзной задвижкѣ, съ той стороны вагона, гдѣ опускалось за горизонтъ красное, огромное солнце. Онъ что-то нашелъ; онъ понялъ что-то, что всю жизнь ускользало отъ него и дѣлало эту жизнь такой неуклюжею и тяжелой, какъ тотъ пассажиръ, которому нужно было бы летѣть, какъ птицѣ, а онъ шелъ.

— Да, да,—серьезно и озабоченно твердилъ онъ и рѣшительно покачивалъ головою. — Конечно, такъ. Да. Да.

И колеса гулко и разноголосо подтверждали: „Конечно, такъ, да, да“, „Конечно, такъ, да, да“. И какъ будто такъ и нужно было: не говорить, а пѣть,—Юра-

Hosted by Google

совъ запѣлъ сперва тихонько, потомъ все громче и громче, пока не слился его голосъ со звономъ и грохотомъ желѣза. И тактомъ для этой пѣсни былъ стукъ колесъ, а мелодіей—вся гибкая и прозрачная волна звуковъ. Но словъ не было. Они не успѣвали сложиться: далекія, и смутныя, и страшно широкія, какъ поле, они пробѣгали гдѣ-то съ безумной быстротою, и человѣческій голосъ свободно и легко слѣдовалъ за ними. Онъ поднимался и падалъ; и стлался по землѣ, скользя по лугамъ, пронизывая лѣсную чащу; и легко возносился къ небу, теряясь въ его безбрежности. Когда весною выпускаютъ птицу на свободу, она должна летѣть такъ, какъ этотъ голосъ: безъ цѣли, безъ дороги, стремясь исчертить, обнять, почувствовать всю звонкую ширь небеснаго пространства. Такъ, вѣроятно, запѣли бы сами зеленыя поля, если бы дать имъ голосъ; такъ поютъ въ лѣтніе тихіе вечера тѣ маленькіе люди, что копошатся надъ чѣмъ-то въ зеленой пустынѣ.

Юрасовъ пѣлъ, и багровый отсвѣтъ заходящаго солнца горѣлъ на его лицѣ, на его пальто изъ англійскаго сукна и желтыхъ ботинкахъ. Онъ пѣлъ, провожая солнце, и все грустнѣе становилась его пѣсня: какъ будто почувствовала птица всю звонкую ширь небеснаго пространства, содрогнулась невѣдомою тоскою и зоветъ кого-то: прійди.

Солнце зашло, и сѣрая паутина легла на тихую землю и тихое небо. Сѣрая паутина легла на лицо; меркнутъ на немъ послѣдніе отблески заката и мертвѣетъ оно. Прійди ко мнѣ! Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Отчего ты не приходишь? Солнце зашло, и темнѣютъ поля. Такъ одиноко и такъ больно одинокому сердцу. Такъ одиноко, такъ больно. Прійди. Солнце зашло. Темнѣютъ поля. Прійди же, прійди!

Такъ плакала его душа. А поля все темнѣли, и

Hosted by Google

только небо надъ ушедшимъ солнцемъ стало еще свѣтлѣе и глубже, какъ прекрасное лицо, обращенное къ тому, кого любятъ и кто тихо, тихо уходитъ.

III.

Прослѣдовалъ контроль, и кондукторъ вскользь, грубо замѣтилъ Юрасову:

— На площадкѣ стоять нельзя. Идите въ вагонъ.

И ушелъ, сердито хлопнувъ дверью. И такъ же сердито Юрасовъ послалъ ему вдогонку:

— Болванъ!

Ему подумалось, что все это, и грубыя слова, и сердитое хлопанье дверью, все это идетъ оттуда, отъ порядочныхъ людей въ вагонѣ. И снова, чувствуя себя нѣмцемъ, Генрихомъ Вальтеромъ, онъ обидчиво и раздраженно, высоко поднимая плечи, говорилъ воображаемому солидному господину:

— Нѣтъ, какіе грубіяны! Всегда и всѣ стоятъ на площадкѣ, а онъ: нельзя. Чортъ знаетъ, что!

Потомъ была остановка съ ея внезапной и властной тишиною. Теперь, къ ночи, трава и лѣсъ пахли еще сильнѣе, и сходившіе люди уже не казались такими смѣшными и тяжелыми: прозрачныя сумерки точно окрылили ихъ, и двѣ женщины въ свѣтлыхъ платьяхъ, казалось, не пошли, а полетѣли, какъ лебеди. И снова стало хорошо и грустно, и захотѣлось пѣть—но голосъ не слушался, на языкъ подвертывались какія-то ненужныя и скучныя слова, и пѣсня не выходила. Хотѣлось задуматься, заплакать сладко и безутѣшно, а вмѣсто того, все представлялся какой-то солидный господинъ, которому онъ говоритъ вразумительно и вѣско:

— А вы замѣтили, какъ поднимаются Сормовскія?

И темныя, сдвинувшіяся поля снова думали о чемъ-то своемъ, были непонятны, холодны и чужды. Разно-

Hosted by Google

голосо и безтолково толкались колеса, и казалось, что всѣ они цѣпляются другъ за друга и другъ другу мѣшаютъ. Что-то стучало между ними и скрипѣло ржавымъ скрипомъ, что-то отрывисто шаркало: было похоже на толпу пьяныхъ, глупыхъ, безтолково блуждающихъ людей. Потомъ эти люди стали собираться въ кучку, перестраиваться, и всѣ запестрѣли яркими кафе-шантанными костюмами. Потомъ двинулись впередъ и всѣ разомъ пьянымъ, разгульнымъ хоромъ гаркнули:

— Маланья моя, лупо-гла-за-я...

Такъ омерзительно живо вспомнилась Юрасову эта пѣсня, которую онъ слышалъ во всѣхъ городскихъ садахъ, которую пѣли его товарищи и онъ самъ, что захотѣлось отмахиваться отъ нея руками, какъ отъ чего-то живого, какъ отъ камней, брошенныхъ изъ-за угла. И такая жестокая власть была въ этихъ жутко-безсмысленныхъ словахъ, липкихъ и наглыхъ, что весь длинный поѣздъ сотнею крутящихся колесъ подхватилъ ихъ:

— Маланья моя, лупо-гла-зая...

Что-то безформенное и чудовищное, мутное и липкое тысячами толстыхъ губъ присасывалось къ Юрасову, цѣловало его мокрыми нечистыми поцѣлуями, гоготало. И орало оно тысячами глотокъ, свистало, выло, клубилось по землѣ, какъ бѣшеное. Широкими круглыми рожами представлялись колеса, и сквозь безстыжій смѣхъ, уносясь въ пьяномъ вихрѣ, каждое стучало и выло:

— Маланья моя, лупоглазая...

И только поля молчали. Холодныя и спокойныя, глубоко погруженныя въ чистую творческую думу, они ничего не знали о человѣкѣ далекаго каменнаго города, и чужды были его душѣ, встревоженной и ошеломленной мучительными воспоминаніями. Поѣздъ уносилъ Юрасова впередъ, а эта наглая и безсмысленная пѣсня

Hosted by Google

звала его назадъ, въ городъ, тащила грубо и жестоко, какъ бѣглеца — неудачника, пойманнаго на порогѣ тюрьмы. Онъ еще упирается, онъ еще тянется руками къ неизвѣданному счастливому простору, а въ головѣ его уже встаютъ, какъ роковая неизбѣжность, жестокія картины неволи среди каменныхъ стѣнъ и желѣзныхъ рѣшетокъ. И то, что поля такъ холодны и равнодушны и не хотятъ ему помочь, какъ чужому, наполняетъ Юрасова чувствомъ безысходнаго одиночества. И Юрасовъ пугается—такъ неожиданно, такъ огромно и ужасно это чувство, выбрасывающее его изъ жизни, какъ мертваго. Если бы онъ заснулъ на тысячу лѣтъ и проснулся среди новаго міра и новыхъ людей, онъ не былъ бы болѣе одинокъ, болѣе чуждъ всему, чѣмъ теперь. Онъ хочетъ вызвать въ памяти что-нибудь близкое, милое, но его нѣтъ, а наглая пѣсня реветъ въ порабощенномъ мозгу и родитъ печальныя и жуткія воспоминанія, бросающія тѣнь на всю его жизнь. Вотъ тотъ же садъ, гдѣ пѣли эту „Маланью“. И въ этомъ саду онъ укралъ что-то, и его ловили, и всѣ были пьяны: и онъ, и тѣ, кто гнались за нимъ съ крикомъ и свистомъ. Онъ спрятался гдѣ-то, въ какомъ-то темномъ углу, въ черной дырѣ, и его потеряли. Онъ долго сидѣлъ тамъ, возлѣ какихъ-то старыхъ досокъ, изъ которыхъ торчали гвозди, рядомъ съ развалившейся бочкою засохшей извести; чувствовались свѣжесть и покой разрыхленной земли и молодымъ тополемъ сильно пахло, а по дорожкамъ, недалеко отъ него, гуляли разодѣтые люди, и музыка играла. Прошла мимо сѣрая кошка, задумчивая, равнодушная къ говору и музыкѣ,—такая неожиданная въ этомъ мѣстѣ. И она была добрая кошка: Юрасовъ позвалъ ее: „кысъ-кысъ“, и она подошла, помурлыкала, потерлась у его колѣнъ и дала поцѣловать себя въ мягкую мордочку, пахнувшую мѣхомъ и селедкой. Отъ его поцѣлуевъ она зачхала и ушла, такая важная и

Hosted by Google

равнодушная, какъ высокопоставленная дама, а онъ послѣ этого вылѣзъ изъ своей засады, и его схватили.

Но тамъ была хоть кошка, а здѣсь только равнодушныя и сытыя поля, и Юрасовъ начинаетъ ненавидѣть ихъ всею силою своего одиночества. Если бы дать ему силу, онъ забросалъ бы ихъ камнями; онъ собралъ бы тысячу людей и велѣлъ бы вытоптать догола эту нѣжную, лживую зелень, которая всѣхъ радуетъ, а изъ его сердца пьетъ послѣднюю кровь. Зачѣмъ онъ поѣхалъ? Теперь онъ сидѣлъ бы въ ресторанѣ „Прогрессъ“ и пилъ бы вино, и разговаривалъ, и смѣялся. И онъ начинаетъ ненавидѣть ту, къ которой ѣдетъ, убогую и грязную подругу своей грязной жизни. Теперь она богатая, и сама содержитъ дѣвушекъ для продажи; она любитъ его и даетъ ему денегъ, сколько онъ захочетъ, а онъ пріѣдетъ и изобьетъ ее до крови, до поросячьяго визга. А потомъ онъ напьется пьянъ и будетъ плакать, душить себя за горло и пѣть, рыдая:

— Маланья моя...

Но колеса уже не поютъ. Устало, какъ больныя дѣти, они жалобно рокочутъ и точно жмутся другъ къ другу, ища ласки и покоя. Съ высоты спокойно глядитъ на него строгое звѣздное небо и со всѣхъ сторонъ обнимаетъ его строгая, дѣвственная тьма полей, и одинокіе огоньки въ ней — какъ слезы чистой жалости на прекрасномъ задумчивомъ лицѣ. А далеко впереди маячитъ зарево станціонныхъ огней, и оттуда, отъ этого свѣтлаго пятна, вмѣстѣ съ теплымъ и свѣжимъ воздухомъ ночи, прилетаютъ мягкіе и нѣжные звуки музыки. Кошмаръ исчезъ,—и съ привычной легкостью человѣка, который не имѣетъ мѣста на землѣ, Юрасовъ сразу забываетъ его и взволнованно прислушивается, улавливая знакомую мелодію.

— Танцуютъ!—говоритъ онъ и вдохновенно улыбается и счастливыми глазами оглядывается кругомъ,

Hosted by Google

поглаживая себя руками, точно обмываясь.—Танцуютъ! Ахъ ты, чортъ возьми. Танцуютъ!

Расправляетъ плечи, незамѣтно выгибается въ тактъ знакомому танцу, весь наполняется живымъ чувствомъ ритмическаго, красиваго движенія. Онъ очень любитъ танцы, и, когда танцуетъ, становится очень добръ, ласковъ и нѣженъ, и уже не бываетъ ни нѣмцемъ Генрихомъ Вальтеромъ, ни Ѳедоромъ Юрасовымъ, воромъ, котораго постоянно судятъ за кражи, а кѣмъ-то третьимъ, о комъ онъ ничего не знаетъ. И когда съ порывомъ вѣтра рой звуковъ уносится въ темное поле — Юрасовъ пугается, что это навсегда, и чуть не плачетъ. Но еще болѣе громкими и радостными, словно силъ набравшись въ темномъ полѣ, возвращаются умчавшіеся звуки, и Юрасовъ счастливо улыбается:

— Танцуютъ. Ахъ ты, чортъ возьми!

IV.

Возлѣ самой станціи танцовали. Дачники устроили балъ: пригласили музыку, навѣшали вокругъ площадки красныхъ и синихъ фонариковъ, загнавъ ночную тьму на самую верхушку деревьевъ. Гимназисты, барышни въ свѣтлыхъ платьяхъ, студенты, какой-то молоденькій офицеръ со шпорами, такой молоденькій, какъ будто онъ нарочно нарядился военнымъ,—плавно кружились по широкой площадкѣ, поднимая песокъ ногами и развѣвающимися платьями. При обманчивомъ, сумеречномъ свѣтѣ фонариковъ всѣ люди казались красивыми, а сами танцующіе — какими-то необыкновенными существами, трогательными въ своей воздушности и чистотѣ. Кругомъ ночь, а они танцуютъ; если только на десять шаговъ отойти въ сторону отъ круга, необъятный всевластный мракъ поглотитъ

Hosted by Google

человѣка,—а они танцуютъ, и музыка играетъ для нихъ такъ обаятельно, такъ задумчиво и нѣжно.

Поѣздъ стоитъ пять минутъ, и Юрасовъ вмѣшивается въ толпу любопытныхъ: темнымъ безцвѣтнымъ кольцомъ облегли они площадку и цѣпко держатся за проволоку, такіе непутные, безцвѣтные. И одни изъ нихъ улыбаются странною осторожною улыбкой, другіе хмуры и печальны—той особенной блѣдной печалью, какая родится у людей при видѣ чужого весе́лья. Но Юрасову весело: вдохновеннымъ взглядомъ знатока онъ приглядывается къ танцорамъ, одобряетъ, легонько притоптываетъ ногой и внезапно рѣшаетъ:

— Не поѣду. Останусь танцовать!

Изъ круга, небрежно раздвигая толпу, выходятъ двое: дѣвушка въ бѣломъ и высокій юноша, почти такой же высокій, какъ Юрасовъ. Вдоль полусонныхъ вагоновъ, въ конецъ досчатой, платформы, гдѣ сторожко насупился мракъ, идутъ они, красивые, и какъ будто несутъ съ собою частицу свѣта: Юрасову положительно кажется, что дѣвушка свѣтится—такъ бѣло ея платье, такъ черны брови на ея бѣломъ лицѣ. Съ увѣренностью человѣка, который хорошо танцуетъ, Юрасовъ нагоняетъ идущихъ и спрашиваетъ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ здѣсь можно достать билеты на танцы?

У юноши нѣтъ усовъ. Строгимъ взглядомъ въ полъоборота онъ окидываетъ Юрасова и отвѣчаетъ:

— Здѣсь только свои.

— Я проѣзжій. Меня зовутъ Генрихъ Вальтеръ.

— Вамъ же сказано: здѣсь только свои.

— Меня зовутъ Генрихъ Вальтеръ, Генрихъ Вальтеръ.

— Послушайте! — юноша угрожающе останавливается, но дѣвушка въ бѣломъ увлекаетъ его. Если бы она только взглянула на Генриха Вальтера! Но она не смотритъ и, вся бѣлая, свѣтящаяся, какъ облако про-

Hosted by Google

тиву луны, долго еще свѣтится во мракѣ, и безшумно таетъ въ немъ.

— И не надо!—гордо вслѣдъ имъ шепчетъ Юрасовъ, а въ душѣ его становится такъ бѣло и холодно, какъ будто снѣгъ тамъ выпалъ—бѣлый, чистый, мертвый снѣгъ. Поѣздъ еще стоитъ почему-то, и Юрасовъ прохаживается вдоль вагоновъ, такой красивый, строгій и важный въ своемъ холодномъ отчаяніи, что теперь никто не принялъ бы его за вора, трижды судившагося за кражи и много мѣсяцевъ сидѣвшаго въ тюрьмѣ. И онъ спокоенъ, все видитъ, все слышитъ и понимаетъ, и только ноги у него, какъ резиновыя - не чувствуютъ земли, да въ душѣ что-то умираетъ, тихо, спокойно, безъ боли и содроганія. Вотъ и умерло оно.

Музыка снова играетъ, и въ ея плавные танцующіе звуки вмѣшиваются отрывки страннаго пугающаго разговора:

— Слушайте, кондукторъ, отчего не идетъ поѣздъ?

Юрасовъ замедляетъ шаги и вслушивается. Кондукторъ сзади равнодушно отвѣчаетъ:

— Стоитъ, стало быть, есть причина. Машинистъ танцовать пошелъ.

Пассажиръ смѣется и Юрасовъ идетъ дальше. На обратномъ пути онъ слышитъ, какъ два кондуктора говорятъ:

— Будто онъ въ этомъ поѣздѣ.

— А кто же его видѣлъ?

— Да никто не видалъ. Жандармъ сказывалъ.

— Вретъ твой жандармъ, вотъ что. Тоже не глупѣе его люди...

Бьетъ звонокъ, и Юрасовъ одну минуту въ нерѣшимости. Но съ той стороны, гдѣ танцы, идетъ дѣвушка въ бѣломъ съ кѣмъ-то подъ руку, и онъ вскакиваетъ на площадку и переходитъ на другую ея сторону. Такъ онъ и не видитъ ни дѣвушки въ бѣломъ

Hosted by Google

ни танцующихъ: только музыка на одно мгновеніе обдастъ его затылокъ волною горячихъ звуковъ, и все пропадаетъ въ темнотѣ и молчаніи ночи. Онъ одинъ на зыбкой площадкѣ вагона, среди смутныхъ силуэтовъ ночи; все движется, все идетъ куда-то, не задѣвая его, такое постороннее и призрачное, какъ образы сна для спящаго человѣка.

V.

Толкнувъ дверью Юрасова и не замѣтивъ его, черезъ площадку быстро прошелъ кондукторъ съ фонаремъ и скрылся за слѣдующей дверью. Ни его шаговъ, ни даже хлопанья двери не было слышно за грохотомъ поѣзда, но вся его смутная, расплывающаяся фигура съ торопливыми, наступающими движеніями произвела впечатлѣніе мгновеннаго, рѣзко оборваннаго вскрика. Юрасовъ похолодѣлъ, что-то быстро соображая—и, какъ огонь, вспыхнула въ его мозгу, въ его сердцѣ, во всемъ его тѣлѣ одна огромная и страшная мысль: его ловятъ. О немъ телеграфировали, его видѣли, его узнали, и теперь ловятъ по вагонамъ. Тотъ „онъ“, о которомъ такъ загадочно говорили кондуктора, есть именно Юрасовъ; и такъ страшно—узнать и найти себя въ какомъ-то безличномъ „онъ“, о которомъ говорятъ посторонніе незнакомые люди.

И теперь они продолжаютъ говорить о „немъ“, ищутъ „его“. Да, тамъ, отъ послѣдняго вагона идутъ, онъ чувствуетъ это чутьемъ опытнаго звѣря. Трое или четверо, съ фонарями, они разсматриваютъ пассажировъ, заглядываютъ въ темные углы, будятъ спящихъ, шепчутся между собою—и шагъ за шагомъ, съ роковой постепенностью, съ безпощадной неизбѣжностью приближаются къ „нему“, къ Юрасову, къ тому, кто стоитъ на площадкѣ и прислушивается, вытянувъ шею.

Hosted by Google

И поѣздъ несется съ свирѣпой быстротой, и колеса уже не поютъ и не говорятъ. Они кричатъ желѣзными голосами, они шепчутся потаенно и глухо, они визжатъ въ дикомъ упоеніи злобою—остервенѣлая стая разбуженныхъ псовъ.

Юрасовъ стискиваетъ зубы и, принуждая себя къ неподвижности, соображаетъ: спрыгнуть при такой быстротѣ нельзя, до ближайшей остановки еще далеко: нужно пройти на передъ поѣзда и тамъ ждать. Пока они обыщутъ всѣ вагоны, можетъ что-нибудь случиться—та же остановка или замедленіе хода, и онъ соскочитъ. И въ первую дверь онъ входитъ спокойно, улыбаясь, чтобы не казаться подозрительнымъ, держа наготовѣ изысканно вѣжливое и убѣдительное „pardon!"—но въ полутемномъ вагонѣ третьяго класса такъ людно, такъ перепутано все въ хаосѣ мѣшковъ, сундуковъ, отовсюду протянутыхъ ногъ, что онъ теряетъ надежду добраться до выхода и теряется въ чувствѣ новаго неожиданнаго страха. Какъ пробиться сквозь эту стѣну? Люди спятъ, но ихъ цѣпкія ноги отовсюду тянутся къ проходу и загораживаютъ его: онѣ выходятъ откуда-то снизу, онѣ свисаютъ съ полокъ, задѣвая голову и плечи, онѣ перекидываются съ одной лавочки на другую—вялыя, какъ будто податливыя и страшно враждебныя въ своемъ стремленіи вернуться на прежнее мѣсто, принять прежнюю позу. Какъ пружины, онѣ сгибаются и выпрямляются вновь, грубо и мертво толкая Юрасова, наводя на него ужасъ своимъ безсмысленнымъ и грознымъ сопротивленіемъ. Наконецъ, онъ у двери, но, какъ желѣзные болты, ее преграждаютъ двѣ ноги въ огромныхъ сборчатыхъ сапогахъ; злобно отброшенныя, онѣ упрямо и тупо возвращаются къ двери, упираются въ нее, выгибаются такъ, будто у нихъ совсѣмъ нѣтъ костей—и въ узенькую щель едва пролѣзаетъ Юрасовъ. Онъ думалъ, что это уже площадка, а это только новое отдѣленіе вагона—

Hosted by Google

съ тою же частою сѣтью нагроможденныхъ вещей и точно оторванныхъ человѣческихъ членовъ. И когда, пагнувшись, какъ быкъ, онъ добирается до площадки, глаза его безсмысленны, какъ у быка, и темный ужасъ животнаго, которое преслѣдуютъ, и оно ничего не понимаетъ, охватываетъ его чернымъ заколдованнымъ кругомъ. Онъ дышетъ тяжело, прислушивается, ловитъ въ грохотѣ колесъ звуки приближающейся погони и, пагнувшись, какъ быкъ, превозмогая ужасъ, идетъ къ темной, безмолвной двери. А за нею снова безтолковая борьба, снова безсмысленное и грозное сопротивленіе злыхъ человѣческихъ ногъ.

Въ вагонѣ перваго класса, въ узкомъ корридорчикѣ, столпилась у открытаго окна кучка знакомыхъ между собою пассажировъ, которымъ не спится. Они стоятъ, сидятъ на выдвинутыхъ лавочкахъ, и одна молоденькая дама съ вьющимися волосами смотритъ въ окно. Вѣтеръ колышетъ занавѣску, отбрасываетъ назадъ колечки волосъ, и Юрасову кажется, что вѣтеръ пахнетъ какими-то тяжелыми, искусственными, городскими духами.

— Pardon!—говоритъ онъ съ тоскою.—Pardon!

Мужчины медленно и неохотно разступаются, оглядывая недружелюбно Юрасова; дама въ окошкѣ не слышитъ, и другая смѣшливая дама долго трогаетъ ее за круглое обтянутое плечо. Наконецъ, она поворачивается и, прежде чѣмъ дать дорогу, медленно и страшно долго осматриваетъ Юрасова, его желтыя ботинки и пальто изъ настоящаго англійскаго сукна. Въ глазахъ у нея темнота ночи, и она щурится, точно раздумывая, пропустить этого господина или нѣтъ.

— Pardon!—говоритъ Юрасовъ умоляюще, и дама съ своей шелестящей шелковой юбкою неохотно придвигается къ стѣнѣ.

А потомъ снова эти ужасные вагоны третьяго класса—какъ-будто уже десятки, сотни ихъ прошелъ онъ, а впереди новыя площадки, новыя неподатливыя двери

Hosted by Google

и цѣпкія, злыя, свирѣпыя ноги. Вотъ, наконецъ, послѣдняя площадка, и передъ нею темная, глухая стѣна багажнаго вагона, и Юрасовъ на минуту замираетъ, точно перестаетъ существовать совсѣмъ. Что-то бѣжитъ мимо, что-то грохочетъ, и покачивается полъ подъ сгибающимися, дрожащими ногами.

И вдругъ онъ чувствуетъ: стѣна, холодная и твердая стѣна, на которую онъ измученно оперся, тихо и настойчиво отталкиваетъ его. Толкнетъ, и снова толкнетъ—какъ живая, какъ хитрый и осторожный врагъ, несмѣющій напасть открыто. И все то, что испыталъ и увидѣлъ Юрасовъ, сплетается въ его мозгу въ одну дикую картину огромной безпощадной погони. Ему кажется, что весь міръ, который онъ считалъ равнодушнымъ и чужимъ, теперь поднялся и гонится за нимъ, задыхаясь и стеная отъ злобы: и эти сытыя, враждебныя поля, и задумчивая дама въ окошкѣ, и эти переплетающіяся, тупо упрямыя и злыя ноги. Они сейчасъ сонны и вялы, но ихъ поднимутъ, и всею своей топочущей громадой онѣ устремятся за нимъ, прыгая, скача, давя все, что встрѣтится на пути. Онъ одинъ—а ихъ тысячи, ихъ милліоны, онѣ весь міръ: онѣ сзади его и впереди, и со всѣхъ сторонъ, и иногда нѣтъ отъ нихъ спасенья.

Вагоны мчатся, раскачиваются бѣшено, толкаются и похожи они на бѣшеныхъ желѣзныхъ чудовищъ, на коротенькихъ ножкахъ, которыя согнулись, хитро прилегли къ землѣ и гонятся. На площадкѣ темно, и нигдѣ нѣтъ намека на свѣтъ, а то, что проносится передъ глазами безформенно, мутно и непонятно. Какія-то тѣни на длинныхъ, задомъ шагающихъ ногахъ, какія-то призрачныя груды, то подступающія къ самому вагону, то мгновенно исчезающія въ ровномъ, безграничномъ мракѣ. Умерли зеленыя поля и лѣсъ, однѣ ихъ зловѣщія тѣни безшумно рѣютъ надъ грохочущимъ поѣздомъ, а тамъ за нѣсколько вагоновъ сзади,

Hosted by Google

быть можетъ, за четыре, быть можетъ, только за одинъ, также безшумно крадутся тѣ. Трое или четверо, съ фонаремъ, они осторожно разсматриваютъ пассажировъ, переглядываются, шепчутся и съ дикой, смѣшной и жуткой медленностью подвигаются къ нему. Вотъ они растворили еще однѣ двери .. еще однѣ двери...

Послѣднимъ усиліемъ воли Юрасовъ принуждаетъ себя къ спокойствію и, медленно оглядѣвшись, лѣзетъ на крышу вагона. Онъ всталъ на узенькую желѣзную полоску, закрывающую входъ и перегнувшись, закинулъ руки вверхъ: онъ почти виситъ надъ мутною, живою, зловѣщей пустотой, охватывающей холоднымъ вѣтромъ его ноги. Руки скользятъ по желѣзу крыши, хватаются за желобъ, и онъ мягко гнется, какъ бумажный; ноги тщетно ищутъ опоры и желтыя ботинки, твердыя, словно дерево, безнадежно трутся вокругъ гладкаго, такого же твердаго столба — и одну секунду Юрасовъ переживаетъ чувство паденія. Но уже въ воздухѣ, изогнувшись тѣломъ, какъ падающая кошка, онъ мѣняетъ направленіе и попадаетъ на площадку, одновременно ощущая сильную боль въ колѣнѣ, которымъ обо что-то ударился, и слыша трескъ разрывающейся матеріи. Это зацѣпилось и разорвалось пальто. И не думая о боли, и не думая ни о чемъ, Юрасовъ ощупываетъ вырванный клокъ, какъ будто это самое важное, печально качаетъ головой и причмокиваетъ: тсс!..

Послѣ неудачной попытки Юрасовъ слабѣетъ и ему хочется лечь на полъ, заплакать и сказать: берите меня. И онъ уже выбираетъ мѣсто, гдѣ бы лечь, когда въ памяти встаютъ вагоны и переплетающіяся ноги, и онъ ясно слышитъ: тѣ, трое или четверо, съ фонарями, идутъ. И снова безсмысленный животный ужасъ овладѣваетъ имъ и бросаетъ его по площадкѣ, какъ мячъ, отъ одного конца къ другому. И уже снова онъ хочетъ, безсознательно повторяясь, лѣзть на крышу вагона — когда огненный, хриплый, широкозѣвный ревъ,

Hosted by Google

не то свистъ, не то крикъ, ни на что не похожій, врывается въ его уши и гаситъ сознаніе. То засвисталъ надъ головой паровозъ, привѣтствуя встрѣчный поѣздъ, а Юрасову почудилось что-то безконечно ужасное, послѣднее въ ужасѣ своемъ, безповоротное. Какъ будто міръ настигъ его и всѣми своими голосами выкрикнулъ одно огромное:

— А-га-а-а!..

И когда изъ мрака впереди пронесся отвѣтный, все растущій, все приближающійся ревъ, и на рельсы смежнаго полотна легъ вкрадчивый свѣтъ надвигающагося курьерскаго поѣзда, онъ отбросилъ желѣзную перекладину и спрыгнулъ туда, гдѣ совсѣмъ близко змѣились освѣщенные рельсы. Больно ударился обо что-то зубами, нѣсколько разъ перевернулся, и когда поднялъ лицо со смятыми усами и беззубымъ ртомъ, — прямо надъ нимъ висѣли три какіе-то фонаря, три неяркія лампы за выпуклыми стеклами.

Значенія ихъ онъ не понялъ.

Hosted by Google

Hosted by Google

М. ГОРЬКІЙ.

РАЗСКАЗЪ ФИЛИППА ВАСИЛЬЕВИЧА.

Hosted by Google

Hosted by Google

...Я сидѣлъ въ городскомъ саду на скамьѣ подъ деревьями, вѣтеръ сердито встряхивалъ черныя мокрыя вѣтви надъ моей головой и, срывая послѣдніе листья, уносилъ ихъ подъ гору къ широкой мутной рѣкѣ, а рѣка дышала въ небо сырымъ холодомъ.

За рѣкой, въ желтомъ бархатѣ поблекшей травы, блестѣло маленькое озеро, въ немъ печально отражалось тусклое небо осени: въ небѣ таялъ блѣдный дискъ луны. Солнце давно опустилось за темную стѣну далекаго лѣса, и багровая полоса зари, среди тяжелыхъ сизыхъ тучъ, казалась огненнымъ потокомъ въ тѣснинахъ горъ.

— Послушайте...—тихо сказалъ кто-то около меня.

Я обернулся—у скамьи стоялъ высокій, плохо одѣтый молодой человѣкъ; шумъ деревьевъ заглушилъ его шаги, и я не слышалъ, когда онъ подошелъ.

— Дайте мнѣ на хлѣбъ!—продолжалъ онъ, понижая голосъ. Голова его наклонилась, онъ отступилъ на шагъ, но шляпы не снялъ. Это понравилось мнѣ. Я молча сунулъ руку въ карманъ.

— Не много!—быстро предупредилъ онъ и гордо поднялъ голову.—Вы думаете — попрошайка? Нѣтъ... просто безъ работы... очень голоденъ... Вѣрите?

— Вѣрю,—сказалъ я.

Лицо у него было скуластое, глаза большіе, мягкосѣрые, глубоко ушедшіе подъ высокій лобъ.

— Спасибо!—угрюмо отвѣтилъ онъ, принимая деньги длинной рукой, дрожащей отъ холода или стыда:— Спасибо... Теперь пойду ѣсть...

Hosted by Google

Я всталъ и пошелъ рядомъ съ нимъ. Мнѣ что-то правилось въ немъ, онъ возбуждалъ мое любопытство, поэтому я спросилъ его:

— Не могу ли я быть болѣе полезнымъ для васъ?

— Найдите работу!—быстро воскликнулъ онъ.—Можете?

— Попробую...

— Я стосковался о работѣ, какъ о хлѣбѣ,—говорилъ онъ, шагая рядомъ со мной.—Мнѣ тяжело и стыдно просить... я могу работать! Но въ этомъ городѣ—людей больше, чѣмъ работы... какъ вездѣ!—И онъ усмѣхнулся...

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я.

— Платонъ Багровъ... Я, видите ли, крестьянинъ, кончилъ сельскую школу, я хорошо учился, и учительница очень любила меня... Ей удалось уговорить старушку-помѣщицу отдать меня въ гимназію...

Подъ глазами у него были большія темныя пятна. Его носъ хрящеватый, съ горбинкой, покраснѣлъ отъ холода. Юноша засунулъ руки въ карманы старыхъ брюкъ, согнулъ спину и зябко передергивалъ широкими плечами. Тонкій пиджакъ, застегнутый до горла, высокіе стоптанные сапоги и старая, измятая шляпа дѣлали его похожимъ на шарманщика. Говорилъ онъ спокойно, безъ грусти, безъ жалобы въ голосѣ и такъ, точно онъ самъ внимательно вслушивался въ свою рѣчь и провѣрялъ ее.

— Въ гимназіи я былъ четыре года; когда я сидѣлъ во второмъ классѣ, умерла мать—заплуталась въ полѣ и замерзла; отецъ умеръ еще раньше, а когда перешелъ въ четвертый, умерла эта помѣщица... Наслѣдники ея уже не захотѣли платить за меня, и пришлось уйти изъ гимназіи... На этомъ мое образованіе кончилось...

Какая-то дама, обогнавъ, толкнула его—онъ быстро

Hosted by Google

вскинулъ голову, посмотрѣлъ на нее, поднялъ руку къ шляпѣ и глухо сказалъ:

— Извините!

Дама, не оглянувшись на него, прошла. Онъ плотно сжалъ губы и потомъ, улыбаясь, сказалъ:

— Какъ люди привыкли толкать другъ друга... какъ будто—толкнуть, это ничего не значитъ...

Мы пришли въ трактиръ, заняли столикъ въ углу маленькой комнатки, прокопченной табакомъ, я спросилъ себѣ пива, а онъ, ожидая, когда ему принесутъ ѣсть, вполголоса разсказывалъ мнѣ, осматриваясь вокругъ:

— Первое время я жилъ у одного изъ сторожей гимназіи, потомъ онъ устроилъ меня въ бакалейную лавочку мальчикомъ, но мой хозяинъ оказался пьяница и драчунъ—я ушелъ отъ него...

Половой поставилъ на столъ тарелку съ хлѣбомъ. Платонъ тотчасъ же взялъ кусокъ, но рука у него странно дрогнула, онъ быстро взглянулъ на меня, положилъ хлѣбъ обратно и продолжалъ, опустивъ голову:

— Тогда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, теперь — девятнадцать, черезъ два года надо идти въ солдаты. За пять лѣтъ я очень много видѣлъ, жилъ въ разныхъ городахъ, работалъ у водопроводчика, садовника, былъ разсыльнымъ въ редакціи одной южной газеты, ловилъ рыбу въ Азовскомъ морѣ, былъ и на Каспіѣ—много я испыталъ! Смотрѣлъ, думалъ... и —знаете—плохо устроена жизнь!

Половой принесъ миску чего-то мутнаго и крѣпко пахучаго. Платонъ глубоко и жадно потянулъ носомъ воздухъ, подвинулъ обѣими руками миску къ себѣ, и, не прерывая рѣчь, сталъ наливать супъ въ тарелку.

— Я очень люблю читать и у меня правило—треть заработка тратить на книги... Прочитавъ, я, конечно,

Hosted by Google

продаю книгу... это всегда жалко, но вѣдь не таскать же ихъ съ собой... Я не люблю жить на одномъ мѣстѣ долго... хочется видѣть какъ можно больше, хочется быть образованнымъ... все понимать..

— Быть образованнымъ—прекрасное желаніе, но, мнѣ кажется, для этого надо долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Однако—вы кушайте!—сказалъ я, видя, какъ раздуваются его ноздри, обоняя запахъ пищи... Онъ улыбнулся и началъ ѣсть, безуспѣшно стараясь скрыть отъ меня голодную жадность.

Было нѣсколько странно слышать его простую рѣчь, въ которой звучалъ какой-то неуловимый ритмъ и глубокая серьезность, казалось бы, не свойственная годамъ юности. Онъ немного рисовался своей гладкой рѣчью и было замѣтно, что онъ торопится убѣдить меня въ своей интеллигентности... Теперь, видя, съ какой острой жадностью онъ ѣстъ, я старался не смотрѣть на него, чтобы не смутить, и осматривалъ комнату.

Въ другомъ ея углу сидѣлъ, сдвинувъ фуражку на затылокъ, какой-то телеграфистъ. Онъ тяжело навалился грудью на столъ и угрюмо разсматривалъ стоявшую предъ нимъ полубутылку водки. Надъ нимъ летали большія черныя мухи, наполняя воздухъ недовольнымъ и тревожнымъ жужжаньемъ, онѣ путались въ пыльныхъ листьяхъ цвѣтовъ на окнахъ и съ разлета тупо бились въ стекла. Въ комнатѣ стоялъ душный запахъ табаку, кислой капусты, герани и водки...

Вошелъ какой-то высокій, угреватый человѣкъ, сѣлъ за столикъ противъ телеграфиста, молча налилъ рюмку водки, выпилъ, тщательно обсосалъ свои рыжіе усы и басомъ спросилъ:

— Какъ живешь?

Телеграфистъ откинулся на спинку стула, шлепнулъ ладонью по столу и озлобленно отвѣтилъ:

— У меня такое настроеніе... чтобы стекла бить!

Hosted by Google

— Жалуйся! — посовѣтовалъ рыжій, наливая еще водки.

— Къ чорту! Всѣ жалуются... а кто слушаетъ?

Платонъ, усмѣхнувшись, взглянулъ на меня и тихо заговорилъ:

— Я—не пью, но очень люблю сидѣть въ трактирахъ... интересно! Всегда подслушаешь какія-то особенныя слова... поймаешь мысль...

— Все это уродливо и скучно,—замѣтилъ я.—Если вы любите читать—читайте больше, вѣдь въ книгахъ вы найдете мысли болѣе цѣнныя, чѣмъ въ трактирахъ,—не такъ ли?

— Д-да, конечно!—почему-то не сразу согласился онъ и, помолчавъ, добавилъ:—хотя, знаете, иногда подумаешь и подъ уродливыми словами увидишь ту самую мысль, которую вычиталъ въ книгѣ... Тогда и книгѣ больше вѣришь, и люди кажутся лучше... умнѣе...

— У васъ были знакомые интеллигенты?—спросилъ я.

— Когда я служилъ въ редакціи—да, были.. Сотрудники очень хорошо относились ко мнѣ... давали книги... и еще былъ у меня въ Ростовѣ одинъ знакомый,—онъ столяръ, но очень образованный человѣкъ, у него была цѣлая библіотека,—медленно сказалъ Платонъ.

Онъ немного опьянѣлъ отъ сытости и, видимо, ему хотѣлось спать; глаза его помутнѣли. Я поднялся, далъ ему свой адресъ, сказалъ, чтобы онъ завтра же пришелъ ко мнѣ, и протянулъ ему руку. Онъ крѣпко пожалъ ее и, кивнувъ головой, просто сказалъ:

— Спасибо!

Я не замѣтилъ, чтобы онъ былъ тронутъ моимъ отношеніемъ къ нему и, хотя, разумѣется, не ждалъ благодарности, однако, эта его сухость—или что-то другое—не очень понравилась мнѣ. Мы всѣ обязаны цѣнить взаимныя услуги другъ другу, это необходимо въ общежитіи...

Hosted by Google

Когда я вышелъ на улицу, было уже темно. Длинная вереница фонарей, сверкая, тянулась во тьму; дулъ вѣтеръ, огоньки вздрагивали...

— А ему, должно быть, холодно въ легкомъ пиджакѣ,—подумалъ я о Платонѣ Багровѣ...

* * *

Мнѣ удалось найти для Платона мѣсто дворника въ домѣ моего знакомаго, очень милаго старика,—нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ отказался отъ чтенія лекцій въ университетѣ и теперь скромно жилъ на покоѣ, занятый изслѣдованіемъ о какомъ-то паразитѣ пшеницы.

Домикъ у него былъ маленькій, славный; онъ стоялъ на окраинѣ города и лѣтомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старыми липами, окутанный густыми волнами акаціи и сирени, смотрѣлъ изъ моря зелени гостепріимнымъ, тихимъ и чистымъ островомъ.

У профессора была дочь—маленькая дѣвица съ голубыми глазами и звонкимъ смѣхомъ, веселая, балованная и безпечная Она недурно играла на роялѣ, рисовала, читала изящную литературу и всегда носила бѣлыя платья,—они шли къ ней, какъ идетъ къ березкѣ ея бѣлая кора. Она всегда была окружена подругами, такими же изящными, какъ и сама она, у нея часто бывали студенты, благовоспитанные юноши, увлекавшіеся искусствомъ. Въ комнатѣ нижняго этажа каждый вечеръ было шумно и весело, играли, спорили, читали стихи, танцовали, а старый профессоръ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу и, поглаживая сѣдую бороду, усмѣхался веселью молодежи. Все было просто, весело и пріятно...

Я часто бывалъ въ этомъ домѣ и каждый разъ встрѣчалъ Платона Теперь лицо у него пополнѣло, круги подъ глазами исчезли, онъ носилъ толстую черную фуфайку, одѣтую на цвѣтную рубаху, черные ша-

Hosted by Google

ровары и высокіе кожаные сапоги. Этимъ, не совсѣмъ обычнымъ костюмомъ, онъ, должно быть, хотѣлъ подчеркнуть себя въ глазахъ людей. Высокій и костлявый, онъ былъ угловатъ въ движеніяхъ. Его темные короткіе волосы немного вились, глаза смотрѣли вдумчиво, спокойно и въ скуластомъ лицѣ было что-то значительное.

Видя меня въ комнатахъ, онъ ласково и молча кивалъ мнѣ головой,—онъ былъ настолько тактиченъ, что никогда не заговаривалъ со мной при хозяевахъ, должно быть чувствуя, что этимъ онъ поставилъ бы меня да и себя въ неловкое положеніе предъ ними... Но встрѣчая его на дворѣ, одинъ на одинъ, я подавалъ ему руку, и мы вступали въ бесѣду.

— Ну, какъ вамъ нравится здѣсь, Платонъ?

— Ничего!—добродушно отвѣчалъ онъ.—Свободнаго времени не такъ много, какъ я думалъ, но все-таки я могу читать... Думаю, что много хорошаго получу я въ этомъ домѣ. Много видѣть, чувствовать, работать, думать—вотъ, жизнь! Вѣрно?

— Да, да!—одобрительно говорилъ я, любуясь его оживленіемъ.—И главное, читайте побольше хорошихъ книгъ... Ну, а какъ вамъ нравятся хозяева?

— Славные, должно быть, люди... уже одно то, что они не ругаются и вообще не грубы съ прислугой, благодать! Рѣдко это встрѣтишь... Барышня забавная! Бѣгаетъ, визжитъ, дѣлаетъ гримаски... всегда чистенькая, точно холеный поросенокъ!

Мнѣ не понравился этотъ отзывъ о Лидіи Алексѣевнѣ,—отрицательное отношеніе прислуги къ хозяевамъ вполнѣ понятно, но Платонъ—человѣкъ полуинтеллигентный и долженъ понимать, что такимъ отношеніемъ къ своей хозяйкѣ онъ опускается до психологіи судомоекъ. Я ничего не сказалъ ему по этому поводу, а онъ, улыбаясь, продолжалъ:

— Она—славная, все-таки! Добрая, милая и, хоть

Hosted by Google

капризничаетъ, — а къ людямъ относится хорошо... иногда кричитъ на горничную, но это не обидно, это— дѣтское...

— Она только на годъ моложе васъ,—замѣтилъ я.

— Ничего не значитъ!—спокойно возразилъ онъ.— Годы бываютъ разные... время надо измѣрять количествомъ и качествомъ впечатлѣній... Что она видѣла и знаетъ?

Онъ любилъ хвастнуть своимъ житейскимъ опытомъ, это тоже надоѣдало мнѣ. И я имѣлъ основаніе не вѣрить ему, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что, когда Лидія Алексѣевна проходила мимо дворника, его рука подозрительно торопливо взлетала къ шапкѣ, голова покорно склонялась предъ нею и весь онъ смѣшно и угловато сгибался, точно боясь испугать дѣвушку своей длинной фигурой, подобной плохо выстроенной колокольнѣ,—онъ былъ чудовищно нескладенъ и великъ въ сравненіи со своей хозяйкой. Я не понималъ значенія этихъ поклоновъ, но Лидочка замѣтила ихъ. Это естественно: глаза врача всегда прекрасно видятъ; смѣшное въ мужчинѣ всего скорѣе доступно зрѣнію женщины...

И вотъ веселая дѣвушка обратила особенное вниманіе на дворника: она ласково улыбалась ему, иногда дарила его парой незначительныхъ словъ, а однажды, когда онъ кололъ дрова, даже спросила его—не усталъ ли онъ?

Какъ-то разъ она попросила меня снова разсказать ей мою встрѣчу съ Платономъ. Я исполнилъ ея желаніе и въ заключеніе сказалъ:

— Онъ слишкомъ самонадѣянъ... считая себя исключительной личностью, онъ, по моему, способенъ забрать себѣ въ голову Богъ знаетъ что!

Она не обратила вниманія на мои слова...

— Чудакъ онъ,—сказала она, задумчиво улыбаясь. —

Hosted by Google

Такой смѣшной, длинный... и все философствуетъ тамъ, въ кухнѣ... а надъ нимъ смѣются за это...

Потомъ она разсказала мнѣ, что прислуга дома считаетъ Платона полоумнымъ за то, что онъ не ухаживаетъ за горничными, не сидитъ въ праздники у воротъ, истребляя сѣмена подсолнуховъ, а все только читаетъ какія-то книжки.

Все его поведеніе въ глазахъ кухарки и горничныхъ было несвойственно дворнику; говорилъ онъ много, непонятно, всѣхъ чему-то поучалъ и его рѣчи раздражали людей въ кухнѣ.

— Нужно посовѣтовать ему сдать экзаменъ на учителя и пусть онъ отправится въ деревню, просвѣщать народъ,— сказалъ я.

— Да,— согласилась Лидія Алексѣевна,— это лучше для него... Здѣсь онъ не на мѣстѣ...

И, должно быть, съ этого момента она усилила свое вниманіе къ Платону—не потому, конечно, что думала открыть въ немъ переодѣтаго принца сказки, а просто ей было любопытно узнать, какъ чувствуетъ и разсуждаетъ человѣкъ, который мететъ дворъ ея дома...

Наступала весна. Прилетѣли грачи. Въ старыхъ липахъ надъ крышей дома, цѣлыми днями, не умолкая раздавался громкій крикъ хлопотливыхъ птицъ.

Я замѣтилъ, что глаза Платона смотрятъ какъ-то странно дальше того, что было передъ ними, какъ будто они упорно ищутъ нѣчто необходимо нужное ему, не находятъ и, удивленно расширяясь, улыбаются невеселой улыбкой... Онъ сталъ молчаливъ, и въ движеніяхъ его явилась какая-то растерянность... Однажды, въ тихій апрѣльскій вечеръ, запирая за мной ворота, онъ негромко спросилъ:

— Можно мнѣ прійти къ вамъ завтра?

— Пожалуйста,—сказалъ я.—Между пятью и шестью вечера... До свиданія! Между пятью и шестью...

Онъ пришелъ аккуратно въ это время, пришелъ

Hosted by Google

одѣтый, какъ всегда, въ свою фуфайку, смущенно улыбнулся мнѣ и тяжело сѣлъ къ столу.

Я заговорилъ о прочитанныхъ имъ книгахъ, но это, видимо, не интересовало его: онъ отвѣчалъ разсѣянно, неохотно и смотрѣлъ печальными глазами куда-то черезъ мою голову или сквозь мое лицо. Печаль не шла къ его скуластой физіономіи и въ ней было что-то смѣшное.

— Какъ поживаете? — спросилъ я.

— Н-не важно я чувствую себя... Неловко мнѣ стало въ этомъ домѣ... Такой вѣдь хорошій, чистый домъ... и люди умные, добрые... Думалъ — вотъ около нихъ я приведу себя въ порядокъ... научусь у нихъ многому... Однако, это не выходитъ... Голова ничего не принимаетъ... тоска какая-то... И я даже... стихи писать началъ, право!

Онъ сконфуженно взглянулъ на меня и спросилъ негромко:

— Вамъ это смѣшно?

— Нѣтъ, нисколько! — успокоилъ я его. — Прочитайте мнѣ стихи, — можно?

Онъ кивнулъ головой, усмѣхнулся невеселыми глазами, положилъ локти на столъ, опустилъ на нихъ свою лохматую голову и глухимъ голосомъ отрывисто заговорилъ:

— Ночь пришла. Сижу я у окна,
Садъ уснулъ. Въ немъ—тьма и тишина.
Я смотрю въ нѣмую ночи тьму
И душа моя кричитъ невольно:
Почему мнѣ тяжело и больно?
Почему?

Отъ его стиховъ пахло махоркой, отъ его сапогъ — дегтемъ, фуфайка на локтяхъ была протерта, у ворота она не имѣла пуговицъ, и я видѣлъ, какъ тяжело и сильно бились жилы на шеѣ Платона. Онъ неподвижно сидѣлъ и, глядя въ столъ, читалъ:

Hosted by Google

— Нѣтъ нигдѣ душѣ моей отвѣта...
Душной тьмою все кругомъ одѣто...
Спитъ земля и влажный воздухъ нѣмъ...
Только мое сердце громко бьется —
О, зачѣмъ она всегда смѣется?
О, зачѣмъ?

Онъ замолчалъ, поднялъ голову и брови его вопросительно поднялись.

— Ну, что? — спросилъ онъ.

Мнѣ было жалко парня и я хотѣлъ обратить его лирику въ шутку.

— Не хорошо! — сказалъ я, усмѣхаясь. — Нужно, чтобъ или оба смѣялись, или ужъ оба плакали... это было бы лучше! Есть у васъ еще стихи?

— Есть,—тихо сказалъ онъ и, снова опустивъ голову, медленно и грустно началъ читать:

Прощай! Душа — тоской полна...
Я вновь, какъ прежде, одинокъ
И снова жизнь моя темна.
Прощай, мой ясный огонекъ!..
Прощай!

Прощай. Я поднялъ паруса,
Стою печально у руля,
И рѣзвыхъ чаекъ голоса
Да бѣлой пѣны полоса —
Все, чѣмъ прощается земля
Со мной... Прощай!

Глухой голосъ его звучалъ однотонно и невольно напоминалъ мнѣ о чтеніи псалтыря надъ усопшимъ. Онъ помолчалъ, взглянулъ на меня и, вздохнувъ, продолжалъ:

— Даль моря мнѣ грозитъ бѣдой
И червь тоски мнѣ душу гложетъ,
И грозно воетъ валъ съ бѣдой...
Но—море всей своей водой
Тебя изъ сердца смыть не можетъ!..
Прощай!

Hosted by Google

Онъ замолчалъ и сидѣлъ неподвижно. Мнѣ было тяжело и неловко предъ нимъ, я боялся, что онъ, пожалуй, заплачетъ, и не зналъ, какъ помочь ему? Подумавъ, я рѣшилъ дѣйствовать какъ хирургъ — сразу отсѣчь ненужное. Я всталъ, подошелъ къ нему и, положивъ руку на плечо его, спросилъ:

— Вы — влюбились?

— Ну, да, — тихо сказалъ онъ.

— Кто она? Горничная Феклуша?

Онъ удивленно поднялъ брови и спокойно отвѣтилъ:

— Сама Лидія Алексѣевна...

Разумѣется, я зналъ это, но не ожидалъ, что онъ скажетъ такъ прямо и мнѣ не хотѣлось слышать объ этомъ изъ его устъ. Мнѣ было немного непріятно и очень смѣшно.

— Послушайте, голубчикъ, — заговорилъ я какъ могъ серьезно и ласково: — поймите, что вѣдь это же — забавно!

— Забавно? — тихо вскричалъ онъ и глаза его удивленно расширились.

— Ну, да! — сказалъ я. — Мнѣ прямо-таки трудно говорить съ вами серьезно...

— Почему? — повторилъ онъ свой сдавленный крикъ.

— Да вы подумайте — вамъ девятнадцать лѣтъ... ну, вы, тамъ, кое-что видѣли, кое-что знаете, но, — развѣ вы пара ей? Она — дѣвушка образованная, съ тонкими вкусами... ей органически враждебно все грубое... да не въ этомъ дѣло, наконецъ! — а въ полной невозможности такого сочетанія, какъ она и вы... Человѣкъ неглупый, вы сами должны чувствовать эту невозможность... ее нужно именно чувствовать!

— А я - не чувствую... — тихо, но упрямо сказалъ онъ и тѣмъ же тономъ спросилъ:

— Развѣ я не человѣкъ, какъ всѣ?

Я пожалъ плечами и снова началъ говорить ему, а онъ смотрѣлъ на меня сѣрыми глазами; въ нихъ свѣ-

Hosted by Google

тилось упрямство, и я видѣлъ, что мои слова не дѣйствуютъ на него.

— И, наконецъ,—сказалъ я, отходя въ сторону отъ Платона,—я знаю, что Лидія Алексѣевна любитъ меня...

Онъ медленно всталъ со стула, плотно сжалъ губы, сгорбился и, забывъ подать мнѣ руку, ушелъ...

Я посмотрѣлъ вслѣдъ ему и почувствовалъ, что мнѣ надо серьезно вмѣшаться въ эту забавную, но непріятную исторію...

* * *

На другой же день, вечеромъ, я пришелъ къ Лидіи Алексѣевнѣ и, осторожно, чтобы не очень насмѣшить ее, но въ то же время достаточно внушительно, сказалъ ей, что, пожалуй, будетъ лучше, если она перестанетъ обращать вниманіе на своего дворника.

— Почему? — удивленно спросила она.—Онъ такой забавный!.. Съ нимъ, знаете, очень интересно говорить... Иногда его разсказы, несмотря на ихъ грубость, такъ трогательны... и такъ ярко рисуютъ жизнь простыхъ людей... Почему же, деспотъ, я не должна разговаривать съ нимъ?

Тогда я сказалъ прямо, что Платонъ влюбился въ нее и что первая любовь, какова бы она ни была, на всю жизнь формируетъ сердце мужчины. Она брезгливо вздрогнула, ея глазки сдѣлались круглыми отъ изумленія, щечки ярко вспыхнули и она взволнованно забѣгала по комнатѣ, обиженная и смущенная.

— Какъ онъ смѣетъ!—растерянно воскликнула она.—Онъ? У него же... всегда потныя руки... и такія красныя... и уши тоже красныя... Но,—какъ я сама не догадалась? Вотъ... смѣшной! Мнѣ и жалко его... и это такъ не хорошо... грубо! Вы говорите—сочинилъ стихи?

— Даже, кажется, недурные,—замѣтилъ я.

— О, чудакъ! Нѣтъ, какъ же это я сама не замѣ-

Hosted by Google

тила? Право, это интересно... влюбленный демократъ... романъ! Ахъ, Боже мой! Но что же теперь съ нимъ дѣлать, Филиппъ Васильевичъ? Необходимо отказать ему отъ мѣста, да?

— Отнюдь — не сейчасъ! — посовѣтовалъ я.—Зачѣмъ же оскорблять человѣка, когда можно обойтись безъ этого? Отказать ему отъ мѣста, конечно, необходимо, но нужно сдѣлать это осторожно... не вдругъ... Подождите!

— Я бы хотѣла все-таки посмотрѣть его стихи,—задумчиво сказала она...

Послѣ я искренно и горько раскаялся въ томъ, что далъ такой совѣтъ, упустивъ изъ вида ребяческое легкомысліе Лидочки.

На другой же день я уѣхалъ изъ города, а черезъ два-три дня уже всѣ въ домѣ знали, что дворникъ влюбленъ въ барышню. Происходили,—какъ я потомъ узналъ,—веселыя и, надо сказать правду, злыя сценки.

— Платонъ!—звала Лидочка.

Онъ являлся.

— Вы любите меня?—ласково спрашивала она.

— Да!—твердо говорилъ дворникъ.

— Очень?

— Да,—повторялъ онъ.

— И если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь,—мечтательно разсматривая его скуластое лицо, таинственно и тихо говорила Лидочка,—вѣдь вы все сдѣлаете для меня, Платонъ?

— Все!—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ дворникъ.

— Ну, если такъ,—восторженно улыбаясь, продолжала она,—если такъ, дорогой мой Платонъ...

Лицо ея становилось печальнымъ и, глубоко вздыхая, она заканчивала:

— Поставьте самоваръ...

А въ глазахъ ея сверкала веселая улыбка.

Hosted by Google

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, и ставилъ самоваръ, а скулы у него становились все острѣе и глаза все глубже уходили подъ лобъ.

Иногда Лидочка, разспросивъ Платона о силѣ его любви, заставляла его вымыть ея грязныя калоши, или посылала его съ запиской къ подругѣ, и ко всему, о чемъ она его просила, она всегда примѣшивала его любовь, всегда говорила съ нимъ отъ имени его любви.

Вечеромъ, когда собирались гости, она звала Платона, заставляла его читать стихи, и онъ читалъ, низко опустивъ голову и не глядя ни на кого. Его хвалили, улыбаясь, онъ кланялся, а лицо у него было неподвижно, точно каменное. Лидочка при немъ же говорила гостямъ:

— Вѣдь недурно, не правда ли? Иногда печатаются стихи хуже этихъ. Эти—неловки, но искренны... мнѣ извѣстно, что поэтъ дѣйствительно влюбленъ и—безнадежно! На пути къ его счастью стоятъ сословные предразсудки и холодное сердце той, которую онъ воспѣваетъ...

Я нахожу, что она обращалась съ юношей неосторожно и незаслуженно зло... Мнѣ кажется, что его любовь—оскорбляла ея самолюбіе и она немножко мстила за это бѣдняку... Впрочемъ — и всѣ другіе относились къ нему не лучше. Старикъ - профессоръ былъ очень добрый человѣкъ, онъ любилъ любовью мудреца всѣхъ насѣкомыхъ, но и онъ находилъ удовольствіе въ шуткахъ надъ юношей.

— Послушайте, поэтъ!—говорилъ онъ.—Убѣдительно прошу васъ, не навалпвайте вы такъ много навоза на грядки для спаржи! Я не однажды говорилъ вамъ это, а вы все забываете.. и я останусь безъ спаржи, если дѣло пойдетъ такъ плохо... Я, впрочемъ, не сержусь, я понимаю ваше положеніе... хе-хе! Васъ влечетъ въ Аркадію... Что-жъ? Законно: въ дѣтствѣ человѣкъ бо-

Hosted by Google

лѣетъ корью и скарлатиной, въ юности онъ влюбляется, пишетъ стихи и мечтаетъ о подвигахъ... трата времени не очень полезная для жизни.. но все же это лучше, чѣмъ благоразуміе старости!

Профессоръ всегда говорилъ длинно и краснорѣчіе его было скучновато, но ему оно нравилось.

Шутила и прислуга—она, конечно, шутила проще и грубѣе. И, очевидно, всѣ шутки попадали въ цѣль очень мѣтко, ибо цѣль была достаточно велика. Но изобрѣтательнѣе всѣхъ была Лидочка,—я не могу скрыть этого и не одобряю, конечно.

Вечерами, при лунѣ, она красиво и задумчиво садилась у открытаго окна и громко говорила подругамъ о томъ, что любовь — не знаетъ преградъ, что для нея—нѣтъ дворянъ, нѣтъ крестьянъ, а есть только мужчина, человѣкъ, любимый. А Платонъ слышалъ это.

Потомъ она звала его, смотрѣла холодно и сухо въ его лицо и заставляла что-нибудь сдѣлать для нея.

Она играла меланхолическія пьесы, нѣжно трогавшія душу влюбленнаго мягкими и ласковыми аккордами, она пѣла нѣжныя, тихія пѣсенки, въ которыхъ звучало ожиданіе ласки и тоска о миломъ, и все это она дѣлала такъ, чтобы дворникъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ...

Однажды онъ подошелъ къ ней въ саду и сказалъ:

— Зачѣмъ вы смѣетесь надо мной? Не смѣйтесь, не надо... что смѣшного въ томъ, что я люблю васъ? Скоро я уйду изъ этого города... мнѣ хочется помнить васъ ласковой, доброй... не мучайте меня!

Лицо у него было сѣрое, брови опустились и между ними лежала угрюмая складка. Говорилъ онъ тихо и стоялъ неподвижно, но Лидочка чего-то испугалась въ немъ и убѣжала, ни слова не сказавъ ему.

А на другой день она не могла отказать себѣ въ

Hosted by Google

удовольствіи еще немножко помучить его, призвала въ комнаты и заставила читать стихи передъ двумя ея подругами. Въ стихахъ шла рѣчь о молодомъ, крѣпкомъ дубѣ,—одна изъ его вѣтокъ коснулась лица королевы, и королева приказала срубить дубъ. Стихи были неуклюжіе; барышни, слушая ихъ, улыбались...

Кончилось это тѣмъ, что однажды утромъ я получилъ телеграмму отъ Лидочки:

„Пожалуйста немедленно пріѣзжайте Платономъ несчастіе Лида".

Она встрѣтила меня растерянная, блѣдная, полубольная.

— Вы знаете—онъ застрѣлился!

— Неужели?—воскликнулъ я, тяжело пораженный.

— Да, да! вотъ вамъ!—нервозно бѣгая по комнатѣ, говорила она.—И въ этомъ виноваты вы, вы!

— Я?

— Конечно! Надо было тогда же, сразу отказать ему отъ мѣста, а вы сказали—это нельзя! Вотъ теперь... Бѣдный! Мнѣ его жалко...

На глазахъ у нея сверкали слезы, видно было, что она не спала ночь и много плакала.

— Если бъ я знала, что онъ такъ... серьезно... я бы не позволяла себѣ шутить,—говорила она, приложивъ платокъ къ лицу и вздрагивая.—Говорятъ, онъ еще живъ... поѣзжайте къ нему! Я не могу... я потомъ.. Папа такъ разстроенъ... и всѣмъ его жалко... вѣдь онъ былъ такой оригинальный!

Дитя! Она и тутъ говорила о немъ, какъ о сломанной игрушкѣ...

Я тотчасъ же поѣхалъ въ больницу и по дорогѣ печально думалъ о Платонѣ. Онъ мнѣ казался такимъ крѣпкимъ, твердымъ—и вотъ, при первомъ же столкновеніи съ жизнью, онъ опрокинутъ и разбитъ. И этой неустойчивости, вполнѣ понятной у культурнаго чело-

Hosted by Google

вѣка, живущаго нервной жизнью, я не понималъ въ Платонѣ...

Онъ лежалъ вверхъ лицомъ, желтый, безкровный, съ морщинами на лицѣ, глаза у него потемнѣли, стали огромными, и въ нихъ неподвижно застыла тоска и боль. Зубы онъ крѣпко сжалъ, и скулы у него выдавались острыми углами. Его длинная жилистая рука безсильно свѣсилась съ койки, касаясь пальцами пола. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ лицо какимъ-то большимъ, тяжелымъ взглядомъ и—молчалъ... Наконецъ, сквозь зубы скрипящимъ голосомъ, задыхаясь отъ слабости, онъ съ усиліемъ сказалъ мнѣ:

— Спросите ихъ... вотъ я—работалъ на нихъ... чтобы имъ жилось удобнѣе и чище... за что же они изувѣчили меня? Спросите ихъ...

И глаза его медленно закрылись. Я поднялъ его руку, положилъ ее на колѣни себѣ и ласково заговорилъ:

— Въ этомъ нѣтъ преступленія, мой другъ, это—ошибка, недоразумѣніе... не надо судить людей такъ строго... Вотъ—выздоровѣете вы, и—все это... разъяснится... Вѣдь вы же знаете—они хорошіе люди.

Онъ тихо потянулъ руку съ моихъ колѣнъ, и она снова безсильно скатилась на полъ. Не открывая глазъ онъ сказалъ:

— Тамъ у меня... остались книги... пошлите ихъ въ Ростовъ... столяру Евсѣю Скрябину... не забудьте!

— Хорошо, я пошлю!

Вынувъ записную книжку, я занесъ въ нее его порученіе и адресъ столяра, а онъ все лежалъ неподвижно. Въ груди его глухо хрипѣло, и огромныя, темныя пятна на мѣстѣ глазъ дѣлали его лицо мертвымъ.

Я смотрѣлъ на него, молчалъ и мнѣ было неловко оставаться, неловко уйти.

Наконецъ, онъ открылъ глаза и, увидавъ меня, прошепталъ:

Hosted by Google

— Уходите!

— До свиданія!—сказалъ я, снова поднявъ его руку и пожимая ее. Онъ не отвѣтилъ мнѣ ни звукомъ, ни движеніемъ руки.

Медленно, съ непріятнымъ, ѣдкимъ чувствомъ въ груди, я пошелъ изъ палаты и когда вышелъ въ коридоръ, то услыхалъ хриплый голосъ Платона:

— Сидѣлка... не пускайте ко мнѣ... никого...

Очевидно, онъ думалъ, что придетъ Лидочка.

Ночью онъ умеръ.

...Исполняя его обѣщаніе, я послалъ въ Ростовъ книги, оставленныя имъ—свои тетрадки со стихами онъ сжегъ въ печи, сказала мнѣ прислуга,—но среди книгъ мнѣ попался перечеркнутый листокъ почтовой бумаги, и на немъ торопливо были написаны вотъ эти, полныя юношескаго пафоса строки:

„Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ, на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную“...

Я взялъ листокъ себѣ на память о Платонѣ, недавно, роясь въ столѣ нашелъ его и вспомнилъ о юношѣ... и—вотъ разсказалъ о немъ, какъ умѣлъ...

Hosted by Google

Hosted by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ ПЕРЕВОДѢ К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное изданіе.

Вышелъ ТОМЪ ПЕРВЫЙ. *Содержаніе:*

1. Лирика: 186 стихотвореній.
2. Царица Мабъ. Поэма.
3. Примѣчанія Шелли къ «Царицѣ Мабъ».
4. Демонъ міра. Поэма.
5. Аласторъ. Поэма.

Геліогравюра Дюжардена, изображающая Шелли.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ ТОМЪ ВТОРОЙ. *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.
2. Царевичъ Атанизъ. Отрывокъ.
3. Строки, написанныя среди Евганейскихъ холмовъ.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.
5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
7. Ченчи. Трагедія.

Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Вышелъ ТОМЪ ТРЕТІЙ. *Содержаніе:*

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.
3. Волшебница Атласа. Поэма.
4. Эпипсихидіонъ. Поэма.
5. Адонаисъ. Элегія.
6. Эллада. Лирическая драма.
7. Отрывки неоконченной драмы.
8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
9. Торжество жизни. Поэма.
10. Ассассины. Отрывокъ изъ романа.
11. Колизей.
12. О любви.
13. Размышленія о метафизикѣ.
14. Размышленія о морали.
15. О будущемъ состояніи.
16. О литературѣ, искусствахъ и нравахъ аѳинянъ.
17. Объ одномъ мѣстѣ въ Критонѣ.
18. Критическія замѣчанія о скульптурѣ флорентинской галлереи.
19. Арка Тита.
20. О возрожденіи литературы.
21. О смертной казни.
22. О жизни.
23. Въ защиту поэзіи.

— Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

– Къ третьему тому приложена статья «*Эдуардъ Даудэнъ*. Очеркъ жизни Шелли».

Цѣна 2 р.

Съ выходомъ третьяго тома изданіе закончено.

*Выписывающіе изъ склада товарищества „ЗНАНІЕ“ **за пересылку не платятъ**. Просятъ обращаться **исключительно** по адресу:*
Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 22

Hosted by Google

Въ товариществѣ „ЗНАНІЕ“ поступили въ продажу:

1. **Эсхилъ. СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . . — р. 30 к.
2. **Софоклъ. ЭДИПЪ ЦАРЬ** . . . . . — » 40 »
3. **Софоклъ. ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ** . . . . . — » 40 »
4. **Софоклъ. АНТИГОНА** . . . . . — » 40 »
5. **Эврипидъ. МЕДЕЯ** . . . . . — » 40 »
6. **Эврипидъ. ИППОЛИТЪ** . . . . . — » 40 »

Примѣчаніе: Всѣ шесть трагедій переведены съ греческаго Д. С. Мережковскимъ. Въ стихахъ. При каждой—портретъ автора.

7. **Платонъ. ПИРЪ** . . . . . — » 60 »

Философская поэма. *Иллюстраціи*: снимки съ бюстовъ Платона, Сократа, Аристофана, Алкивіада; картины пира по древне-греческимъ вазамъ; снимки со статуй и рельефовъ; снимки съ картины «Пиръ» Фейербаха.

8. **Байронъ. МАНФРЕДЪ** . . . . . — » 40 »
9. **Шелли. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ** . . . . . — » 50 »
10. **Шелли. ЧЕНЧИ** . . . . . — » 50 »
11. **Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . . 2 » — »

Переводъ И. А. Бунина. Въ стихахъ. *Роскошно-иллюстрированное* изданіе: около **400** рисунковъ въ текстѣ; портретъ Лонгфелло и 22 большихъ рисунка на отдѣльныхъ таблицахъ.

12. **Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ** . . . . . — » 80 »

Дешёвое изданіе: тотъ-же переводъ, тѣ-же **400** рис. въ текстѣ; 22 таблицы и портретъ Лонгфелло; только бумага и форматъ другіе.

13. **Красинскій. ИРИДІОНЪ** . . . . . — » 60 »
14. **Бьёрнсонъ. ПЕРЧАТКА** . . . . . — » 40 »
15. **Гауптманъ. РОЗА БЕРНДЪ** . . . . . — » 50 »
16. **Золя УГЛЕКОПЫ** . . . . . 1 » — »
17. **Гёте. ФАУСТЪ.** Обѣ части. Переводъ въ прозѣ П. И. Вейнберга, съ примѣчаніями переводчика . 2 » — »

Выписывающіе изъ склада товарищества «ЗНАНІЕ» за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу Контора т-ва «ЗНАНІЕ». Спб., Невскій, 92.

Hosted by Google

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (СПБ., Невскій, 92).

Лонгфелло. ПѢСНЬ О ГАЙАВАТѢ.

Роскошно иллюстрированное изданіе. Переводъ въ стихахъ И. А. Бунина. Рисунки американскаго художника Ремингтона. Портретъ Лонгфелло; около **400** иллюстрацій въ текстѣ; **22** большихъ рис. на отдѣльныхъ таблицахъ. Цѣна **2** рубля.

Дешевое изданіе. Портретъ Лонгфелло; около 400 рис. въ текстѣ, 22 рис. на отдѣльныхъ табл. Тотъ же переводъ, тѣ же иллюстраціи, какъ въ роскошномъ изданіи, но бумага и форматъ другіе. Цѣна **80** коп.

Отзывы печати о переводѣ ***Ив. А. Бунина.***

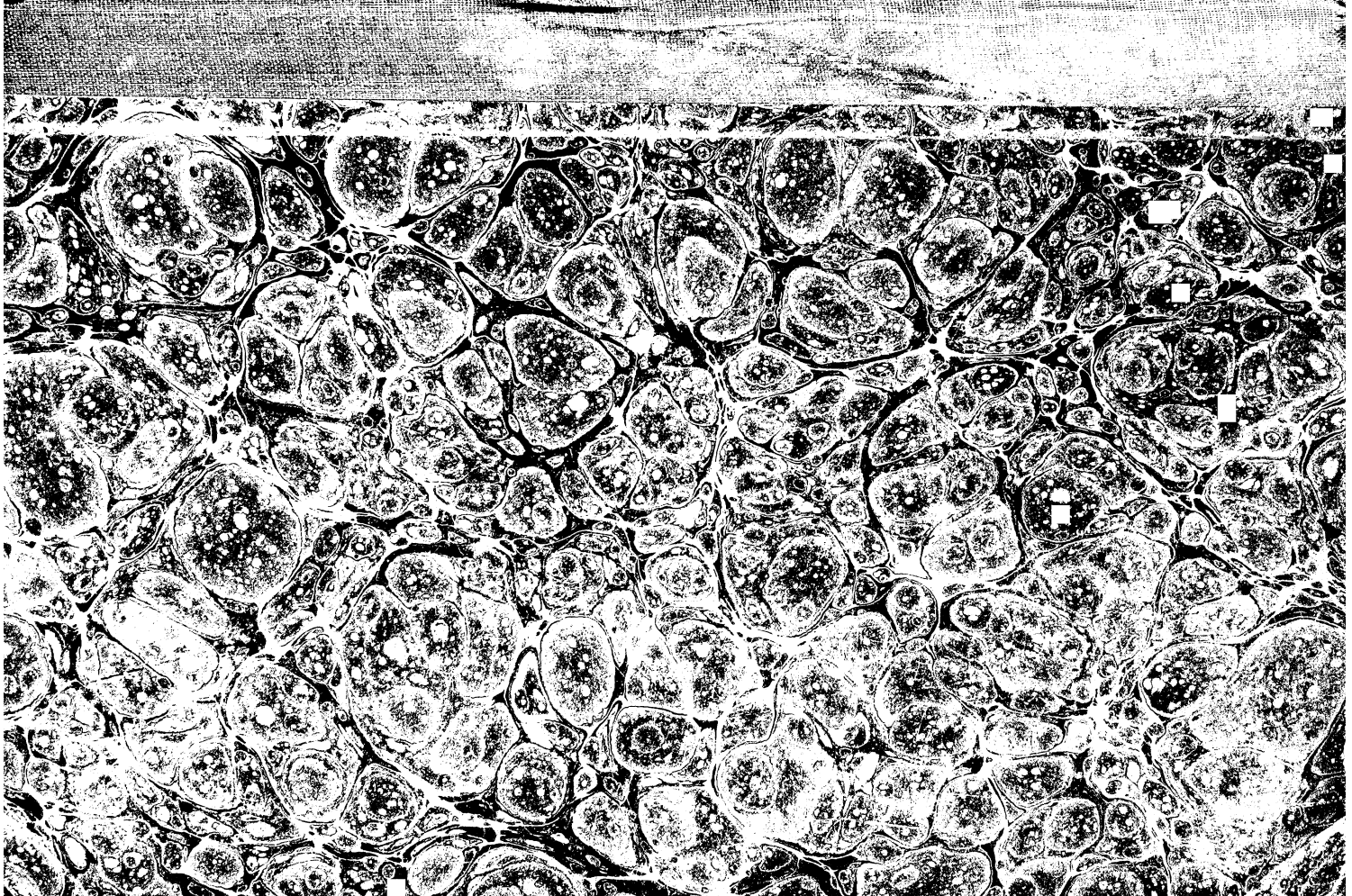
...„Во всемірной литературѣ немного есть эпическихъ произведеній, которыя по художественной красотѣ превосходили бы «Пѣснь о Гайаватѣ»... Переводъ исполненъ прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ». (*Русск. Вѣдомости*).

«Лонгфелло принадлежитъ къ благороднѣйшимъ поэтамъ нашего вѣка не только по своему исключительному поэтическому дарованію, но и по широкимъ интересамъ и высоко гуманному настроенію... Въ Великобританіи онъ занимаетъ мѣсто въ ряду величайшихъ поэтовъ... Лучшая поэма его—«Пѣснь о Гайаватѣ». Переводчикъ вполнѣ успѣшно справился со своей нелегкой задачей, сумѣвъ сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабивъ его могучей образности, что очень рѣдко случается съ нашими стихотвореніями»... (*Міръ Божій*).

«Пѣснь о Гайаватѣ»—одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній знаменитаго американскаго поэта... Благородный и величественный образъ Гайаваты, постоянно борющагося со зломъ и глубоко страдающаго за людей, производитъ необыкновенно облагораживающее, возвышающее впечатлѣніе... Незаурядный переводъ г. Бунина сдѣланъ по подлиннику съ величайшей тщательностью, стихъ его легокъ и музыкаленъ, образы поэтичны, тонъ выдержанъ прекрасно и какъ нельзя лучше передаетъ то величественное впечатлѣніе, какое и должна производить «Пѣснь о Гайаватѣ»... (*Сынъ Отечества*).

«Знаменитая поэма Лонгфелло дождалась, наконецъ, дѣйствительно талантливаго, а въ большой своей части и прямо образцоваго перевода, принадлежащаго перу нашего молодого беллетриста Ив. А. Бунина»... (*Жизнь*, 1900 г.)

«Пѣснь о Гайаватѣ» принадлежитъ къ крупнѣйшимъ жемчужинамъ міровой поэзіи... Переводъ И. А. Бунина положительно превосходенъ: онъ музыкаленъ, поэтиченъ, передаетъ вполнѣ духъ подлинника и вообще очень близокъ къ нему»... (*Діонео, Од. Листокъ*).

«Пѣснь о Гайаватѣ»—одна изъ тѣхъ рѣдкихъ книгъ, которыя съ первыхъ же страницъ захватываютъ высокой и свѣтлой поэзіей. Г. Бунинъ далъ больше, чѣмъ хорошій переводъ, онъ далъ произведеніе, отличающееся всею прелестью оригинала»... (*Вѣстникъ Воспитанія*).

Hosted by Google